

ISSN 2077-5105

(друковане видання)

ISSN 2079-1771

(електронне видання)

Український соціологічний журнал № 1–2
Украинский социологический журнал
Ukrainian Sociological Journal **2014**

Наукове, інформаційне видання

Український соціологічний журнал

Наукове, інформаційне видання
Заснований 2008 року
Випуск 11-12

№ 1 – 2/2014

Затверджено до друку рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (протокол № 12 від 24 листопада 2014 р.)
Засновники журналу:
Соціологічна асоціація України
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Головний редактор – Бакіров В. С. – академік НАН України, д-р соціол. наук, професор, ХНУ імені В.Н. Каразіна
Заступник головного редактора – Сокурянська Л. Г. – д-р соціол. наук, професор, ХНУ імені В.Н. Каразіна
Відповідальний секретар – Субота М.М. – к. соціол. наук, ХНУ імені В.Н. Каразіна

Редакційная колегія

Гаспаріні А. – д-р соціол. наук, професор, Інститут міжнародної соціології м. Гориції, Триєстський університет, Італія
Герпфер К. – д-р політ. наук, професор, Королівський коледж (Університет Абердіна), Великобританія
Головаха Є. І. – д-р філос. наук, Інститут соціології НАН України
Корпорович Л. – д-р соціол. наук, професор, Ягеллонський університет, Польща
Куценко О. Д. – д-р соціол. наук, професор, Київський національний університет імені Тараса Шевченка
Туманов С. В. – д-р філос. наук, професор, Московський державний університет імені М.В. Ломоносова, Росія
Філліпс С. – професор антропології, Університет Індіани, США
Хижняк Л. М. – д-р соціол. наук, професор, ХНУ імені В.Н. Каразіна
Черниш Н. Й. – д-р соціол. наук, професор, ЛНУ імені Івана Франка

Редакційна рада

О. Балакірева (Київ), Л. Білоконь (Миколаїв), В. Бурега (Донецьк), А. Вальчук (Хмельницький), В. Ворона (Київ), А. Горбачик (Київ), В. Городяненко (Дніпропетровськ), Е. Гугнін (Запоріжжя), О. Дейнеко (Харків), В. Євтух (Київ), О. Кириленко (Рівне), Н. Коваліско (Львів), Л. Кондратик (Луцьк), М. Гоманюк, Р. Куртсеїтов (Сімферополь), О. Личковська (Одеса), Л. Ляпіна (Миколаїв), О. Мазурик (Донецьк), О. Максимович (Івано-Франківськ), К. Михайльова (Харків), Б. Нагорний (Луганськ), В. Ніколенко (Дніпропетровськ), В. Паніотто (Київ), О. Пелін (Ужгород), С. Романенко (Одеса), І. Руценко (Харків), С. Хобта (Луганськ), О. Ходус (Дніпропетровськ), Н. Цимбалюк (Київ), А. Шатохін (Умань), С. Щудло (Дрогобич), С. Яремчук (Чернівці).

Зв'язок з редакцією: УКРАЇНА, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 6; телефон (+38-057) 707-52-37; факс (+38-057) 714-14-08; e-mail: socjour@gmail.com; сторінка журналу на сайті Соціологічної асоціації України: <http://www.sau.kiev.ua>

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ №15008-3670Р

ЗМІСТ

Любов Бевзенко (Київ) Соціальна самоорганізація і механізми регуляції соціальної поведінки	6
Олексій Мусієздов (Харків) «Спільна мова тротуару»? : Критика дискурсу публічних просторів	18
Єлізавета Подольська (Харків), Вікторія Назаркіна (Харків) Соціальна безпека: сутність, загрози та шляхи забезпечення.....	23
Валерій Ніколаєвський (Харків) Концептуалізація соціальної безпеки в контексті соціологічного знання.....	28
Олександр Голиков (Харків) Евристичні можливості соціології знання в аналізі ідентичностей: від топології до типології.....	37
Олександр Хижняк (Харків) Колективна ідентичність, солідарність і довіра як конструкти масової мобілізації у Східноєвропейському пограниччі	48
Наталія Коваліско (Львів) Соціальний ліфт як чинник структурування сучасного українського суспільства.....	59
Катерина Михайлова (Харків) Інтегруюча роль класичних університетів у сучасній Україні	65
Роман Борисов (Харків), Ирина Шеремет (Харків) Навчальні практики школярів Харківщини: показники, динаміка, фактори актуалізації.....	70
Анатолій Шатохін (Умань), Марина Вуйченко (Ялта) Соціально-професійна кар'єра випускників Уманського національного університету садівництва: досягнення на рубежі епох.....	79
Джилл Овчерзак (Балтимор, США), Сара Філіпс (Блумінгтон, США), Ольга Філіппова (Харків) Неурядові організації в Україні як агенти забезпечення ВІЛ-превентивного сервісу	85
Поліна Амбарова (Єкатеринбург) Темпоральні стратегії поведінки бізнес-спільноти: досвід якісного дослідження.....	91
Людмила Малес (Київ) Романтичні та неотрадиціоналістські мотиви культури в реакції на урбанізаційні процеси в українському суспільстві	97
СОЦІОЛОГІЧНА ОСВІТА	
Оксана Даниленко (Харків) Життєвий світ ІТ-фахівців: можливості і проблеми дослідження в контексті соціології повсякденності та візуальної соціології.....	103
СОЦІОЛОГІЧНА ПУБЛІЦИСТИКА	
Соціологія одного міста: інтерв'ю з польським соціологом професором Яцеком Курчевським	112
Микола Чаплик (Донецьк) Руйнування «кримінального суспільства» як запорука єдності України.....	117
НАУКОВЕ ЖИТТЯ	
«Український виклик: соціологічні інтерпретації» («круглий стіл», проведений в рамках XVIII Міжнародної наукової конференції «Харківські соціологічні читання»).....	123
РЕЦЕНЗІЇ, РЕФЕРАТИ, ВІДГУКИ	
Игор Мартинюк (Київ), Наталія Соболева (Київ) Рецензія на книгу Л. В. Сохань «Життєтворчість як мистецтво. Призначення. Життєтворчість. Доля».....	137

CONTENTS

Lyuba Bevzenko (Kyiv) Social self-organization and mechanisms of social behaviour regulation.....	6
Oleksiy Musiyezdov (Kharkiv) «Common language of the pavement»: ? Critique of the public spaces' discourse.....	18
Elisaveta Podolskaya (Kharkiv), Viktoriya Nazarkina (Kharkiv) Social security: essence, threats and ways of maintenance	23
Valeriy Nikolayevskyy (Kharkiv) Conceptualization of social security in the context of sociological knowledge.....	28
Alexandr Golikov (Kharkiv) Sociology of knowledge heuristic possibilities in analysis of identities: from typology to topology.....	37
Oleksandr Khyzhniak (Kharkiv) Collective identity, solidarity and trust as constructs of mass mobilization in the Eastern European border zone.....	48
Natalia Kovalisko (Lviv) Social elevator as a factor of structuring of contemporary Ukrainian society	59
Ekaterina Mihaileva (Kharkiv) The integrative role of classical universities in contemporary Ukraine	65
Roman Borisov (Kharkiv), Irina Sheremet (Kharkiv) The educational practices of school children of Kharkiv region: indicators, dynamics, and factors of actualization.....	70
Anatoliy Shatokhin (Uman) Marina Vuychenko (Yalta) Social professional career of the graduates of the Uman' National University of Horticulture: achievements on the boundary of the epochs	79
Jill Owczarzak (Baltimore, USA), Sarah Phillips (Bloomington, USA), Olga Filippova (Kharkiv) Nongovernmental organizations as agents of HIV-prevention service provision in Ukraine	85
Polina Ambarova (Ekaterinburg) The temporal behavior strategies of the business community: Experience in qualitative research	91
Lyudmyla Males (Kyiv) Romantic and neotraditionalistic motifs of culture in reaction to urbanization processes in Ukrainian society	97
SOCIOLOGICAL EDUCATION	
Oksana Danylenko (Kharkiv) Life-world of IT-specialists: Research opportunities and challenges in the context of sociology of everyday life and visual sociology.....	103
SOCIOLOGICAL PUBLICISM	
Sociology of one town: An interview with Polish sociologist professor Jacek Kurczewski.....	112
Mikola Chaplyk (Donetsk) Destruction of «criminal society» as a guarantee of the unity of Ukraine	117
ACADEMIC LIFE	
«The Ukrainian challenge: sociological interpretations» («Round Table» within the Framework of XVIII International Conference «The Kharkiv Sociological Readings»).....	123
REVIEWS, SUMMARIES	
Igor Martyniuk (Kyiv), Natalia Soboleva (Kyiv) Book review: L. V. Sokhan «Creation of Life as an Art. Mission. Creation of Life. Destiny».....	137

СОДЕРЖАНИЕ

Любовь Бевзенко (Киев) Социальная самоорганизация и механизмы регуляции социального поведения.....	6
Алексей Мусиездов (Харьков) «Общий язык тротуара»? Критика дискурса публичных пространств.....	18
Елизавета Подольская (Харьков), Виктория Назаркина (Харьков) Социальная безопасность: сущность, угрозы и пути обеспечения.....	23
Валерий Николаевский (Харьков) Концептуализация социальной безопасности в контексте социологического знания.....	28
Александр Голиков (Харьков) Эвристические возможности социологии знания в анализе идентичностей: от топологии к типологии.....	37
Александр Хижняк (Харьков) Коллективная идентичность, солидарность и доверие как конструкты массовой мобилизации на Восточно-европейском пограничье.....	48
Наталья Ковалиско (Львов) Социальный лифт как фактор структурирования современного украинского общества.....	59
Екатерина Михайлева (Харьков) Интегрирующая роль классических университетов в современной Украине.....	65
Роман Борисов (Харьков), Ирина Шеремет (Харьков) Учебные практики школьников Харьковщины: показатели, динамика, факторы актуализации.....	70
Анатолий Шатохин (Умань), Марина Вуйченко (Ялта) Социально-профессиональная карьера выпускников Уманского национального университета садоводства: достижения на рубеже эпох.....	79
Джилл Овчерзак (Балтимор, США), Сара Филлипс (Блумингтон, США), Ольга Филиппова (Харьков) Неправительственные организации в Украине как агенты обеспечения ВИЧ-превентивного сервиса.....	85
Полина Амбарова (Екатеринбург) Темпоральные стратегии поведения бизнес-сообщества: опыт качественного исследования.....	91
Людмила Малес (Киев) Романтические и неотрадиционалистские мотивы культуры в реакции на урбанизационные процессы в украинском обществе.....	97
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	
Оксана Даниленко (Харьков) Жизненный мир IT-специалистов: возможности и проблемы исследования в контексте социологии повседневности и визуальной социологии.....	103
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА	
Социология одного города: интервью с польским социологом профессором Яцеком Курчевским	112
Николай Чаплик (Донецк) Разрушение «криминального общества как залог единства Украины»	117
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Украинский вызов: социологические интерпретации» («круглый стол», проведенный в рамках XVIII Международной научной конференции «Харьковские социологические чтения»).....	123
РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ, ОТЗЫВЫ	
Игорь Мартынюк (Киев), Наталья Соболева (Киев) Рецензия на книгу Л. В. Сохань «Жизнетворчество как искусство. Предназначение. Жизнетворчество. Судьба».....	137

Любовь Бевзенко

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии
Института социологии НАНУ

Lyuba Bevzenko

Doctor of Social Sciences, Senior Research Fellow,
Department of Social Psychology, Institute of Sociology of NASU

СОЦИАЛЬНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье проанализирована проблема регуляции социального поведения с точки зрения социосамоорганизационного подхода, в рамках которого выделяется два механизма социальных изменений – самоорганизационный и организационный. Показано, что регулятивный эффект этих механизмов зависит от степени стабильности социальной системы. Использование понятия «социальная энтропия» позволяет описать различные состояния социальной системы: стабильность, нестабильность первого рода и нестабильность второго рода. Доказано, что только в случае нестабильности первого рода возможно успешное сочетание двух названных механизмов регуляции с целью обеспечения эволюционного развития общества.

Ключевые слова: организационный и самоорганизационный механизмы социальных изменений, регуляция социального поведения, типы социальной нестабильности, социальная энтропия, социальная бифуркация.

The article proposes to consider the problem of regulation of social behavior in terms of social self-organization approach, in which two mechanisms of social change are distinguished - self-organizational and organizational. It is shown that the regulatory effect of these mechanisms depends on the degree of stability of the social system. The concept of social entropy allows to describe different states of social system: stability, instability of the first kind and instability of the second kind. It is proved that only in the case of instability of the first kind it is possible to combine these two mechanisms of regulation in order to ensure evolutionary way of development of society.

Keywords: organizational and self-organizational mechanisms of social change, the regulation of social behavior, the types of social instability, social entropy, social bifurcation.

У статті проаналізовано проблему регуляції соціальної поведінки з точки зору соціосамоорганізаційного підходу, в рамках якого виділяються два механізми соціальних змін – самоорганізаційний і організаційний. Показано, що регулятивний ефект цих механізмів залежить від ступеня стабільності соціальної системи. Використання поняття «соціальна ентропія» дозволяє описати різноманітні стани соціальної системи: стабільність, нестабільність першого роду та нестабільність другого роду. Доведено, той факт, що тільки у випадку нестабільності першого роду можлива успішна комбінація двох названих механізмів регуляції з метою забезпечення еволюційного розвитку суспільства.

Ключові слова: організаційний та самоорганізаційний механізми соціальних змін, регуляція соціальної поведінки, типи соціальної нестабільності, соціальна ентропія, соціальна бифуркація.

Вопрос о механизмах регуляции социального поведения всегда был интригующим для социологии как с точки зрения теоретического видения, так и с точки зрения тех практических выводов, которые теоретическое осмыс-

ление данной проблемы может продиктовать. С появлением такого понятия, как «социальные технологии», этот вопрос приобретает еще большую актуальность и практическую значимость. С особой остротой анализирую-

мая проблема встает в ситуации социального кризиса, переломных моментов социальной истории, когда оказываются малоэффективными регулятивные воздействия, практикуемые в стабильных социальных условиях.

Целью данной статьи является демонстрация эвристических возможностей социосаморганizationalного подхода в моделировании процессов социальных изменений, особенно в условиях кризисных, переломных моментов в развитии общества, а также анализ отличий механизмов регуляции социального поведения в стабильном и кризисном социуме.

Под *регуляцией социального поведения* мы будем понимать возможность тем или иным способом корректировать поведение социальных акторов на микро-, мезо- или даже макроуровне с целью сохранения или *восстановления социального порядка*. Под последним, в свою очередь, будем понимать наличие относительной согласованности, когерентности, предсказуемости в поведении этих акторов, что делает – снова-таки относительно – прогнозируемой ситуацию в обществе в целом.

Предлагая *теоретические основания* для ответа на этот вопрос о механизмах регуляции социального поведения, мы будем исходить из тезиса о том, что разговор об этих механизмах и их эффективности существенно зависит от того, говорим ли мы о регуляции в рамках стабильного социума (сохранение порядка), или же речь идет о регуляции в ситуации нестабильных кризисных общественных состояний (восстановление старого порядка или становление новой социальной упорядоченности).

С нашей точки зрения, все вопросы, связанные с кризисными, нестабильными, хаотичными или даже катастрофическими системными состояниями, наиболее адекватно описываются в рамках тех теоретических моделей социальной динамики, которые основываются на представлении о социальных процессах, подчиняющихся закономерностям, присущим *нелинейным системным объектам*. Этот достаточно абстрактно очерченный методологический выбор диктует многие последующие концептуальные предложения и логические заключения.

Социологическая адаптация общенаучного нелинейного подхода к системным процессам, в основании которого лежат работы И. Пригожина [1], Г. Хаккена [2], С. Курдюмова [3]) и который можно назвать нелинейным этапом в масштабном проекте системных исследований, позволяет сделать ряд нетривиальных уточнений, касающихся давно работающих в социологии понятий и концептов. Некоторые из них будут предложены ниже.

Главная идея, связанная с нелинейным подходом в его самом общем варианте и спо-

собная плодотворно работать на поставленную проблему социальной регуляции, заключается в рассмотрении процессов социальной динамики как результата наложения действия *организационных и самоорганизационных механизмов социальных изменений*. Используя регулятивные рычаги, основанные на этих двух механизмах, можно выстраивать стратегии регуляции социального поведения – как на микроуровне (отдельные индивиды), так и на мезо- и макроуровне (группы и общество в целом). Главный вопрос – от чего зависит успешность такого использования? Когда эти механизмы могут эффективно работать на удержание, восстановление или изменение социального порядка, а когда – способны углублять и провоцировать социальную дезорганизацию?

Суть названных механизмов состоит в следующем. *Организационные механизмы* – это то, что связано с рационально выстроенными проектами, они опираются на конкретные цели и пошаговые планы, имеют конкретного социального субъекта в то время, как социальная самоорганизация, *самоорганизационные механизмы* представляет собой как бы собственную активность социальной системы, ее внутреннюю глубинную спонтанную тектонику. Самоорганизационные механизмы нельзя спроектировать, но можно эффективно использовать в регулятивных целях при условии знания того, как они работают и как их проявление выглядит на социальной поверхности.

На основании реконструкции *самоорганизационно возникающих социальных структур* путем движения от абстрактных схем нелинейной динамики к конкретным проявлениям процессов самоорганизации в социальной среде нами было установлено, что в основе самоорганизационно возникающих социальных порядков (социальных структур, представляющих эти порядки на социальном ландшафте) лежат *социальный миф и социальная игра* [4].

Основываясь на рассматриваемом подходе, мы будем утверждать, что основную, *базисную роль* в образовании и удержании общего социального порядка играют *самоорганизационные механизмы*. Организационные механизмы могут работать эффективно только при условии опоры на знание законов самоорганизации. В противном случае, порождаемые организационно проекты будут разрушаться и оставаться нереализованными в силу все той же внутренней активности среды, в данном случае работающей на сопротивление. В случае же построения организационных проектов с опорой на указанные законы достижение цели возможно за счет приложения небольших, но верно направленных усилий. Ниже

наше внимание будет направлено именно на механизмы самоорганизационного типа.

Важно обратить внимание на то, что *именно согласовывается, упорядочивается* под действием этих двух механизмов. Организационные порядки присутствуют на уровне согласованности действий и внешних поведенческих проявлений, самоорганизационные – на уровне желаний и глубинных мотиваций. Иными словами, организационный порядок – это скоординированность, согласованность жестов, поведенческих актов, слов, но не обязательно желаний и мотиваций, стоящих за этими жестами. Самоорганизационный – согласованность желаний и мотиваций. При этом могут наблюдаться помехи на пути их осуществления в жестах, словах и поведении. Последнее обстоятельство объясняет, почему самоорганизационная упорядоченность является базисной и опора на нее дает устойчивость порядкам организационным.

Процесс поддержания этих порядков тоже существенно различается. Приказ, закон, план, регламент, договор, поверхностная мотивация, сформированная конечной целью, результатом – все это дает согласованность организационную, организационный порядок. Опора на формальный закон, внешний контроль лежат в основе поддержания такого порядка. Миф, игра дают поддержку и устойчивость самоорганизационному порядку за счет постоянно воспроизводимой притягательности самого процесса, мотивированности процессом и желанием в нем участвовать здесь и сейчас. Такая мотивация существенно отличается от мотивации целью и не требует практически внешнего контроля. Более того, внешними усилиями бывает сложно вырвать человека из этих порядков (пример – детские игры, религиозные общины, любящие сообщества друзей).

Конечно, современное общество более узнаваемо в тех описаниях, где речь идет о порядках организационных, но *действенность этих двух механизмов* существенно различна в случаях, когда мы рассматриваем стабильные и нестабильные состояния общества. Об этом мы и поведем разговор, апеллируя к заявленным нелинейным представлениям.

Первым важным понятием уточнением в рамках избранного класса социальных моделей будет *уточнение самого понимания стабильных – нестабильных* состояний социальной системы. Вместо привычных стабильность-нестабильность, нелинейная теоретическая рамка требует выделения трех качественно разных системных состояний. Это: состояния реально стабильные, состояния нестабильности первого рода (которые часто тоже квалифицируются как стабильные) и состояния нестабильности второго рода, кото-

рые и в самом деле достойны того, чтобы их так обозначать. Различение названных состояний вводится по признаку меры устойчивости системного порядка.

Конструктивно подойти к вопросу устойчивости-неустойчивости нелинейной системы можно с помощью понятия «системная энтропия», означающего меру системного хаоса (беспорядка). В нашем случае речь идет о *системной социальной энтропии*.

Поскольку выше мы говорили о двух типах порядков, то логично говорить и о *двух типах энтропии*, относящихся к порядку организационному и самоорганизационному. И это очень важный момент, часто ведущий ко многим теоретическим и практическим заблуждениям. Часто социум, кажущийся вполне упорядоченным и стабильным, вдруг резко скатывается в хаос, что выглядит неожиданно и непредсказуемо. Но в таком случае можно утверждать – стабильность была организационная, на самоорганизационном уровне наблюдался рост энтропии, что и вылилось в быструю хаотизацию, прорвавшуюся сквозь оболочку организационного порядка. Эти примеры хорошо просматриваются на тоталитарных обществах, которые взрываются неожиданно для внешних наблюдателей. Происходит это тогда, когда порядок на уровне поведения (организационный) еще как-то присутствует, а вот на уровне мотиваций и желаний (самоорганизационный) все более ослабляется.

Ниже мы будем *говорить о самоорганизационном порядке* и, соответственно, об энтропии, ему соответствующей. Причину такого предпочтительного внимания мы оговорили выше – самотектоника системы заложена именно здесь, и в случае отсутствия баланса между организацией и самоорганизацией ответственность за системный порядок берет на себя последняя. И здесь положительные ассоциации, связанные со словом «порядок», далеко не всегда могут быть оправданными. Это никак напрямую не связано с этикой, моралью и благом. Это связано только с предсказуемостью, устойчивостью и наличием согласованности. Здесь криминальный порядок-тоже порядок, устойчивость и самовоспроизводимость таких структур хорошо известна.

В первом приближении *суть понятия «социальная энтропия»* можно описать следующим образом: на макроуровне это понятие призвано отражать меру несвязанности между членами социума, меру непрочности социальной ткани, если допустимо такое образное выражение. На микроуровне это понятие фиксирует меру несогласованности повседневных практик членов общества. Что важно, речь идет о непринудительной, добро-

вольной согласованности, той, что возникает, как сказал бы П. Бурдьё, на уровне габитуса, уровне нерелексивном, опривыченном в повседневных практиках [5]. При низкой энтропии общества мы имеем высокий уровень когерентности повседневных практик, высокий уровень социальной упорядоченности, соответственно, высокая социальная энтропия дает на социальной поверхности картину несогласованности, хаоса, неупорядоченности, разрывы и хаотизацию повседневности.

В социологии на данный момент нет прямых *понятийных аналогов* понятию «социальная энтропия», хотя переключка здесь имеется со многими понятиями. Можно сказать, что есть *целый понятийный круг*, который легко проецируется на данное понятие. К этому кругу относятся: доверие, солидарность, интегрированность, коллективность как понятия, указывающие на увеличение социальной связанности, а, значит, уменьшение энтропии. Дружба, любовь, все ценности, с этим связанные, тоже из числа этих понятий. С другой стороны, неравенство, аномия, свобода, маргинальность, конкурентность – эти и многие другие понятия указывают на ослабление социальной ткани, а, значит, говорят о росте энтропии. Как видно из данного списка, нельзя однозначно оценить, что хорошо для общества – высокая или низкая энтропия. Все, как всегда, хорошо в меру. Вопросу этой меры мы посвятим ниже основное внимание.

Что касается перечисленных понятий и их связи с социальной энтропией, то важно отметить, что такая связь позволяет обнаружить, каким образом явления, обозначаемые этими понятиями, влияют на процессы социальной динамики. Такие выводы можно сделать в силу того, что в предлагаемой самоорганизационной модели социальных изменений *понятие «энтропия» является основной динамической характеристикой социальной системы*. В результате, например, может быть обоснована парадоксальная связь между свободой и социальной дезорганизацией в том смысле, что рост свободы ведет к росту энтропии и дезорганизации. Но, как это будет показано ниже, дезорганизация не является однозначно негативной характеристикой состояния общества.

У понятия «энтропия» есть *несколько очень важных назначений*. Во-первых, это задача отражать *связь между системным порядком и хаосом*: не случайно, согласно наиболее распространенной дефиниции, энтропия – это мера системного хаоса. Но для нас важным является и другое назначение этого понятия – способность органично *связывать микро- и макроуровни системы*, в нашем случае – социальной системы. Сказанное выше

о связи энтропии всего общества (макроуровень) с картиной, наблюдаемой на уровне повседневных практик (микроуровень), как раз касается именно этого момента.

Ниже, отталкиваясь от понятия «социальная энтропия», мы рассмотрим анонсированные выше состояния стабильности-нестабильности на макроуровне, не забывая в каждом случае посмотреть на ситуацию в ее повседневном микросреде.

Для продуктивного использования понятия социальной энтропии нам понадобится еще одно понятие – «*энтропийный коридор*». Оно указывает на диапазон энтропийных показателей, диапазон допустимых колебаний меры социального хаоса, в рамках которого социальная нестабильность в действительности таковой не выглядит. При всех колебаниях, локальных возмущениях социального порядка система, находясь в рамках энтропийного коридора, демонстрирует способность сохранять гомеостазис, относительную самождественность, казаться стабильной.

Дадим *количественное определение* понятия «энтропийный коридор», хотя подчеркнем, что приводимые цифры очень условны. Их назначение – образно представить смысловую сторону вопроса. *Энтропийный коридор* легко представить, попробовав на условной числовой оси отметить ограничивающие данный коридор точки. Если нулевая отметка означает нулевую энтропию, полный системный порядок, а отметка «единица» означает максимальную энтропию и полное системное разрушение, то две точки, которые условно находятся на отметке 0,2 и 0,4, как раз и очерчивают границы этого коридора. В этих построениях я опираюсь на результаты двух российских ученых – Е. Седова [6,7,8] и А. Давыдова [9,10]. В работах Е. Седова есть доводы, касающиеся принципиального существования такого коридора и его границы на уровне 0,2. Что касается другой границы, то ее количественное представление выглядит достаточно дискуссионным. Е. Седов указывает лишь на ее существование. Границу 0,4, а, точнее, 0,38 я поставила, опираясь на работы А. Давыдова, посвященные использованию идеи золотого сечения в социологических моделях. А. Давыдов говорит о напряженности социума на уровне 0,38 общей неудовлетворенности как о взрывоопасной. Но этот момент требует более глубокой проработки. Что можно утверждать с определенностью, то это сам факт наличия таких существенных моментов в жизни социальной системы, связанных с мерой социальной энтропии.

Хотя приведенные цифры, как я сказала, являются приблизительными и условными, они позволят нам отчетливо представить качественную разницу (уровень энтропии) между систем-

ными состояниями, связанными с разными уровнями стабильности-нестабильности.

Рассмотрим эти состояния подробнее с точки зрения *механизмов, обеспечивающих системную упорядоченность*. Делаться это может различным способом – за счет *поддержания, коррекции, восстановления или становления нового порядка*.

Реально стабильные состояния – это те, при которых социальный порядок является почти неизблемым, социальная энтропия низкой, находится близко к нулю за левой границей энтропийного коридора (на условной шкале – промежуток 0,0 – 0,2). Динамика системы демонстрирует практически полную тождественность самой себе, речь идет о поддержании социального порядка, его самовоспроизводимости. На уровне *повседневных социальных практик* такие общественные состояния демонстрируют высокое соответствие конфигурации этих практик тем нормам и ожиданиям, которые таким порядком устанавливаются. Количество социальных маргиналов, выпадающих из этого порядка, здесь невелико и угрозы порядку они не составляют. С точки зрения мейнстримного поведения и практик, это простая, привычная жизнь.

В качестве *примера* стабильных состояний можно привести *архаические общества*, которые столетиями сохраняют внутренний порядок. Но здесь есть одна тонкость: одним из необходимых условий для длительного поддержания таких состояний является закрытость общества. Причина проста – открытость является источником роста энтропии, новые образцы порядка прежде всего на уровне повседневности размывают старые практики, дают прирост маргинальности, а, значит, прирост общей социальной энтропии. Другой пример такой стабильности – *тоталитарные системы*. Понятным является причина, по которой они тяготеют к закрытости – все та же угроза импорта энтропии.

Регулятивные механизмы, работающие в стабильных обществах – это прежде всего социальная самоорганизация, действующая через господствующую мифологию. В случае архаических обществ это верования и религии разного рода. В случае тоталитарных обществ это социальные мифы самого разного типа – коммунистического, религиозного, расового, этнического. Легенды говорят, что были общества амазонок – тоже тоталитарные, державшиеся на мифе, как теперь бы сказали, гендерном. Было ли это правдой, сказать тяжело, но теоретическая возможность данных представлений кажется вполне допустимой. Закрытость выступает в качестве одного из организационных регуляторов, поддерживающих стабильность таких обществ. Организационно это решается

в каждом случае отдельно – от «железного занавеса» до запрета общаться с иноверцами и другими «ино-». Все зависит от господствующего мифа, тем самым гасится угроза роста социальной энтропии. Позитив здесь – высокая устойчивость, негатив – низкая адаптивность и малая способность к развитию по причине отсутствия разнообразия в повседневных практиках, социальных играх и стилях. При стабильности внешних условий эта низкая энтропия – источник стабильности, при нарушении внешней стабильности (социальной, климатической, политической) – отсутствие альтернативных образцов поведения, более адекватных новым условиям.

Нестабильность первого рода. Это состояние, соответствующее уровню энтропии, который находится в названном энтропийном коридоре, в промежутке 0,2 - 0,4. Здесь возросшая общая социальная энтропия работает на рост адаптивного потенциала и, соответственно, рост возможности эволюционного развития социальной системы. Эту нестабильность первого рода у нас *принято считать стабильностью*. Она характеризует социальные системы, которые развиваются и эволюционируют без особых общественных потрясений. В таких системах наблюдается оптимальное объединение порядка и хаоса, которое и выражается в поддержании оптимального уровня социальной энтропии.

На *уровне повседневных практик* это хорошо видно на примерах возросшего разнообразия стилей и образов жизни. Разные социальные группы практикуют разное стилистическое оформление своих практик. При этом некоторые стили могут принадлежать явно маргинальным группам, что при определенных обстоятельствах может работать на системный позитив. Например, если в случае каких-то внешних или внутренних вызовов у системы не будет ресурсов поддерживать стилистически какую-то группу, то стили жизни иных групп могут оказаться необходимым поведенческим резервом. Например, в случае климатических вызовов, экономических кризисов или техногенных потрясений некоторые городские стили жизни могут оказаться под угрозой, а вот привычные практики иных групп (например деревенских) становятся адаптационной опорой для возвращения устойчивости всей системе.

Системы с неустойчивостями первого рода не боятся даже *отклонений от мейнстримного порядка социального* характера – разного рода протестов, забастовок, демонстраций и т.д. Здесь уже должны работать регулятивные механизмы организационного типа, которые проектными, рациональными, целевыми методами вполне могут отрегулировать ситу-

ацию в сторону возвращения к равновесию. При наличии достаточного энтропийного ресурса небольшой уровень всплеска нестабильности здесь вполне поддается организационной регуляцией. Главное – остаться в рамках допустимого энтропийного диапазона.

Языком системного управления эти организационные усилия можно описать как использование механизма отрицательной обратной связи для регуляции социального поведения на мезо- и микроуровнях социальной реальности. При всех негативных ожиданиях относительно слова «отрицательная» данный механизм как раз работает на позитив, обеспечивая стабилизацию и развитие социальной системе. Здесь еще раз важно подчеркнуть эффективность для таких состояний именно организационных механизмов регуляции. Для этого необходимо иметь в самих системных структурах те организационные (институциональные) составляющие, которые обеспечивают возможность своевременного получения сигналов обратной связи. Это, например, законы, позволяющие протестным сигналам (отрицательной обратной связи общества с центрами организационного регулирования) проявляться и быть адекватно расшифрованными (к примеру, законы, стимулирующие и поддерживающие структуры гражданского общества). С другой стороны, в реестре организационных механизмов должны присутствовать законы и социальные приемы, обеспечивающие реакцию на эти сигналы. Но речь, конечно, идет о работающих законах. При этом главной задачей регуляции оказывается поддержка уровня энтропии в пределах указанного коридора (не дать ему выйти за показатель 0,4 или уйти за черту 0,2). В последнем случае мы получим уже описанные выше проблемы – обеспечивающую устойчивость силу мономифа, ситуацию, практически не требующую организационной регуляции, но открытую угрозам неадаптивности. За чертой 0,4 названные организационные регулятивные усилия становятся недейственными. Наступает нестабильность второго рода.

Нестабильность второго рода теоретически выглядит наиболее насыщенной непривычными концептуальными поворотами, хотя о комфортности жизни в этой социальной ситуации говорить сложно. Что же происходит с социальной системой, когда она оказывается в той точке на упомянутой выше условной энтропийной оси, которая связана с отметкой 0,4 – второй границей энтропийного коридора? В этой точке проявляется вся суть *нестабильности второго рода*. Чтобы ее описать, мы должны обратиться к еще одному понятию из арсенала понятий, обслуживающих нелинейные системные модели. Это понятие *системная бифуркация*, для нас – «социаль-

ная системная бифуркация». Это понятие сейчас начинает все активнее использоваться в социологической и околосоциологической риторике. Часто в таком случае говорят о точке невозврата. Последнее является верным, но далеко не полным отражением сути этого драматического момента в жизни системы.

Пребывание в точке системной бифуркации, в состоянии нестабильности второго рода означает, что предыдущий системный порядок разрушается окончательно и необратимо. Здесь уже нельзя вести речь о восстановлении или сохранении предыдущего порядка. Это действительно *точка невозврата*. Говорить можно только о становлении нового социального порядка, а вот вариантов такого становления может быть несколько, и тут каждый отдельный случай не похож на другой. *Непредсказуемость* последующей социальной истории – еще одна характеристика состояния социума, пребывающего в точке бифуркации.

С точки зрения механизмов социальной регуляции в состоянии нестабильности второго рода можно сказать, что особенностью этого момента социальной истории является то, что совокупный механизм, управляющий процессами системного упорядочения и регулирующий социальное поведение, дает резкий крен в самоорганизационную сторону. Здесь наблюдается быстрое нарастание активности самоорганизационных механизмов социальных изменений при практической утрате эффективности организационных рычагов, отвечавших за сохранение или необходимую модификацию старого порядка. Порядок и равновесие в системе как бы рождаются заново, в достаточно драматических обстоятельствах, и происходит это за счет работы самоорганизационных механизмов становления нового порядка. Миф, игра, толпа, спонтанность, случайность – главные понятия, способные теоретически охватить этот процесс. Социальные структуры, которые при этом как бы сами собой возникают, основываются на общем мифологическом пространстве или общих правилах игры, вовлекающих членов социума в сферу своего притяжения.

Эта несубъектная риторика здесь не случайна. В каждом отдельном случае, в каждой отдельной биографии наблюдается момент, когда решение ступить в игровую и мифологическую площадку приходит как бы само собой и в результате какого-то незначительного, на первый взгляд, толчка.¹ При этом

¹ В качестве яркого примера можно привести историю одного из героев романа Фейхтвангера «Успех» [11], внезапно принявшего решение записаться в фашистскую партию после того, как он увидел в туалете аккуратно нарезанную женой газету вместо привычной туалетной бумаги. В романе обсто-

об играх я говорю не в том облегченном, до-судовом понимании, которое распространено сейчас, а в том смысле, который закладывал в это понятие Й. Хейзинга, говоря о «человеке играющем» [12]. Согласно Й. Хейзинге, даже война – это масштабная игра. Поэтому как флешмобы, так и серьезные протесты вплоть до повстанческих отрядов можно отнести к структурам игрового типа.

С точки зрения *практик повседневности, нестабильность второго рода начинается с их разрушения*, но не в локальных, а в макро-социальных масштабах. Социальные связи предельно разрушаются, круг доверия, солидарности, поддержки, надежности все более сужается. Прежние стили жизни оказываются под угрозой для значительной массы людей. Наблюдается сбой на уровне габитусов, из которых и проистекает повседневное и привычное, психосоматически закрепленное и рутинизированное [13]. В ответ на это на макроуровне наблюдается социальное брожение, спонтанно возникают и исчезают разные движения, протесты, объединения и противостояния. В этой нарастающей социальной турбулентности в точке бифуркации зарождаются те будущие социальные порядки, которые возникнут благодаря вступающим в действие *самоорганизационным механизмам социальной регуляции*.

Непрогнозируемость будущего – одна из самых важных характеристик процессов в точке бифуркации. Акцент на этом принципиально отличает теории, построенные на нелинейных системных основаниях, от теорий линейного типа. Нельзя сказать, что этот прогноз невозможен принципиально. Просто он всегда вариативен, то есть существует более одного возможного варианта развития дальнейших событий, и при этом все эти варианты являются равновероятными и закономерными. Реализуются эти варианты в виде появления и утверждения новых мифологических порядков, новых социальных мифов и новых социальных игр.

Этот момент, связанный с обращением к понятиям игры и мифа, особо сложен в плане восприятия данной теоретической модели, хотя сейчас уже появляется все больше попыток (по крайней мере на уровне экспертных оценок) рассматривать и оценивать ситуации кризисного социума именно в терминах борьбы мифологий. Подчеркну, не идеологий, которые мыслились как навязанные извне мифы,

ятельно описывается личная история героя и история страны, которые соприкасаются здесь своими кризисами. Показано, как национал-социалистический миф втягивал в себя своих адептов, оказавшихся в состоянии депривации после того, как утратил силу предшествующий имперский миф.

служащие инструментом достижения власти для субъектов создания этих мифов, а именно мифов как продуктов самоактивности среды. Во время противостояния на Майдане зимой 2013-2014 гг. и вооруженных событий на Донбассе летом 2014 года такие объяснения выглядели достаточно оригинальными, а с точки зрения данной концепции – наиболее правдоподобными [14, 15]. При этом тему идеологий нельзя отбрасывать совершенно, но можно сказать, что идеология только тогда успешна, когда она становится мифологией. А это снова вопрос связи организационных и самоорганизационных механизмов регуляции.

Если говорить об *организационной оставляющей регулятивных процессов в точке бифуркации*, то здесь очень важен следующий момент – эффективный для состояний нестабильности первого рода механизм отрицательной обратной связи перестает действовать. Как мы уже сказали, ему на смену приходит *механизм положительной обратной связи*. Положительная обратная связь означает то, что в этом состоянии высокой энтропии (а, значит, высокой социальной неуравновешенности) достаточно малого толчка в виде некоторой случайности, чтобы социальная история пошла по руслу, часто неожиданному и непрогнозируемому. И тогда самосожжения кого-то из протестующих, случайного выстрела правоохранителя может быть достаточно, чтобы хаотизация общества увеличивалась лавинообразно, а из этой лавины начали просматриваться порядки, появление которых недавно еще нельзя было предположить. Случайность, которая прошла бы незаметной во времена стабильные и нестабильные первого рода, становится судьбоносной для всей системы. Если на этой фазе где-то и может найти себе место *организационная составляющая социальной регуляции*, то именно здесь. Через малые воздействия (смоделированную флуктуацию-случайность) у нее есть возможность оседлать стихию самоорганизации и направить ее в нужное для себя русло. Но и здесь есть тонкость – варианты возможного развития не произвольны, а ограничены свойствами конкретной социальной среды, а именно тем реестром игр и мифов, который хранится в социальной исторической памяти.

Но в реальности, как правило, дела обстоят по-другому. Те структуры, чьей задачей является организационное регулирование (а в современных условиях это государство и все его поединституты), в точке бифуркации *продолжают апеллировать к рычагам воздействия, уместным в ситуации нестабильности первого рода*. В данном случае это часто выливается в попытки регулировать ситуацию силовым методом, что уже оказывается

малоэффективным средством, поскольку система вышла за пределы действенности таких организационных регуляторов. Более того, этот регулятивный механизм, который в условиях нестабильности первого рода в самом деле мог погасить процесс роста энтропии, в состояниях, близких к бифуркационным, может работать на ее дальнейшее увеличение. Именно в эти моменты становится очевидным: власть без достаточной легитимности (наличия поддержки в обществе, достаточной меры доверия, что и отвечает низкоэнтропийным общественным состояниям) неспособна успешно регулировать социальное поведение в моменты общественных обострений. Хотя иллюзии такой способности у власти чаще всего сохраняются. Последнее указывает на *пренебрежение силой социальной самоорганизации*, что всегда печально заканчивается для тех, кто так поступает. Главная их ошибка – полагать наличие конкретных социальных субъектов, стоящих за процессами самоорганизации, продолжать мыслить это формулами организационными, а, значит, стремиться урегулировать процесс через этих субъектов. Отрицание спонтанности социума, наличия самоактивности социальной среды оказывается той регулятивной ловушкой, которая и гасит такие организационные усилия.

Поскольку организационная регуляция уже не работает, то особый интерес с точки зрения системных регулятивных эффектов *в точке бифуркации* представляет вопрос *формата нового общественного порядка*, который здесь возникает, причем возникает спонтанно, самоорганизационно. Процесс становления нового порядка ведет к появлению новых незапланированных, спонтанных согласованностей *в практиках повседневности*, новых спонтанных солидарностей в сообществах. В общем плане это можно описать как вхождение в новые игровые сообщества, новые мифологические пространства.

Важно подчеркнуть, что основанные на новых мифах и играх возникшие социальные порядки далеко не всегда идентифицируются их адептами как мифы или игры. Люди западной культуры склонны свои мифы и игры считать реальностью и лишь чужие квалифицировать как мифы и игры. *А точка бифуркации как раз и характеризуется острой конкуренцией мифов* – претендентов на инициаторов нового порядка. Здесь часто возникают безрезультатные попытки апеллировать к рациональности, причем не собственной, а конкурента. Ведь миф виден только чужой.

Миф, победивший в этой бифуркационной конкуренции мифов, становится *фундаментом нового порядка*, система постепенно снова переходит в состояние нестабильности

первого рода, отползая от критической точки предельной энтропии в 0,4. *Закрепление порядка организационными механизмами* – дело вновь появляющихся социальных институтов. Это то, что обычно называют институционализацией, но здесь этот процесс происходит на энтропийной границе, и поэтому – зыбок. Если не удастся оттянуть систему снова в рамки энтропийного коридора, происходит новый выход на точку бифуркации и новая борьба мифов. И тогда имеем контрреволюцию после революции, новый этап революции, новый Майдан 2,3... С точки зрения сухой теоретической абстракции, это энтропийные колебания вокруг предельной границы условного показателя в 0,4. Здесь объяснение успешности морально очень спорного феномена типа диктатуры Пиночета. Последнему удалось жесткой регуляцией сдержать лавину самоорганизации на период уменьшения социальной энтропии (за счет быстрых экономических реформ), ее вхождения в рамки энтропийного коридора и наступления социального равновесия. Такое возможно, но в ограниченных временных и энтропийных допусках. Иными словами, если реформы, ведущие к уменьшению энтропии, проводить быстро, то жесткие организационные механизмы могут сработать, если же нет, то волна самоорганизации будет еще более мощной.

Точка бифуркации – это как раз тот момент, когда может проявиться *роль личности в истории*. Возможности войти в историю для отдельного человека здесь более чем достаточно. Но эта возможность открывается для того, кто обладает смелостью, харизмой и той социальной интуицией, которая подсказывает, когда малыми усилиями можно инициировать масштабные социальные сдвиги (вчера было рано, завтра будет поздно – классическое здесь высказывание). Сделать это можно, запустив в социальную среду новую игру, новый миф, которые способны стать притягивающим для социума порядком. Вот почему точки бифуркации – моменты торжества пророков и героев. Социальная турбулентность требует мифа, который ее может упорядочить. Пророки и герои могут его предложить в харизматичной форме, так, чтобы им поверили. Но здесь снова напомним о важной проблеме, стоящей на пути видимой произвольности в использовании самоорганизации в интересах того, кто пытается заставить ее на себя работать, оседлав с помощью запускаемой мифологии. Активизировать можно лишь ту игру или миф, которые неявно уже живут в данной социальной среде, в исторической памяти, коллективных представлениях, часто неосознаваемых. Поэтому мы и говорим об активности среды, что здесь она как

бы сама из себя извлекает мифы, на которые могут опираться новые социальные порядки, вокруг которых могут образовываться новые социальные согласованности и когерентности. Человек может только инициировать это возрождение мифа.

Второй момент, открывающий возможность для личности, это организационное закрепление самоорганизационно установившегося порядка после прохождения точки бифуркации. Иными словами, момент создания новых институтов и новой власти после революционного безвластия. Технологически это поиск возможности оттягивания общества от энтропийной черты 0,4 в рамки неустойчивости первого рода. Это филигранная текель уже организационная работа. Упомянутый Пиночет – не самый гуманный вариант такого снижения энтропии. Более гуманные, а, значит, и более тонкие, требуют людей, способных работать в этой ситуации высоких рисков, иметь к ее процессам высокую чувствительность.

Но вернемся к состояниям нестабильности первого рода, к тем состояниям относительного гомеостаза, в которых пребывает большинство развитых стран. Здесь нельзя не согласиться с теми, кто считает, что *самоорганизационный механизм регуляции социального поведения в силу своей неполной спонтанности часто используется манипулятивно* и далеко не в самых прозрачных целях. Действительно, эти закономерности довольно успешно эксплуатируются сейчас в разных технологиях влияния, скажем, на потребительское поведение (мифологизация, геймизация с помощью рекламы) или на электоральное поведение (мифологизация с помощью электоральных мифов). Именно сила самоорганизационной аттракции обуславливает успешность этих технологий и, соответственно, безуспешность попыток этому противостоять с помощью рациональных аргументов. И здесь нужно обратиться к тем психологическим предпосылкам, которые лежат в основе процессов социальной самоорганизации.

Психологической основой социальной самоорганизации является непрозрачность тех выборов, которые совершаются человеком постоянно, непрозрачность для самого человека его собственного мышления и сознания. Исследования социальных психологов показывают [16], что даже при условиях полнейшей убежденности человека в том, что он делает сознательный выбор, значительная часть решений принимается на неосознанном уровне, полностью или частично под действием импульсов, которые посылает несознательное. Миф, игра накладывают ту сетку правил обращения с

миром, в данном случае социальным, которые работают именно на этих психологических глубинах. Притяжение мифа или игры, которые возникают в результате использования технологий геймизации и мифологизации, существенно влияет на поведенческие проявления человека за счет глубинности мотиваций, на которые они опираются.

Но и здесь работает все то же правило – *ограниченность манипулятивного (организационного) потенциала таких технологий*. Допустимый набор вариантов мифов и игр, способных выступить в качестве аттракторов в данном конкретном социуме, обусловлен сутью самого этого социума. И то, что легко работает и прививается в одном случае, отторгается или оставляет равнодушным другой. Образно говоря, рекламу, основанную на сюжетах мультфильмов, с детства знакомых и бессознательно впитанных, нельзя просто перенести из американской рекламной среды в нашу. Эффективным будет только то, что апеллирует именно к нашей памяти. Поэтому для тех, кто все же пытается с помощью подобных технологий использовать скрытую силу социальной самоорганизации, следует помнить – успешным может быть не навязывание произвольно сконструированного мифа или игры, а только подталкивание в сторону одного из мифов или одной из игр, находящихся в глубинах коллективных представлений. И это справедливо как для рекламных технологий, так и для масштабных политических игр.

В качестве заключения можно предложить ответ на вопрос, *что же нового* как в плане представления о социальной динамике, так и в плане выбора механизмов регуляции *дает такая концепция на фоне всего уже известного?* Все вроде бы даже и технологически уже освоено. Да, технологически освоено и успешно, но не освоено теоретически, не введено в мыслительную социологическую и социотехнологическую культуру.

Последнее может не сразу показаться справедливым: все сказанное выше, наверняка, вызвало у читателя массу ассоциаций с известными социологическими теориями, причем многими теориями. Этот список можно начать с идей об обществе (*gesellschaft*) и общине (*gemeinschaft*) Ф. Тенниса, о коммуникативности и инструментальности Ю. Хабермаса, о разных типах рациональности М. Вебера (организация и самоорганизация), о коллективных представлениях Э. Дюркгейма, с идеей этнометодологов и социальной драматургии И. Гоффмана (миф, игра в социальных процессах), теорий революции П. Сорокина, П. Штомпки, Ш. Ейзенштадта, К. Маркса (точка бифуркации), наконец, с идеей социологии культуры

Л. Ионина, играизации общества С. Кравченко, культуросоциологии Дж. Александара. Думаю, к этому списку можно добавить еще многое, что для меня говорит об одном очень важном моменте – у рассматриваемого нелинейного подхода высокий интегративный потенциал. Интегративная, более общая теория не может быть получена путем суммирования предшествующих теорий, это методологически бесперспективный путь. Как показывает данный опыт, отталкиваясь от общих абстрактных идей нелинейности, можно выйти на новую теоретическую конструкцию, резонансную многому из уже хорошо известного. В качестве объяснения могу предположить следующее: эффекты нелинейности, реально присутствовавшие в социальной динамике, многими социологами фиксировались в разных концептуальных формах. С появлением общей теории нелинейных систем эти концепции могут органично объединяться под этой абстрактной «нелинейной крышей», получив новое понятийное оформление.

Хотя в качестве резонирующих идей, действительно, можно упомянуть многое, я все же хочу особо сослаться на несколько работ Юрия Левады, которые для меня в свое время стали основанием думать, что у предложенного подхода есть серьезный социологический запрос. Это ряд небольших работ, посвященных термодинамике социального перелома [17], феномену фашизма [18] и, самое главное, двум типам социального действия – функциональному и игровому [19]. Как говорят коллеги Левады, вспоминая его творчество, в этих своих идеях он видел нечто очень перспективное и фундаментальное. Позволю себе развернутую цитату из интервью Л. Гудкова. «Принципиальный тезис Левады заключается в том, что необходим *другой аппарат анализа и описания социальных явлений*. Раз все эти прошлые значения не исчезают, а присутствуют в скрытом виде, то, следовательно, они меняют функцию и свое место в организации культуры. Другими словами, скажем, наиболее архаические слои представления (регуляции) или значения (мифы, традиции, структуры сознания) в современном обществе сохраняют свою силу, но они «уходят вглубь...». Они играют очень важную роль, аккумулируя в себе самые значимые, можно сказать, базовые, экзистенциальные и фундаментальные представления. Но на поверхности они не появляются, не осознаются, хотя и становятся управляющими для других уровней организации общества и культуры» [20]. Мне кажется, самоорганизационный взгляд на социальные процессы подтверждает эти мысли ученого, предлагая этот исконный «другой аппарат».

Другой ответ на вопрос «что нового?» лежит уже в плоскости не столько научной, сколько общекультурной.

Пребывая в *мыслительной парадигме культуры модерна*, которая для классической науки является любимой *alma mater*, современная социальная наука с большой осторожностью и даже настороженностью относится к понятиям мифа и игры в арсенале понятий, описывающих закономерности социальных изменений. Это полагается уместным по отношению к архаическим обществам, но проект демифологизации, лежащий в основе культуры модерна, заставляет думать, что мифы не являются действующей силой на арене современных социальных событий.

По отношению к теме регуляции можно сказать, что речь идет о *культурно заданной привычке* отдавать пальму первенства регулятивным механизмам организационного типа, относя самоорганизационные к архаическим, как бы ушедшим в прошлое в силу необратимых формационных изменений. Но формационный подход к социальной истории – тоже культурно заданный выбор. В случае изменения культурных контуров прогнозируемым является и изменение отношения к регулятивным потенциалам названных механизмов.

Установка модерна на рациональность и демифологизацию как главные инструменты достижения социального блага не позволяют думать иначе. Но, как показывает история, благо в виде устойчивого эволюционного развития все не наступает, постоянно случаются отклонения в виде разного рода революций и войн. Попытки объяснить это случайностями, чьим-то злобным замыслом в виде конструирования зловердных идеологий или даже безумием открывают возможность не выходить из данной парадигмы: это просто был рациональный проект плохого человека, он окутал мифом множество обманутых людей. Или, наоборот, это совсем не рациональный человек оказался близко к структуре принятия решения и произошел досадный сбой. Но плохой человек уходит, и потом закономерно все повторяется. В новом месте, с другим плохим человеком и множеством обманутых людей.

Если что-то повторяется с закономерностью, то логично эту закономерность обнаружить, даже если при этом придется усомниться в том, что до этого было несомненным. Что здесь постоянно сбивает, что застает врасплох и почему поведение людей и целых народов вдруг перестает вкладываться в ожидания, сформированные верой в прогресс, рациональность, эволюционность, которые несли в себе культура модерна?

Логично предположить, что дело в самой объяснительной модели, которая использует

ся и при этом выносятся за круг допустимого сомнения. По отношению к нашей проблеме регуляции социального поведения можно сказать, что дело в том *фундаментальном образе человека*, его эталонном образце, на который ориентируется культура модерна. И, соответственно, тех ожиданиях по поводу поведения человека, которые этим образцом формируются. Главные слова здесь – рациональность, логичность, целеполагание.

Европейская мыслительная традиция, лежащие в ее основе философия и наука, заставляют полагать, что человек способен логически осмыслить всякую ситуацию принятия решения, выбрать рационально аргументированный вариант решения, поставить себе соответствующую цель и последовательно двигаться в этом направлении. Основание для таких представлений в том, что человек, действительно, способен так поступать, но проблема в том, что такая способность и возможность у него есть далеко не всегда. Это «не всегда» современная культура пыталась аннулировать проектом рационализации и демифологизации. На данный момент ситуация не выглядит так, что эта попытка удалась.

Исключительная ставка на разум как источник знания о мире, которым человек пользуется, генерируя то или иное поведение, оказалась ошибочной не в абсолютном смысле, а применительно к той социальной ситуации, которая сложилась в мире на данный момент. Это ситуация нестабильности и быстрых изменений, неизвестная для тех времен, когда культура модерна с ее установками только зарождалась. Человек рациональный, спокойно обдумывающий и принимающий решение – это человек стабильного, прогнозируемого, медленно (в сравнении с продолжительностью человеческой жизни) и линейно меняющегося общества. Этого общества уже нет, и в водовороте современных социальных процессов человек модерна не может чувствовать себя адекватно.

Именно из этого исходят в своей критике основ культуры модерна представители и идеологи постмодерной философии. Развивая очень близкую нам тему взаимного пересечения мифа и реальности, Е.Галанина в этой связи пишет: «Постмодернизм выдвигает идею деструкции разума, который больше не носит характеристики универсальности, и утверждает множество различных рациональных форм познания и освоения действительности. Разум не является единственной способностью, конституирующей образ мира, равное значение придаётся воображению, желанию, воле, бессознательному, телесности как значимым аспектам понимания природы человека» [21]. Критику логоцентризма можно найти в работах многих классиков постмо-

дерна – Р. Барта, М. Бланшо, Ж. Бодрийяра, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж. Деррида, С. Жижека, Ю. Кристевой, Ф. Лиотара, Р. Рортиа, М. Фуко. Для нас важен вывод: культура должна принять то, что *человек не только логичен, он и мифологичен* и все его поведение – продукт такой двойственности. Человек не только *рационален, а и играционален* (я предлагаю здесь это понятие *играциональности* умышленно, подчеркивая что противоположная рациональной логике стратегия поведения не является деструктивным отрицанием рациональности, а идет в соответствии с иной, игровой логикой). А это уже новый образ человека, идущий на смену человеку рациональному, сконструированному культурой модерна. Это человек логичный и эмоциональный, рациональный и играциональный одновременно. Большой вопрос в этом «одновременно», что для своего научного осмысления требует новых, непривычных ходов.

В русле наблюдаемой культурной тектоники, наблюдаемых культурных вызовов, *наука* переходит в свою *постнеклассическую фазу*, где многие принципы классической науки уже не работают [22, 23]. Нелинейные модели – одно из междисциплинарных направлений этой науки. Идеи, присутствующие в философии и социологии постмодерна, здесь легитимизируются на совершенно новых основаниях. В этих основаниях нет критики модерна, а есть переход от линейных моделей видения социальных процессов к нелинейным. Получаемые при этом самоорганизационные модели социальных изменений задают иное в сравнении с отстаиваемым модерном отношение к явлениям мифа, игры. Последние воспринимаются как неотъемлемая и неустраняемая часть самоорганизующейся социальной реальности, присутствующая в ней постоянно и повседневно в силу той двойственности человека, которая теперь все более утверждается новым культурно заданным образом.

Если не стремиться отказаться от *рациональности* как таковой, а попытаться *найти ее новые форматы*, то новая рациональность должна состоять не в том, чтобы продолжать оттеснять миф, игру на маргиналии культурных пространств, а в том, чтобы научиться этим пользоваться не во вред, а во благо, не в последнюю очередь – в вопросах регуляции социального поведения. Сознательно принимая свою рациональность и играциональность, человек может конструировать свои поведенческие стратегии совсем по другим образцам. Предложенные выше концепты социальной энтропии, бифуркации, типов нестабильности, энтропийного коридора, играциональности могут быть здесь, с нашей точки зрения, хорошим теоретическим подспорьем.

Литература

1. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой : пер. с англ. / Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
2. Хакен Г. Синергетика: Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах : пер. с англ. / Герман Хакен. – М. : Мир, 1985 – 423 с.
3. Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Елена Князева, Сергей Курдюмов. М. : Наука, 1994. – 238 с.
4. Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций / Любовь Бевзенко. – К. : Институт социологии НАНУ, 2002. – 437с.
5. Бурдьё П. Структуры, habitus, практики / Пьер Бурдьё. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас : учеб. пособие. – Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. – С. 17 – 26.
6. Седов Е. Одна формула и весь мир / Е. Седов. М. : Знание (Наука и прогресс), 1982. – 252 с.
7. Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Е. А. Седов. Общественные науки и современность, – № 5. – 1993. – С.92 – 100.
8. Седов Е. А. Взаимосвязь энергии, информации и энтропии в процессах управления и самоорганизации // Е. А. Седов. в кн. : Информация и управление (философско-методологические аспекты) / Под ред. Л. Г. Антипенко и В. И. Кремьянского. – М. : Наука, 1985. – 286 с.
9. Давыдов А.А. Существует ли мера социальной гармонии? // А.Давыдов Социологические исследования. – №5. –1988. — С. 72-74.
10. Давыдов А. А. Модульный анализ и конструирование социума / А. А. Давыдов – М. : Институт социологии НАН, 1994. – 192 с.
11. Фейхтвангер Л. Успех / Лион Фейхтвангер. – М. : АСТ, 2009 (Сер. : АСТ-Классика).
12. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня : пер. с нидер. / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс, 1992. – 462 с.
13. Бевзенко Л. Д. Стили жизни переходного общества / Любовь Бевзенко. – Киев : Ин-тут социологии НАНУ, 2008. – 144 с.
14. Карноза С. Неостанняя битва [Электронный ресурс] / Сергій Карноза. – Режим доступу : <http://www.litsa.com.ua/show/a/13569>.
15. Заводюк А. Донбасс. Война за потерянный рай [Электронный ресурс] / Алексей Заводюк. Для «Хвилі». 16.06.14. Режим доступу : <http://hvylya.org/analytics/politics/donbass-voyna-za-poteryannyiy-ray.html>.
16. Млодинов Л. (Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением / Леонард Млодинов. – М. : Livebook, 2012. – 360 с.
17. Левада Ю. Динамика социального перелома: возможность анализа / Юрий Левада. Статьи по социологии. М. : Фонд Макаруров, 1993. – С. 159 – 176.
18. Левада Ю. Фашизм / Юрий Левада. Статьи по социологии. М. : Фонд Макаруров, 1993. – С. 123 – 135.
19. Левада Ю. Игровые структуры в системах социального действия / Юрий Левада. Статьи по социологии. М. : Фонд Макаруров, 1993. – С. 99 – 122.
20. Гудков Л. «Нормальная наука» и «нормальное» время? [Электронный ресурс] / Лев Гудков, Борис Дубин, Алексей Левинсон. Материалы Левада-центра, беседа. Режим доступа : <http://www.levada.ru/10-04-2014/normalnaya-nauka-i-normalnoe-vremya>.
21. Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры [Электронный ресурс] / Е. В. Галанина. – М. : Академия Естествознания, 2013. – Режим доступа : <http://www.rae.ru/monographs/173>.
22. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // В. Степин. Вопросы философии, – 2003. – № 8. – С. 16 – 17.
23. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия / В. С. Степин. Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. : Издательский дом «Мирь», 2009. – С. 249 – 295.

Алексей Мусиездов

*кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина*

Oleksiy Musiyezdov

*Ph.D. in Sociology, Associate Professor at Department of Sociology,
V.N. Karasin Kharkiv National University*

«ОБЩИЙ ЯЗЫК ТРОТУАРА»?: КРИТИКА ДИСКУРСА ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ

В статье анализируются основные положения критики дискурса публичных пространств. Актуальность такого анализа обусловлена тем, что публичные пространства привлекают к себе внимание в качестве одного из важных источников формирования территориальных сообществ в целом и городского сообщества, в частности. Согласно распространенному взгляду, публичное пространство является местом взаимодействия разных людей и сообществ. Подчеркивается, что благодаря этому взаимодействию могут формироваться общая культура, толерантность и взаимоуважение. Однако в действительности социальные и культурные различия потенциальных участников препятствуют этому. Поэтому публичные пространства либо становятся местами конфликтов, либо «приватизируются» определенными «публиками», остальные горожане оказываются исключенными из взаимодействия. В любом случае они не выполняют приписываемой им роли.

Ключевые слова: публичное пространство, сообщество, взаимодействие, общая культура.

The article deals with the main points of criticism of public spaces' discourse. Actuality of such an analysis is conditioned by the fact that public places attract the attention as one of the main sources of formation of territorial communities in general and urban ones in particular. According to popular view, the public space is treated as a place of interaction between different people and communities. It is assumed that this interaction should form a common culture, tolerance and mutual respect. However, in reality, social and cultural differences of the potential participants prevent this process. Therefore, public spaces turn into places of conflict or become occupied by certain "publics", the others are excluded from the interaction. In any case, they do not perform the attributed role.

Keywords: public space, community, interaction, common culture.

У статті аналізуються основні положення критики дискурсу публічних просторів. Актуальність такого аналізу зумовлена тим, що публічні простори привертають до себе увагу як важливе джерело формування територіальних спільнот в цілому та міської спільноти, зокрема. Згідно з поширеним поглядом, публічний простір є місцем взаємодії різних людей і спільнот. Підкреслюється, що завдяки цій взаємодії можуть формуватися спільна культура, толерантність і взаємоповага. Проте насправді соціальні та культурні відмінності потенційних учасників перешкоджають цьому. Тому публічні простори або стають місцями конфліктів, або «приватизуються» певними «публіками», інші городяни виявляються виключеними із взаємодії. У будь-якому випадку вони не виконують приписуваної їм ролі.

Ключові слова: публічний простір, спільнота, взаємодія, спільна культура.

В поиске оснований солидарности люди нередко обращаются к наиболее очевидным признакам общности, среди которых одним из наиболее востребованных оказывается территориальный. Предполагается, что общая территория, подразумевающая наличие общего жизненного пространства, «автомати-

чески» формирует сообщество как на уровне объективных проявлений (экономика, управление, быт, культурные практики и т.д.), так и на уровне его восприятия извне или изнутри. Существование сообществ, их возникновение, функционирование, изменения и взаимодействия, является одним из главных ис-

следовательских фокусов социологии, поэтому анализ оснований групповой солидарности всегда остается актуальным. Одним из территориальных сообществ считается городское сообщество. Более того, М. Вебер утверждал, что только при его наличии город может считаться городом [1].

Со времен социологической классики город считался местом, где, с одной стороны, встречаются и сосуществуют самые разные люди и сообщества, а с другой, – формируется новый, в той или иной мере общий городской образ жизни. Едва ли не главная роль в этом процессе отводится «публичным пространствам». По мысли Дж. Джекобс, городские публичные пространства призваны помочь горожанам найти общий язык друг с другом [2]. Именно такая трактовка является преобладающей как среди исследователей, так и разного рода «практиков» – от проектировщиков и застройщиков до обывателей и представителей общественности: «Публичные места – важнейшая часть города. От частных мест их отличает степень доступности, они не могут быть открытыми для одних и закрытыми для других. Площадь, парк, улица, даже крупный коммерческий молл или развлекательный комплекс имеют шанс превратиться в публичную городскую территорию. Если коммерческий молл открыт 24 часа в сутки, внутри есть и кафе, и каток, и кинотеатр, это точно такое же публичное место, как улица или площадь» [3].

В данной интерпретации символом публичного пространства является «агора» – место встречи жителей полиса, обсуждения ими важных вопросов и выработки общего мнения. Согласно Ю. Хабермасу, публичное пространство – это пространство коммуникации, предполагающее взаимное признание участников; необходимый посредник между «системой» и «жизненным миром» – стремящимися к тотальному контролю и управлению государственными и экономическими институтами, с одной стороны, и сугубо частной сферой, с другой [4]. Х. Арндт связывает публичность и территорию, говоря о разных «городских агорах» как местах непосредственной встречи граждан – местах, предполагающих равенство и свободу участников взаимодействий. Именно публичные места, по мысли исследовательницы, объединяют людей в социальное целое и открывают возможности для формирования коллективной идентичности [5].

Так полагают не только философы, но и исследователи, имеющие более непосредственное отношение к изучению городов. Так, например, Ш. Зукин утверждает, что публичное пространство характеризуется: общественным управлением (1), свободным доступом для всех (2) и ориентацией множества

людей на общественные цели (3) [6]. А известный российский урбанист В. Глазычев вполне в веберовском духе отстаивает мысль о том, что именно публичные (всеобщие, открытые для всех и каждого) городские пространства способствуют формированию «горожан» как сообщества, осознающего собственную ответственность за свой город и предпринимающего соответствующие шаги для реализации общих интересов [7]. З. Бауман настаивает на роли публичных пространств в преодолении «миксофобии» [8]. Пожалуй, наиболее четко описываемое видение публичных пространств сформулировано в своей лекции Анной Желниной: «Толерантность будет там и тогда, когда разные группы смогут на равных приходить в одни и те же места, наблюдать друг за другом и заниматься одними и теми же делами» [9].

Существует, однако, немало авторов, критикующих данный подход как идеалистический [10, 11]. Так, О. Паченков пишет: «Не только у Х. Арндт или Ю. Хабермаса, но и у Р. Сеннета, связывающего публичную жизнь с социальностью и возможностью взаимодействия для незнакомых людей, речь идет прежде всего о собрании (gathering) людей в каком-то пространстве или месте. Таким образом, в нашем привычном понимании, публичное место – это место, где люди собираются и находятся вместе какое-то время. Этот паттерн сегодня подвергается регулярным вызовам со стороны реальной жизни городов и горожан» [12]. Целью данной статьи является анализ основных направлений критики традиционного подхода к пониманию публичных пространств.

Основой традиционного подхода является интерпретация публичного пространства как такого, которое:

- противопоставляется частному (принадлежит всем – именно здесь находит свое место лефевровский императив «права на город»);
- порождает солидарность (ощущение сообщества);
- является местом взаимодействия с представителями, как своей, так и чужих социальных и культурных групп;
- является местом (преимущественно политической и культурной) репрезентации [13].

В свою очередь, основными направлениями его критики являются следующие:

Во-первых, далеко не все общественные (потенциально открытые для желающих) пространства являются действительно публичными. Так, Р. Сеннет, З. Бауман, Ш. Зукин и некоторые другие исследователи говорят о том, что в городах «потребители часто пользуются общими физическими пространствами сферы потребления, такими как концертные или вы-

ставочные залы, туристские курорты, места для занятий спортом, торговые пассажи и кафе-терии, не вступая ни в какие фактические взаимодействия» (цит. по: [12]). Говоря о подобных местах (добавляя в этот перечень транзитные места, связанные с мобильностью), французский антрополог М. Оже вводит термин «неместа» («*non-places*»). Это места, лишённые собственного смысла, истории, идентичности: «транспортные коммуникации, большие коммерческие и сервисные центры, аэропорты, автоторговые развязки, склады» [14].

Во-вторых, если в определении публичных пространств акцентировать внимание на его функции обеспечивать свободное взаимодействие, то в условиях современного общества совершенно не обязательно, чтобы это пространство было напрямую связано с территорией. Так, Дж. Урри пишет: «Социология, как и другие социальные науки, чрезмерно фокусируется на взаимодействии лицом к лицу между людьми и внутри социальных групп. Социология утверждает, что именно такой контакт лицом к лицу между людьми, которые непосредственно присутствуют, является самой важной формой социальной интеракции. Между тем это утверждение проблематично, поскольку существует масса связей между людьми и социальными группами, которые не основываются на регулярном взаимодействии лицом к лицу. Это множественные формы «воображаемого присутствия», которые реализуются благодаря различным объектам и изображениям, позволяющим взаимодействию осуществляться сквозь и внутри множественного социального пространства» [15]. Это не означает, что городские публичные пространства полностью утратили свое значение. Однако очевидно, что существенная часть связанной с ними активности переместилась в «виртуальную среду».

В-третьих, актуальная публичность того или иного пространства ситуативна – в одних обстоятельствах оно является публичным (имея в виду характер человеческих взаимодействий), в других нет. Л. Малес в связи с этим пишет: «Публичное пространство <...> чаще всего закрепляется за центром. И если небольшие города обживают его быстро, как паук угол, поскольку социальная сеть тут плотная: есть публика, есть стометровка, на которую выходят «на прогулку», то в больших городах иначе – площадь здесь становится ситуативным акционным публичным пространством, поскольку она рассчитана на организованную публичность, например, парад или концерт. И вне таких акций, праздников она пустует, что характерно для центральных площадей Киева, Харькова, некоторых других постсоветских городов» [16, с. 34].

В-четвертых, «публичность» пространств задается различием публичного и приватно-

го, что нередко по-разному интерпретируется представителями различных групп – одно и то же место может трактоваться одними как «публичное», другими как «приватное» или иметь разную степень выраженности данных определений. Чаще всего подобные различия проявляются в стремлении прямо или косвенно приватизировать «общие» пространства (в виде строительства гаражей, застекленных балконов, создании огородов; путем трансформации временных летних кафе в полноценные отстроенные заведения на изначально общественной территории; заполнения улиц и площадей города «временными» рынками как препятствиями для митингов и демонстраций и т.д.).

В-пятых, сам факт признания тех или иных пространств «публичными» не гарантирует однозначной трактовки правил поведения в данном месте. Так, например, «публичное место» может интерпретироваться разными субъектами как место для детской площадки, или для стоянки/парковки автомобиля, или для отдыха пенсионеров, или для досуга молодежи и т.д. Сама характеристика места как «публичного», соответственно, содержит в себе потенциал не только для толерантного, но и для конфликтного взаимодействия, поскольку разные группы могут считать приемлемым совершенно разное поведение. А риторика необходимости обеспечения равного доступа к пространству зачастую служит средством для отказа в этом доступе для нежелательных групп – обычно оппонентов власти¹.

Интересный пример различий в отношении к публичным местам в Санкт-Петербурге, являющимся одновременно историческими памятниками, приводит А. Желнина. Она пишет: «Продолжающаяся дискуссия высвечивает две точки зрения. Одна из них, «постсоветская», запрещает смешение приватного и публичного в открытых пространствах, защищая символическое пространство Санкт-Петербурга от вторжений повседневности. Вторая, возникающая «европейская» точка зрения предполагает, что повседневное ис-

¹ Так, например, типичным в этом отношении является ответ В. Путина на вопрос Ю. Шевчука в рамках встречи «деятели культуры» с премьер-министром России:

«Ю. Шевчук: 31 мая будет «Марш несогласных» в итере. Он будет разгоняться?»

В. Путин: <...> По поводу «Марша несогласных». Есть определенные правила, они предусматривают, что такие мероприятия регулируются местными властями. Кроме тех людей, которые выходят на марш согласных или несогласных, есть и другие люди, о правах которых мы не должны забывать. Если вы решите провести «Марш несогласных», – я прошу прощения за слишком резкие вещи, скажем, у больницы, где будете мешать больным детям, – кто из местных властей вам позволит там проводить этот марш? И правильно сделают, что запретят!» [17].

пользование публичного пространства города является правом его жителей» [18].

В-шестых, публичные пространства различаются между собой функционально, ориентированы на различные виды публичной активности. О. Паченков отмечает, что с приходом Нового времени классическое смешанное городское общественное пространство исчезло: «разные функции были разнесены по разным местам: для суда предназначалась одна площадь, для молитвы – другая, для рынка – третья. Появились и жестко соблюдались представления о подходящем и не подходящем конкретному месту, и деятельность, которая ему не соответствовала, должна была быть из него изгнана» [12].

Также публичное пространство может быть объектом манипулирования: не будучи изначально созданным для каких-то особых видов деятельности или особой публики, за счет его обустройства, место становится выражением интересов определенных групп горожан. Так, например, политикой городских властей перед выборами стало оборудование городских парков, скверов, дворов и т.д. лавочками. Причем их количество, существенно увеличивающееся перед каждыми очередными выборами, отнюдь не пропорционально числу тех, кто в них нуждается. Здесь очевиден расчет на поддержку со стороны пенсионеров, составляющих большую часть активных избирателей, что провоцирует оценку такого благоустройства как «подкуп избирателей», причем официальной городской властью (использование «административного ресурса») за деньги налогоплательщиков [19].

В-седьмых, на практике публичное пространство не является открытым абсолютно для всех желающих, и в его определении важную роль играет характер публики, имеющей связь с тем или иным пространством. Даже Ю. Хабермас соглашался с тем, что его идея публичного пространства как пространства коммуникации предполагает не любых участвующих, но именно образованную публику. Тем более очевидно, что разные городские публичные пространства оказываются «оккупированы» разными публиками. Так, например, В. Глазгачев пишет: «Еще в годы моей юности московские бульвары очень четко специализировались по «своей» публике. На Чистопрудном бульваре играли в шахматы. Это был неформальный шахматный клуб, существовавший все 50-60 годы. На Гоголевском бульваре в шахматы категорически не играли, зато там играли в домино, вставив вместо стола фанерку в паз между деревянными рейками спинки скамейки. На Тверском бульваре меняли марки» [7].

Принципиально важным является то, что различия публик в публичных местах обусловлены не только символическими значениями

определенных мест, их традицией и т.д. как таковыми, но и прямой функциональностью как собственно публичных мест, так и прилегающих территорий.

В первом случае (ориентация на символическое значение места) примером может служить наполнение центров крупных городов приезжей из отдаленных районов или пригородов публикой (на выходные или по праздникам), весьма явственно отличающейся по стилю одежды, используемому языку, поведению и т.д. от «местных жителей», или заполнение музеев и кафе туристами.

Во втором случае уместно обратиться к идее П. Бурдьё о гомологии физического и социального пространств [20] – люди предпочитают жить рядом с теми, кто близок им по социальному положению. Вполне логично, что в городе, где имеет место социальная сегрегация, публичные пространства обычно обживаются, в первую очередь, теми, кто живет недалеко от них. Следовательно, сами пространства являются не столько местами, открытыми для всех, сколько для «своих», для тех, кто социально, культурно, стилистически близок, и появление кого-либо, «не вписывающегося в формат» места обычно встречается, как минимум, настороженностью (если не враждебностью).

Удачное описание подобного опыта представлено, например, в феминистической критике [21]. Интересный в данном отношении пример приводит А. Желнина: анализируя опыт специально созданных в Санкт-Петербурге «креативных пространств», имеющих целью быть средой для коммуникации и взаимодействия, она обнаруживает, достаточно радикальное отгораживание креативных пространств и креативного класса от города и остальных горожан: «Фактически происходит выкраивание отдельного, сегрегированного пространства для «креативных» жителей» [22].

Конфликтность городских публичных пространств хорошо описана, например, в литературе, посвященной молодежным группировкам [23] или так называемым «политикам памяти» [24].

Таким образом, ключевой момент критики распространенного мнения о публичных пространствах как местах взаимодействия «всех со всеми» и формирования общего образа жизни, культуры и т.д. состоит в том, что даже если эти пространства «физически» допускают и предполагают такое взаимодействие, это не означает, что оно происходит, что обусловлено социальными и культурными различиями потенциальных участников. Все сказанное указывает на некоторую утопичность взгляда на публичное пространство как место толерантности и принятия другого как партнера по взаимодействию и равноправного участника процесса выработки

общих представлений. Это означает, что публичное пространство лишь частично является местом взаимодействия городских сообществ. В лучшем случае в рамках таких пространств взаимодействуют сообщества, которые сами по себе являются близкими в социальном, культурном, пространственном отношении, а значит, характеризующиеся сходными взглядами, остальные же оказываются исключенными из взаимодействия.

Такое положение вещей свидетельствует о необходимости пересмотра распространенной

точки зрения на роль публичных пространств и территорий в целом в формировании общественной солидарности. Такие попытки имеют место [8; 15; 26], однако назвать их распространенными достаточно сложно. Потому в риторике и действиях городских властей и планировщиков сохраняется утопический оптимизм относительно публичных пространств, что приводит к неэффективному использованию ресурсов, направляемых на развитие городов и городских сообществ.

Литература

1. Вебер М. Город / М. Вебер ; пер. с нем. М. Левиной // Вебер. М. Избранное. Образ общества. – М. : Юрист, 1994. – С. 309–446.
2. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Д. Джекобс. – М. : Новое издательство, 2011. – 460 с.
3. Мы в окружении Москвы [Электронный ресурс] // Новая газета. – 2013. – № 9 от 28 января. – Режим доступа : <http://www.novayagazeta.ru/society/56443.html> (04.10.2014).
4. Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. – Cambridge: The MIT Press, 1989.
5. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт ; пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина. – СПб. : Алетейя, 2000. – 437 с.
6. Zukin S. The Cultures of Cities / S. Zukin. – Oxford : Blackwell, 1995.
7. Глазычев В. Бульвар и его окрестности [Электронный ресурс] / В. Глазычев // Глазычев В. Лекционный курс «Проектные формы креативного мышления», 2000. – Режим доступа : http://www.glazychev.ru/courses/pfkm/pfkm_06_16-02-2000.htm (04.10.2014)
8. Бауман З. Город страхов, город надежд / З. Бауман ; пер. с англ. А. Смирнова // Логос. – 2008. – №3 (66). – С. 24–53.
9. Желнина А. Публичное пространство в социологии города [Электронный ресурс] / А. Желнина // Портал «Социологические прогулки», 2009. – Режим доступа : <http://www.urban-club.ru/?p=89> (04.10.2014).
10. Kasinitz Ph. (ed.) Center and Symbol of Our Times – New York University Press, 1995.
11. Kumar K., Weintraub J. (eds.). Public and Private in Thought and Practice – Chicago: University of Chicago Press, 1997.
12. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» [Электронный ресурс] / О. Паченков // Новое литературное обозрение. – 2012. – №117. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33-pr.html> (04.10.2014).
13. Альманах «Урбаністичні студії III». Оголошення про прийом статей [Электронный ресурс] // Heinrich Voell Foundation. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33-pr.html> (31.03.2015).
14. Оже М. От города воображаемого к городу-фигури [Электронный ресурс] / М. Оже ; пер. с фр. В. Мизигано // Художественный журнал, – 1999. – № 24. – Режим доступа : <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (04.10.2014).
15. Urry J. Mobility and Connections [Electronic resource] / J. Urry // Le Journal De L'Institut pour la Ville en Mouvement, 2002. – Way of access : <http://ville-en-mouvement.pagesperso-orange.fr/telechargement/040602/mobility.pdf> (04.10.2014).
16. Малес Л. Центральність та публічність: ситуація української столиці / Л. Малес // Стратегія урбаністичного майбутнього Києва: збірник громадських дискусій, статей, інтерв'ю та проєктів. – Київ : Представництво Фонду ім. Гайнріха Бюлля в Україні, 2011. – С. 28–36.
17. Шевчук и Путин. Полная стенограмма встречи [Электронный ресурс] // Блог «Новой газеты». – 29 мая 2010. – Режим доступа : <http://novayagazeta.livejournal.com/207484.html> (04.10.2014).
18. Zhelnina A. «Learning to use the public space»: perception of the urban spaces in the post-soviet context [Electronic resource] / A. Zhelnina // RC 21 Conference «The struggle to belong. Dealing with diversity in 21st century urban settings» / Amsterdam (The Netherlands), July 7-9, 2011. – Way of access : <http://www.rc21.org/conferences/amsterdam2011/edocs/Session%202012/RT12-1-Zhelnina.pdf> (04.10.2014).
19. Федоров В. Кандидаты-мажоритарщики Харьковщины сэкономят на «подкупе» [Электронный ресурс] / В. Федоров // Харьков. Комментарии. – 29 января 2012. – Режим доступа : <http://kharkov.comments.ua/article/2012/01/26/001524.html> (04.10.2014).
20. Бурдые П. Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение // Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые ; пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – С. 33–52.
21. Трубина Е. «Неприятная история легко может произойти с ней»: феминизм и город / Е. Трубина // Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 99–106.
22. Желнина А. Творчество «для своих»: социальное исключение и креативные пространства Санкт-Петербурга / А. Желнина // Креативные индустрии в городе: вызовы, проекты и решения. Сборник научных статей студентов и преподавателей НИУ ВШЭ / под общей редакцией Ю. О. Папушиной, М. В. Матецкой. – Санкт-Петербург : «Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 2012. – С. 42 – 57.
23. Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д. В. Громов; отв. ред. Н. Л. Пушкарева. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. – 340 с.
24. Серета В. Місто як lieu de m'œuvre: спільна чи поділена пам'ять? Приклад Львова / В. Серета // Вісник Львівського університету. Серія соціологічна. – Львів : ЛНУ ім. Ів. Франка, 2008. – Вип. 2. – С. 73 – 99.
25. Maffesoli M. The Time of the Tribes. The Decline of Individualism in the Mass Society / M. Maffesoli. – London : SAGE Publications ; Thousand Oaks, New Delhi, 1996.

Elisaveta Podolskaya*Doctor of Sociology Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department Kharkov University of Humanities
«People's Ukrainian Academy»***Viktoriya Nazarkina***Kandidate of Pharmaceutical Sciences, Associated Professor of Organization and Economy of Pharmacy Department
Kharkov University of Humanities «People's Ukrainian Academy»*

SOCIAL SECURITY: ESSENCE, THREATS AND WAYS OF MAINTENANCE

It was identified the meaning and sources of threats of social security, as well as the ways of ensuring it. The paper discovers methodological potential of human capital theory, the model of human development and the concept of human security justifying the transition from the concept of security, to the concept of security, person-centered. A new definition of the essence of security has been grounded: the transition from the preferential orientation of the territorial security to a much greater focus on human security, from security through armaments to security through sustainable human development. The meanings of safety as a social phenomenon have been enhanced. The term «social security» received a new semantic content: it is not just protection from threats, but also tools to assess the degree of realization of the objectives of social policy. On the basis of indicators of social security threats to social security have been differentiated particularly for the contemporary Ukraine. As main directions of social ordering of life in Ukraine we identify: modernization, civil self-organization and legitimation.

Keywords: civil self-organization, trust, legitimation, modernization, tension, public order, social security, the threat.

У статті аналізується сутність та джерела загроз соціальній безпеці, визначаються шляхи її забезпечення. Розкривається методологічний потенціал теорії людського капіталу, моделі людського розвитку та концепції безпеки, підкреслюється їхня роль в обґрунтуванні переходу від концепції безпеки, зорієнтованої на державу (state-centred), до концепції безпеки, зорієнтованої на людину (person-centred). Обґрунтовується нове бачення сутності безпеки: замість переважної орієнтованості на територіальну безпеку – орієнтованість на безпеку людей; замість безпеки, що досягається завдяки можливості захищатися від небезпеки за допомогою зброї, – безпека як результат стійкого людського розвитку. Акцентується на додаткових смислових значеннях безпеки як соціального явища. Соціальна безпека на макросоціологічному рівні розглядається не тільки як захист від загроз, але й як інструментарій оцінки ступеня реалізації цілей соціальної політики. Представляються емпіричні індикатори соціальної безпеки, на основі яких виділяються загрози соціальній безпеці в умовах сучасної України. Визначаються основні шляхи забезпечення соціальної безпеки в сучасному українському суспільстві: модернізація, громадянська самоорганізація та легітимація.

Ключові слова: соціальна безпека, соціальний захист, суспільний порядок, агресія, громадянське суспільство, довіра, загроза, легітимація, модернізація, напруженість.

В статье анализируется сущность и источники угроз социальной безопасности, определяются пути ее обеспечения. Раскрывается методологический потенциал теории человеческого капитала, модели человеческого развития и концепции человеческой безопасности, подчеркивается их роль в обосновании перехода от концепции безопасности, ориентированной на государство (state-centred), к концепции безопасности, ориентированной на человека (person-centred). Обосновывается новое видение сути безопасности: вместо преимущественной ориентированности на территориальную безопасность – ориентированность на

безопасность людей; вместо безопасности, достигаемой благодаря возможности защищаться от опасности с помощью оружия, – безопасность как результат устойчивого человеческого развития. Акцентируется внимание на дополнительных смысловых значениях безопасности как социального явления. Социальная безопасность на макросоциологическом уровне рассматривается не только как защита от угроз, но и как инструментальной оценки степени реализации целей социальной политики. Представляются эмпирические индикаторы социальной безопасности, на основе которых выделяются угрозы социальной безопасности в условиях современной Украины. Определяются основные пути обеспечения социальной безопасности в современном украинском обществе: модернизация, гражданская самоорганизация и легитимация.

Ключевые слова: социальная безопасность, социальная защита, общественный порядок, агрессия, гражданское общество, доверие, легитимация, модернизация, напряженность.

In the context of a multifaceted social dynamics, dramatically increased by militarization of conflicts and social relations in Ukraine the problems of social security become foreground issues.

Western researchers W. Beck, R. Bendix, E. Giddens, R. Dahrendorf, F. Fukuyama, N. Chomsky indicating the standard rules and regulations in a society use the term «public order»; E. Newman, R. Ullman use a term «security» that allows them to identify the sources of threats to social security. The issues of social security in the post-soviet societies have been lightened in the last decade in the works by V. S. Bakirov, Z. Z. Biktimirova, A. Sh. Viktorova, E. A. Gugnina, O. A. Guzhva, V. N. Kuznetsov, O. D. Kutsenko, V. N. Nikolaevski, V. S. Lyamina, N. R. Malikova E. B. Nikolaeva, V. S. Reznik, A. Yakovenko. These works showed that unlike the problems of establishing public order that have the political and ideological roots, provision of social security has a different nature and is connected with the human, vital foundation. At the same time in the social sciences there is still necessity to provide with the definition of security and to identify the essence of social policies to prevent threats to social security.

The purpose of this article is to reveal new meanings of social security and to identify threats to social security under circumstances of instability of the Ukrainian society.

The need for security is one of the basic, motivational mechanisms of human life. The sociological theory has developed three interrelated concepts of social security that are based on a humanistic vision of a person as a highest, independent value.

1. In the 1960s, *a theory of human capital* has been developed. It was an attempt to justify the importance of acquiring human knowledge and skills to improve the competitiveness and efficiency of the economy. Human capital includes not only the knowledge of the person, but also his/her health, ideological and cultural values, social skills, and etc.

2. In 1980–1990-s *a model of human development* has been proposed. This model defined conditions for the development of an individual potential to achieve the desired level of well-being. Health, education and well-being life constitute key elements of such level. The main indicators of the improvement of human development are the expansion of the available choices for a person for his/her career, and resources that could be invested in human capital.

3. In the first half of the 1990s *the concept of human security* has been formulated. This concept comprehensively describes the conditions for achievement of sustainable human development. The significant element of this focus on conditions is that they include not only political and economic, but also social, cultural, environmental, and other issues. Threats that hinder to achieve a high level of human security are factors, which constrain the improvement of a country's human potential. «Human security» extends and complements the vision of the content of national security and at the same time allows to consider the issues of the state security not from military, political, but from the humanistic position [1, p. 403].

As a whole, social thoughts of the second half of the twentieth century significantly expanded range of factors of national security through the analysis of internal processes. Researchers focused on non-political dimensions of national security – informational, technological, economic, cultural, humanitarian and etc. As a result of these studies, the term «social security» received a semantic content:

1) *social security of the state* includes employment and the labor market; unemployment; environmental and technological security; epidemiological situation; social partnership; demographics; labor migration; social and labor relations;

2) *social security of the society* comprises social environment; social insurance; gender policy; prevention and settlement labor conflicts; poverty alleviation; ethno-national and religious relations; patriotic education;

3) *social security rights* consists a) the quality of life: health, nutrition, clothing, home and living conditions, family and childhood, education, culture and art, communications and telecommunications, freedom of movement, travel, tourism, free access to the information, leisure and recreation; b) the level of life: social development indicators, living wage and income of the population, increase in consumer prices and etc. [4, p. 400].

Through the allocation of these components, the term «social security» substantively filled with new meaning: it is not just protection from real and potential threats, but also specific tools for assessing the degree of implementation of social policy objectives.

Until the 80-s of the twentieth century in the social thoughts traditionally narrow military understanding of social security dominated; it was connected with the state or national security, protection against external military threats. Such approach absolutized militarization of international relations and ignored other issues, which comprise often more serious threats encountered in the contemporary world. In his article «Redefining Security» Richard Ulman proposed a new understanding of security in general, and national security in particular. He pointed new challenges arising in the contemporary world.

According to Ulman a threat to national security is an action or sequence of events that 1) represents a danger for a relatively short period of time to worsen the quality of life for population of a state, or 2) threatens to narrow the range of policy choices significantly, both for the state government, as well as for individuals, groups, corporations within country [7].

Thus, social thought has made transition from the concept of *state-centred security* to the concept of *person-centred security*, from military to non-military security, developing a broader understanding of the threats and security.

«Human Development report» of the United Nations proposed a new understanding of the essence of security – the concept of human security. According to this document the concept of security should be changed in two main directions:

1) from the exclusive orientation on the territorial security to greater focus on human security;

2) from the security through armaments to the security through sustainable human development. Human security does not apply to weapons, it relates to human life and dignity [6].

Under *the social security* we mean a set of measures and technologies, which are aimed to preserve and develop the social system of the state. Primarily, the security concerns the maximum

safety of stability in the society and is aimed to ensure the relative preservation of the existing social order. The signification of security stems from the actual interaction between individuals and social facilities with numerous circumstances and factors that have negative and destructive impact on them. Prevention, attenuation, neutralization of the impacts damaging the livelihood, well-being, the normal functioning of people, social facilities, as well as maintaining their vital activity at a level not less than the maximum allowable (critical) significations and provides insight about security in a broader sense.

The «Human Development Report» of the United Nations Development Program identified the following indicators of social security:

1) the perception of security (which is explored through the answers to the question «Do you feel safe when you are walking alone in the city or district where you live?»);

2) Human Development Index is the average value of achievements in three basic dimensions of human development: health and longevity, knowledge and a decent standard of living (which is explored through answer to the question «Do you trust the government in your country?»);

3) The credibility to the people (which is explored through answer to the question «Do you believe that most people can be trusted or do you think that we should be careful dealing with people?»);

4) The ratio of murders is the number of homicides (which is illegally inflicted to the person by another person, in terms of 100 thousand people) [3].

These indicators of social security allow us to highlight *the threats to social security* – particular phenomena and processes – which affect quality of people life, infringe vital social rights and interests of the individuals.

The UN report suggests to consider all threats to human security through the prism of seven major categories:

– *Economic security* implies a guarantee of income from work, or at least from the part of the social system;

– *Food security* implies that all people always have physical and economic access to basic food; it means not only a sufficient amount of food, but also the «right» for food, by growing (production) for ourselves or by purchase;

– *Health security* depends on the sickness rate and mortality, as well as the access to health care;

– *Environmental security* (ecological threats are represented by a combination of consequences of decline/degradation of both local and global ecosystems);

– *Private security* is human security against physical violence. Threats have several forms: threats from the state (physical torture); threats from other states (war); threats from other groups of people (ethnic tension); threats posed by individuals or gangs against other people (crime, street violence); threats against women (violence, domestic violence); threats, which are directed at children, based on their vulnerability and dependence (abusive treatment of children), threats posed by the person (suicide, drug abuse);

– *Community security* is associated with the person belonging to a group (family, community, organization, racial or ethnic groups), which can provide a socio-cultural identity and set of basic values;

– *Political security* is the opportunity to live in a society in which the fundamental rights are respected. One of the important indicators of political «insecurity» in the country is a priority of the military sphere and the use of the army for the repression of its citizens [6].

We tried to identify the main threats to social security precisely through the prism of these categories applying this approach to the case of contemporary Ukraine.

As main threats we referred, firstly, the growth of social inequality, sharp increase of income gaps between the rich and the poor population; secondly, the gap in living standards of different regions of the country; thirdly, infringement of the principles of the distribution of «social power», the need for authority decentralization and income redistribution; fourthly, insufficient implementation of the decisions on Social Security of Citizens and the problems associated with the regulation of salaries and pensions; fifthly, social populism of various political parties and the strengthening of social dissatisfaction of the population.

As Ukrainian experience shows these threats are shifting towards the «orange revolutions», or returning to the socio-economic or socio-political order that had existed during the early years of Ukrainian independence. It is clear that the problems of social safety arise with particular acuteness in situations of social crisis when a significant part of social problems is exacerbated (poverty, unemployment, inflation, weak healthcare basis etc.)

According to the International research project HITT-CIS «Health in Times of Transition: Trends in Population Health and Health Policies in CIS countries», the respondents rate the most positively the development of democracy and educational system, and the most negatively evaluate the economy and health care system. For example, only 34% and 27% of Ukrainians are satisfied with the development of democracy and educational system (respectively). Only eve-

ry fifth (21%) of the citizens of the country are content with the working of local authorities and government. 19% and 17% of the population support social protection system and the health care system (respectively). There is only 16% of those who is satisfied with the development of the economy [2, p. 267].

Unfortunately, a social atmosphere in contemporary Ukraine is typical one for a society that experiences civic-political calamities on the basis of military confrontation. As a result, the growing militarization of public consciousness is noticed. «The transition to a mobilization regimen, active involvement of representatives of many social groups in different practices are associated with the preparation and / or participation in military operations, as well as security arrangements contributed to the gradual and sustainable transition of Ukraine from «peaceful society» in prewar and in some regions to «military society». It is also influenced by long and massive immersion of the society in media space with its surfeit of militarized themed information, phraseology etc [5, p. 130].

In our view the strategic goals of social policy in Ukraine, based on the human-oriented (person-centered) concept of security should be determined as follows:

– achieving tangible improvement of material and living conditions;

– ensuring effective employment, improving the quality and competitiveness of the employees;

– a guarantee of constitutional rights of citizens in respect of employment, social protection, education, health, culture, provision of housing;

– reorientation of social policy on the family, the rights and social guarantees for family, women, children and youth are provided with;

– normalization and improvement of the demographic situation and reduction of mortality, particularly among children and people of working age;

– a significant improvement in social infrastructure.

Therefore, social safety is not just protection of interests of different people from the real and potential threats, but it is also a certain assessment tool achieving the goals of social policy and its adequacy to the contemporary needs and interests of a person and society. It should be considered in the structural aspect, as a state and a process that is in functional terms.

Precisely grounded on human-oriented concept of security (person-centered concept), as the main directions of social ordering of life in Ukraine, we suggest: firstly, modernization, that is, attempts for modernizing society, declared, initiated and implemented by current authorities; secondly, the development of civil society as

a sphere of spontaneous manifestations of civil activity of individuals and voluntary associations; thirdly, legitimacy, that is, public recognition and acceptance of the existing social order of society and its changes due to attempts of modernization and civil self-organization. Moreover, modernization and civic self-organization, in our opinion, should be considered as constituting of the new arrangement of the social order of socie-

ty, and legitimacy – as a reconciliation of citizens with these innovations and their active participation in their implementation in order to ensure social security. It is extremely important to focus on the new sense of security: the transition from an exclusive orientation toward territorial safety to a much greater focus on human security, as well as from security through armaments to safety through sustainable human development.

Bibliography

1. Акимов Д. И. Социальная безопасность и роль социального маркетинга в ее обеспечении / Акимов Дмитрий Иванович // *Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: Сборник научных работ*. – Выпуск 16. – X. : ХНУ имени В. Н. Каразина. – 2010. – С. 290 – 292.

2. Бакиров В. С. Качество жизни в современной Украине: тенденции изменений в постсоветский период / Бакиров Виль Савбанович, Кизилов Александр Иванович, Кизилова Ксения Александровна, Кузина Ирина Ивановна // *Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: сборник научных работ*. – Выпуск 17. – X. : ХНУ имени В. Н. Каразина. – 2011. – С. 259 – 270.

3. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире / [директор и основной автор Х. Малик] – Издательство «Весь мир», 2013 – 202 с.

4. Николаев Є. Б. Проблематика соціальної безпеки у контексті навчального курсу «Соціально-економічна безпека» / Николаев Євген

Борисович // *Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: Сборник научных работ*. – Выпуск 17. – X. : ХНУ имени В. Н. Каразина. – 2011. С. 399 – 404.

5. Яковенко А. В. Украинское общество и военный конфликт: первые оценки социальных последствий / Яковенко Андрей Вячеславович // *Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: Сборник научных работ*. – Выпуск 20. – X. : ХНУ имени В. Н. Каразина. – 2014. – С. 128 – 132.

6. Human Development Report 1994. Chapter 2: New dimensions of human security. [Electronic resource] / Way of access : <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1994/chapters/>

7. Owen T. Challenges and opportunities for defining and measuring human security [Electronic resource] / T. Owen // *Human rights, human security and disarmament*. – 2004. – №3. – Way of access : <http://www.unid.org/pdf/articles/pdf-art2138.pdf>.

Valeriy Nikolayevskyy

*Ph.D. in Sociology, Post Doctorate Associate
at Department of Sociology, V.N. Karasin Kharkiv National University*

CONCEPTUALIZATION OF SOCIAL SECURITY IN THE CONTEXT OF SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE

The author proposes a systematization of the results of the review of publications on security issues in the social sciences and humanities, which allowed several major areas of research. The paper also deals with construction of a model of social security as an indicator of generalized social homeostasis, created as a result of balancing the functions of basic social institutions. It's proposed to apply a structural functionalism and neofunctionalism as dominant methodology for interpretation of social security as a social institution homeostasis' control and social sustainability of the social environment while maintaining constancy intrasystem parameters. There was determined inequivalence of different types of social security in providing social homeostasis by their correlation with the four types of social subsystems (institutions): semantic, reproductive, regulatory and transmission also.

The paper argued that the leading role in ensuring social homeostasis play a meaning- (religious, ideological, cultural) subsystems, corresponding to the value stabilization of society. At the same time, the article emphasizes that meanings and values produced by these institutions' subjects (actors) initially embedded through socialization and communication (transmission) subsystems and are subject to secondary fixation at the level of social action through regulatory social institutions (politics, law). The final element of social security is to ensure the homeostasis of the lowest level of social order (institutes of economics and the family).

Author justified the position on the understanding of the social security system as independent institution one within the framework of the two models of the social world: systematic and stochastic. It is indicated that the system map of the social world meets modernist paradigm of sociological theorizing, which is characteristic for the consideration of social security as a factor of change that promotes social cohesion, rather than its decay. Whereas stochastic map of the social world corresponds to a postmodern paradigm, main characteristic feature of which is looking at and perception of social security as part of polycentric social reality.

Keywords: security, social security, social danger, functional, neo-functional paradigm.

У статті системаізовано результати огляду публікацій з проблем безпеки у соціогуманітарних науках, зокрема в соціології. Виокремлено основні напрямки відповідних досліджень, запропоновано модель соціальної безпеки як синтетичного індикатора соціального гомеостаза, урівнювання функцій базових соціальних інститутів. У контексті побудови цієї моделі автором застосовані методології структурного функціоналізму та методологія неофункціоналізму, що дозволило інтерпретувати соціальну безпеку як соціальний інститут контролю соціального гомеостаза та забезпечення стабільності соціального середовища за умов збереження стабільності інтра-системних параметрів соціуму. Підкреслено нерівнозначність різних типів соціальної безпеки в забезпеченні соціального гомеостаза в контексті їхнього співвіднесення з чотирма типами соціальних підсистем (інститутів): смислоутворюючих, репродуктивних, регуляторних та трансмісійних.

Визначено провідну роль у забезпеченні соціального гомеостаза смислоутворюючих (релігійна, ідеологічна, культурна) підсистем, що сприяють ціннісній стабілізації суспільства. Підкреслено, що створені цими підсистемами (інститутами) смисли та цінності первісно впроваджуються завдяки соціалізаційним та комунікаційним (трансмійсійним) підсистемам та підлягають вторинному закріпленню на рівні соціальної дії за допомогою регуляторних соціальних інститутів (політика, право).

Зроблений висновок про те, що аналіз соціальної безпеки як самостійного суб-системного інституту може здійснюватися у рамках двох моделей (мап) соціального світу: системної та стохастичної. Підкреслено, що системній мапі соціального світу відповідає модерністська парадигма соціологічного теоретизування та розгляд соціальної безпеки як чинника змін, що сприяє забезпеченню соціальної цілісності, а не її

розпаду. Що стосується стохастичної моделі, то їй відповідає постмодерністська парадигма і розгляд соціальної безпеки у поліцентричній соціальній реальності.

Ключові слова: безпека, соціальна безпека, соціальна небезпека, функціоналізм, неофункціоналізм.

В статье систематизированы результаты обзора публикаций по проблемам безопасности в социогуманитарных науках, в частности в социологии. Выделены основные направления соответствующих исследований, предложена модель социальной безопасности как синтетического индикатора социального гомеостаза, уравнивания функций базовых социальных институтов. В контексте построения этой модели автором использованы методология структурного функционализма и методология неофункционализма, что позволило интерпретировать социальную безопасность как институт контроля социального гомеостаза и обеспечения устойчивости социальной среды при сохранении стабильности интрасистемных параметров социума. Подчеркнута неравнозначность различных типов социальной безопасности в обеспечении социального гомеостаза в контексте их соотношения с четырьмя типами социальных подсистем (институтов): смыслообразующих, репродуктивных, регуляторных и трансмиссионных.

Отмечена ведущая роль в обеспечении социального гомеостаза смыслообразующих (религиозная, идеологическая, культурная) подсистем, способствующих ценностной стабилизации общества и легитимности социального порядка. Подчеркнуто, что созданные этими подсистемами (институтами) смыслы и ценности первично внедряются благодаря социализационным и коммуникационным (трансмиссионным) подсистемам и подлежат вторичному закреплению на уровне социального действия через регуляторные социальные институты (политика, право).

Сделан вывод о том, что анализ социальной безопасности как самостоятельного субсистемного института может осуществляться в рамках двух моделей карт социального мира: системной и стохастической. Отмечено, что системной карте социального мира соответствует модернистская парадигма социологического теоретизирования и рассмотрение социальной безопасности как фактора изменений, который способствует обеспечению социальной целостности, а не ее распаду. Что касается стохастической модели, то ей соответствует постмодернистская парадигма и рассмотрение социальной безопасности в полицентрической социальной реальности.

Ключевые слова: безопасность, социальная безопасность, социальная опасность, функционализм, неофункционализм.

The problem of social security has always been and continue to be in the focus of different areas of social knowledge. Numerous scientists including the historians, philosophers, political scientists, environmental scientists, economists, legal scholars, sociologists etc. turn to its analysis and reflection. For sociology various aspects of social security (such as intradisciplinary and interdisciplinary) are of current interest. These aspects relate to the definition of the essence of social security, development and implementation of its maintenance' policies and strategies.

Analysis of scientific literature enable to say that at the initial stage of security problems' study different notions on the issues of social security existed. During the evolution of social science the understanding of the nature and essence of social security constantly elaborated and corrected all along.

The maintaining of security in a human society at all times has been imperative with security being a crucial social institution requiring substantial working resources. There is no doubt that safe (security) societies have always been marked by some specific peculiarities of their harmony, stability, and synergy and intrasystem order.

Increased relevance of studying the essence of the concept of «security» in the context of

its ideological, philosophical and sociological understanding is due to several factors. Amongst them complexity and inconsistency of nowadays processes of geopolitical and geo-economic transformations, global problems of humankind, key socio-political and socio-economic changes in many countries, other (new) challenges and threats to the stability of society (global or national).

A task of creating a complex theory of social security, from a sociological point of view, is the most difficult one; and lack of integrated sociological research makes it even more complicated.

Background knowledge about the origin of social security can be seen in mythology, religion, philosophy, general in the history of science. Thereby, methodology, sociological and socio-philosophical approaches to the analysis of social security is based on a number of scientific works representing different periods of socio-political research. Provisionally they can be divided into the following main groups: classical sociological and philosophical works; works on theory and methodology of security; political science and securitological research.

The first group is represented by classical philosophical and sociological theories written by Aristotle, Plato, Thucydides, and T. Aquinas, Bacon,

Fourier, Grotius, Hegel, Hobbes, Kant, Locke, Machiavelli, Marx, Montesquieu, Saint-Simon, Spinoza. In these theories an analysis of genesis of social dangers, challenges and threats; difficulties related to prevention of these threats to the state (state authority), threats to the society and individuals is provided. Authors analysed criteria of optimal (perfect) statehood against demands of freedom, equality and social justice.

The second group – the founders of positivism, structural functionalism and neo-functionalism (Comte, Spencer, Durkheim, Sorokin, Luhmann). We can dwell on models of social integration and a balanced structure of society; autopoiesis; harmony of social systems and independent social institutions; societal status and hierarchy built institutional clusters. These key ideas are essential for the research, if we are to improve the concept of structural functionalism and neofunctionalism linked to the idea of social security as social homeostasis' and homeostatic autopoiesis status' controlling method, as opposed to hetero static autopoiesis of the frame of society with its hierarchy built non integrated institutional clusters.

Numerous studies and works which fill third group predominantly are focused on issues of national security in the context of activity of national security bodies, defence and law enforcement agencies. Designate some of them: [1-19].

Our separate attention is drawn to school of critical analysis of security known as «Copenhagen School» or securitological research. Initially, the task of their research was to overcome a traditional (largely Realist and Neorealist) concept of security originating from narrow objectiveness of a positivist approach meaning a state centred concept of security being a significant part of military involvement. Since the 1980-1990s more political scientists, scholars in international relations, sociologists have contributed their scientific data to securitology. They focus on theories of a security model and key elements of social security [see, for instance, 20-30].

Despite a high level of generalization the outcome of this scientific research shows features of a mosaic and fragmental approach. It mainly focuses on certain types of social security such as economical, political, ecological, informational and military. The research lacks systematic approach to finding solutions of technological issues of ensuring social security, which in its turn creates a certain vague impression of the whole idea.¹

1 In this context it is worth to note the human security discourse also. This a relatively new area of intellectual exploration, which is rather dynamic, and its thought-provocative potential to the social security analysis (mark at least concept «securitability» proposed by human security scholars [31]) requires more in-depth study and is outside the objectives of the paper.

The fourth group of studies is devoted to the concept of social security as attribute of social sphere and of system of social security (social protection). Amongst them are works by T.Ye. Beydina, O.V. Buryanov, I.F. Hnibidenko, F.M. Kolot, V.I. Lykov, O. Novikova, V.S. Plotnikov, H.I. Osadchaya, V.V. Rogovoy, V.D. Roik, V.V. Serebryannikov, M.Yu. Shvetsov, R.H. Yanovskiy, etc. [32-39]

Taking into account all these concepts, paradigms and scientific approaches I choose structural functionalism and neofunctionalism represented in works by T. Parsons and R. Merton, as well as that by J. Alexander, R. Bales, S. Eisenstadt, N. Luhmann, E. Shils, N. Smelser. [see, for instance, 40-51]

Also, general sociological research presented by works of Ukrainian and Russian sociologists of vital methodology importance for this study. The focus of their research is a nature, structure and functions of culture, social institutions, technologies, sense-making, which is crucial for understanding of essential, institutional and stratified determinants of social security [for instance, 52-65].

Social security is a variety of social status and social process in which society as integral unit and its main subsystems are balanced (or trying to become balanced) from the point of view of their structural and functional significance against the society as integral unit and against each other (subsystems). That is why my working definition reflects the idea that any structural or functional excessiveness as well as deficiency, which can be observed in any quantitative increase/decline of activity of any social subsystem or expansion of its functions beyond its subsystem boundaries will act as indicators of social danger in a number of deviations. The latter can be linked to politics and law (etatization, corruption), economy (stagnation, inflation, consumer's deficit), morals (moral anomaly), ideology (ideological anomaly, ideological monopolisation), as well as environment which surrounds social medium and can be a source of ecological disasters.

As opposed to the above statement the author's understanding of social danger lies in socio systematic or subsystematic status of deviation, which destroys structural functional harmony of the society in separate units of social environment by breaking up semantic, regulatory, reproductive and transmission activity of the frame of society (or its parts or social subsystems) against the frame of society or environment.

By referring to T. Parsons who studied blocks of adaptation, goal achieving, latency and integration in a social system structure and to approach by R. Merton on the same subject, basing on A. Hurevitch's [66] system analysis method-

ology, as well as on Y. Romanenko's [67] fractal socioanalysis theory, it's proposed in the paper to extend it (social system's structure) by adding four more social subsystems which produce respectively four functions, such as semantic (meaning-orientation and meaning-producing), regulatory, reproductive and transmission ones to it.

While formulating main theoretical points of social security, it is important to have respect to the results achieved by Ukrainian and Russian researchers in the fields of legal studies, public administration, economics, philosophy, political science: V.A. Bachinin, I.P. Bayrak, I.F. Binko, L.N. Chikinova, S.I. Holovaschenko, O.V. Hrabovskyy, V.H. Kremen, S.A. Panarin, D.I. Polyvyanny, N.N. Rybalkin, H.P. Sytnyk, N.Ye. Yatsenko, V.K. Zbarskyy, etc. [see, for example, 68-73]. Most of them suggest that a definition of social security should be of legal nature; however referring to this can be quite beneficial for sociology from a scientific point of view.

Since Parson's definition of the social system states that it acts as part of a wider system of action (smaller parts include the cultural system, the personality system and the system of the organism), it allows us to interpret the four subsystems according to their individual functions. To enable a system of action to survive it must be flexible to adopt; flexible to attain its goal and integrity and flexible to be able to keep its image; in other words, it must satisfy the four functional imperatives.

The opposite to these functions is disadaptation (hypo adaptation), prevention of goal achieving or its loss (de-intentionalisation), disintegration and anomy (hyponomy as its primary phase). During their systematic performance they become sources of a social danger, meanwhile realization of the four functions corresponds to social security.

The novelty of the approach is based on creating a structural functionalism and neofunctionalism model of social security as generalised indicator of social homeostasis formed as a result of balancing functions of basic social institutions. In this context it is worth to talk more on some key statements which have been achieved in course of this research.

Firstly, it was applied structural functionalism and neofunctionalism as dominant methodology which allows to interpret social security as social institution of social homeostasis's controlling process and social sustainability of social environment. At the same time constant intersystem parameters of the society are kept intact providing dynamic response of environment, flexible restructuration and functional differentiation of the system. [74-77] Secondly, it to focus on inequivalence of various types of social security in providing social homeostasis by means of relating them to the four types

of social subsystems (institutions): semantic, regulatory, reproductive and transmission systems. The semantic subsystems i.e. religious, ideological and cultural ones play a vital role in ensuring social homeostasis. They correspond to value stability of the society and provide a legitimate social order as a whole.

At the same time, the ideas and values created by above mentioned institutions are initially implemented through subsystems of socialization and communication (transmission) and then undergo their secondary implementation on the level of social action with the help of regulatory social institutions (politics, law). The final point of social security is social homeostasis of the lowest level of a social order (institutes of economy and family).

It's fruitful to analyze social security as independent institutional component within the boundaries of two basic (maps) models of the social world: systematic and stochastic. Evidence supports that social security as institution of social homeostasis' control process depends on social actors who receive leading parts in creating social reality throughout history. When we say about a definition of social security in the context of a systematic map of the social world, it's seems to me, that such a map corresponds to a modern paradigm of a sociological theory, main feature of which is social security as changing factor ensuring to its integrity and not its destruction.

Maintaining of social security in a modern paradigm of a sociological theory mainly depends on presence of influential integral institutions and actors contributing to integrity of societal systems. And focus on the order and stability, and vectors of social security transformation in the context of its institutional support as well turns into final research on social security in this paradigm.

As to social security in relation to a stochastic map of the social world, from my point of view, latter corresponds to a postmodern paradigm of a sociological theory, main characteristic feature of which is perception of social security as part of polycentric social reality, which in its turn is interpreted as something relative, something like space of fluctuations', configurations' and paths' genesis. This enable to interpret social homeostasis as artificial harmony. [78]

Stochastic and postmodern paradigms in social security research i.e. interpretive or *verstehende* sociology, symbolic interaction, phenomenology, ethnomethodology as well known are focused on micro issues of people's interaction, interpersonal communication, behaviour and motivation, but also they paying little attention to evaluative criteria of social security.

Another issue which is thought-provoking (and important) to analyze is the basic social se-

curity function. To my opinion, we are to proceed from the fact that any social organization has its own boundaries of space and time which are determined by its economics, politics, culture, ideology, education and other social institutions and so a basic social security function of the society is maintenance of social environment and prediction of social time.

Social danger and threat as dysfunction are also those issues which it's necessary to pay more attention to. Applying a structural-activity approach we can find that such a dysfunction is equal to disruption of stability and rhythmical process of a certain activity. However, it's important to mention the fact that stability or a rhythmical process can fluctuate to increase its function (hyper function), which means an increased activity of a formation (construction) or a system (subsystem). This can be caused by reaction to increased intensity of external factors or by adaptive reaction to extreme (destructive) circumstances. Another fluctuation can be a hypo function, an inadequate activity of a formation (construction) or a system (subsystem) which causes basic life and security disruption.

To my opinion, we have to understand social security as stability of the society in which a societal system retains its integrity as well as its ability to self-development in spite of negative external and internal challenges (factors). In this context one can apply structural functionalism and neofunctional approach to social homeostasis as social system condition linked to institutional maintenance of its stability with social security acting as regime of social subsystems' optimal functioning, the regime contributing to maintenance of social order legitimacy. And the effectiveness of a social security system is recorded in a stability coefficient which reflects correlation of a number of factors the object is capable of coping with to a number of factors the object fails to cope with [79, p.111].

If we look at social security in the context of system dimension we have to take into account that it is based on two approaches. Various types of danger such as economical, demographical, political, etc. fall into the first one. The other approach focuses on hierarchy and subordination between various types of danger. In any particular case of the social system we can question the priority of a certain type of security. For instance, where should we start when it comes to demographical issues in the society? Should we revise youth families' benefit system, start promoting a healthy life style or improving employment practice? The answer to this question can be obtained as a result of analysis of leading structural and functional social subsystems forming peculiar subordinated and hierarchy based constellations which can be specific for every kind of social system.

Various kinds of social systems have been studied in available references [42;66;75;77;78;80-85]. Some of them are: formational (primitive communal, slave-owning, feudal, capitalist and socialist); civilisational (Anglo-Saxon, European, Euro-Asian, Far East Asian (Confucian-Taoist), Mid-East Asian (Arabian-Muslim and Jewish), Indo-Buddhist)); typology of development phases (preindustrial, industrial, post-industrial society). Based on the above classification it's possible to point out specific constellations for every kind of social system focusing on peculiarities of strategic subsystems of the society and leading to them security sphere together with subordinate subsystems and relevant (subordinate) types of security.

If we look on social security in the context of functional approach we can say that a leading subsystem represented by a relevant institution forms a core of social homeostasis' control, on which a relevant type of society social stratification is based. The type of stratification and linked to it its leading social subsystem determines regime of social security and social technologies necessary for its maintenance. Moreover, the three types of stratification correspond to four basic types of regime of establishing and maintenance of social security, i.e. repressive, corporative, societal-statistic and information-communicational.

From my point of view, the more primitive a social structure is the more external force factors are present. In this case, force factors act as main social technology of ensuring security with military and political institutions playing a leading role in the society. Social homeostasis formed within the boundaries of a caste ridden society and its security level look very unstable because its leading social party has to spend a great amount of resources to keep various social groups within their physical boundaries. On the other hand, constant decline of a security level is caused by constant lack of universal socio-normative systems which could protect the society from excessive repression. The described above regime of ensuring social security in the society with military and political institutions dominant involvement is called repressive.

As state powers evolve especially during the period of mature feudalism and absolute monarchy with relevant estate systems of the society, the repressive regime is taken over by a corporative regime of social security, when social security does not only spread on parties of military social institutions but on other social groups. Appropriate social security is guaranteed to these groups as long as they do not cross their function boundaries. Growth of the corporative security regime is mainly referred to growth of law as social institution and to transition of the society from a potestarian to corporate model of legal regulation. The latter creates conditions for ensuring social

homeostasis through the system of privileges and politico-legal immunity for its feudal elite.

In a bourgeois society with its market economy, democracy and constitutionalism a new type of social stratification (a class social stratification) is formed. A class state with a societal-etatistic regime of social security corresponds to this stratification. This regime of ensuring social security is stand by a civil society and ability to have a social dialogue in conflict situations caused by various dysfunctions of social institutions. On the other hand, during this regime social security is ensured not only by repressive parties but by a civil society. A key function of such a society becomes social control over the state in which political parties, non-government organizations; pressure groups and local communities play a leading role. All participating parties receive carte blanche to react in time to any kind of threat (political, economic, ecological, informational, psychological) with the state itself dealing with any military threat and breach of territorial security. Also the state keeps the right to take necessary security measures in extraordinary circumstances (ecological and man-made disasters, terrorist acts, etc); in other words, its role is reduced to minimise risks when security environment is being formed.

The analysis of theoretical and methodological research of security in social sciences and humanities gives us the following results.

Firstly, the comparative analysis of leading political-philosophical, socio-philosophical, socio-ecological, etc. concepts of security over the period of modern and postmodern time throws light on fluctuations of vectors of a definition of social security in the context of nature of power as regulating force of a social system.

Secondly, a definition of security in scientific and philosophical discourse can be only revealed within person security, group security and social security as a whole. On one hand, they act as split-level types of security, on the other hand, they are perceived as complementary and interdependent ones.

Thirdly, the concept of security is revealed through processes of globalisation which are accompanied by crashes of nation state identifications and civilization crises as well showing the necessity of handling security issues within the complex analysis of its various types (ecological, economical, informational, military, political, etc). It also makes us accept security as universal concept within the scope of social and cultural systems and persons as their micro-level representatives.

In a social and humanities discourse the concept of social security can play a leading role because it is linked to social mapping of reality, therefore to parameters of homeostasis of a social system as a whole. All concepts of security in a socio-humanistic discourse including its socio-phil-

osophical, politically-legal and religious-soteriological branches, can be divided into three groups: a) power centred (with a focus on power), b) person centred (with a focus on persons), c) environment centred (with a focus on factors of environment).

As was mentioned above the elucidation of the nature and role of security in a contemporary social life leads to analysing of its concept antithesis which means social danger. Any danger is viewed as an opportunity of negative influence of the events, conditions and processes on the social «body» and its «organs» (subsystems). As a result of it the society can suffer losses which will not only damage its state, but also will contribute to redirection of its development towards dysfunctionism (dysfunction condition) (character, speed, forms, etc). If security means functionalism and, therefore, functional status of a relevant social institution, then danger means dysfunctionism, i.e. hypo functional or non-functional status of a social institution, a social subsystem or a society as a whole.

A non-functional status of a social institution (social subsystem, society) emerges when a social institution (subsystem, society as a whole) fails to meet certain demands as a result of a conflict between socio-normative basis of these demands and real demands or as a result of decline of resource potential of a social institution itself caused by some social or environmental processes.

There is enough evidence to allow us to talk about security of the society, security of its subsystems and social institutions when the latter fulfil their functions; and social danger when the latter does not fulfil their functions or over-fulfil them. Condition of security and its dominance determines security as attribute of a stable social system and functional institutions and subsystems as well. At the same time, condition of danger determines danger as attribute of a non-stable (chaotic) social system and non-functional (hypo functional) social institutions and social subsystems. Since social security is formed as complex process of protection of fundamental necessities related to relevant functions of social institutions, we would like to analyse the latter in the context of their functions, hypo functions and dysfunctions.

From a technological point of view one can study social security in the context of a social policy and a social state as institutions ensuring and guaranteeing social homeostasis. A social policy acts as a key factor in social function implemented by a social state because roots of latter go back to a social policy. Hence, it makes sense to state that a social state is an instrument of social policy implementation to manage social sphere of the society, to meet material and socio-cultural necessities of its members, to regulate processes of social differentiation of the society, including incomes of active population and unemployed, disability

citizens. It allows every member of the society to fulfil their most important socio-economical rights, and first of all, their right to have a quality life so necessary for normal reproduction and development of a person.

Macro blocks of a social policy are social equalisation, levelling (distribution and redistribution) and social protection. Social protection is an important instrument of a social policy of a social state. It includes a social insurance (often is used identically to social security) covering individuals and their families in case of risks and unpredictable circumstances (illness, unemployment, injuries, etc); social benefits for people with low income, big families, victims of force major situations, refugees, etc; financial help for first time property buyers or scholarships for students, etc.

A peculiarity of a social policy is that it is important for its final results to reach every social party (subject). According to this a micro level turns out to be a main link of implementation of social policy measures. In a social state initiative groups of local communities are responsible for this. Implementation of social function is directly linked to an economical policy of the state which is one of the basic mechanisms of a social state' function.

Everybody's welfare as essential rule of a social state depends on how high its economical level is. It guarantees a minimum cost of living for its citizens. That is why a key social function in a social state is to create a solid economical foundation. According to existing world's models, the most effective one is the so called socio-oriented market economy. Market mechanisms provide economical effectiveness; and the state is responsible for social distribution of market economy results through taxation, banking and budgeting.

An economical policy of a social state involves the following features: strengthening of market transformation of a nation; creating of a relevant regulatory and legal framework and infrastructure; promoting equal development and cooperation between state and private sectors of economy (no discounts or privileges); encouraging of a charity activity. An economical policy of social society must be able to combine measures of state regulation and competition as well as development of individuals' initiative to provide their own welfare.

Along with that, a life in a social rule-of-law state gets disrupted by a number of challenges and threats to social security. They require special counterprograms on behalf of a civil society to influence the state, which is done by providing public control over government organizations, authorities as a whole; by supervising an administrative apparatus by a representative body; by involving non government organizations in law making; by creating special conditions for various social groups to participate in decision making with regards to social security. Apart from

that, it is vital for a civil society to get involved in creating of concepts of security of its nation-state, creating of science based social policy of the state by attracting nongovernment foundations, scientific research centres, think tanks, whose mission is to research and analyse the status of social security of the country and to advise on best ways to improve it.

Thereby, a contemporary social state's activity in the context of social security should be interpreted as a system unity of two interconnected and complementing each other directions such as social development and social protection. Theoretical assumption of the concept of protective function of a social policy should be based on a socially acceptable quality of life and adjustment of its guarantees according to its social standards and norms.

So, as was emphasized in the paper the author offers an attempt of construction of structural-functional model of social security as an indicator of generalized social homeostasis, created as a result of balancing the functions of basic social institutions. First, the author applied structural functionalism and neofunctionalism as dominant methodology for interpretation of social security as a social institution to control homeostasis and social sustainability of the social environment while maintaining constancy intra-system parameters, provided that the dynamic response of the medium, flexible and functional differentiation restructuring of a system. Second, it was talked about inequivalence of different types of social security in providing social homeostasis by their correlation with the four types of social subsystems (institutions): semantic, reproductive, regulatory and transmission. It was underlined that the primary role in ensuring social homeostasis play a meaning- (religious, ideological, cultural) subsystem, which are corresponded to the society' values stabilization and to ensure the legitimacy of the social order as a whole.

It was proposed to understand the system of social security in the logic of the social world map also. It was displayed that the system map of the social world meets modernist paradigm of sociological theorizing, which is characteristic for the consideration of social security as a factor of change that promotes social cohesion, rather than its decay. At the same time, these institutions' created entities meanings and values which are implemented primarily through socialization and communication (transmission) subsystems and are subject to secondary consolidation at the level of social action through regulatory social institutions (politics, law). And the final link of social security is to ensure homeostasis lowest level of social order (institutes of economics and the family).

Further analysis of the social security of society (in case of Ukraine) not only as theoretic

concept but also as social problem even more urgent, because it is exposed to severe stress during the reform process. As a result, one can see significantly expand the range and variety of internal and external challenges and threats to the person, society, state, etc. Experiencing a crisis of governance, the degradation of the economy, antagonizing the social structure, an acute decline in the quality of life of people to create an extensive source of tension in society.

Relevance of the work is also due to the conservation and, in some cases, increasing the risk for Ukrainian society trends of socio-, economic and political development: mainly raw nature of

production and exports; extremely high level of corruption, problematic return of old and new growth of external debt; instability of political power; as well as destruction of traditional values; acute social inequality of society; low quality of life; criminalization of society; separatism, etc.

But it seems that also no less important is the following: the lack of contemporary Ukrainian society stable social protection of the vital interests of a large part of society is due not only multifactorial and complex nature of emerging threats and challenges, but also by the nature of the subjects of social security, particularly their perception of these challenges and threats in key spheres of life.

References

- Arbatov A. *Natsionalnaya bezopasnost Rossii v mnogopolyarnom mire // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. – 2007. – Nr.10. – Pp. 21 – 28. (in Russian)
- Belov P. H. *Metodologicheskiye aspekty natsionalnoy bezopasnosti Rossii*. – M.: Izd-vo FTSNTP «Bezopasnost», 2002. (in Russian)
- Bezopasnost Yevropy / Zhurkin V.V. (Ed.)*. – M.: Ves mir, 2011. (in Russian)
- Bodruk O. *Ukraina v systemi mizhnarodnoy bezpeky*. – K.: NIPMB, 2003. (in Ukrainian)
- Burkin A. I. *Natsionalnaya bezopasnost Rossii / A. I. Burkin, A. V. Vozzhenikov, V.N. Sineok*. – M.: RAGS, 2008. (in Russian)
- Czaputowicz J. *Bezpieczenstwo miedzynarodowe: wspolczesne koncepcje*. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2012. (in Polish)
- Dillon M. *Politics of Security: Towards a Political Philosophy of Continental Thought*. – L. – N.Y.: Routledge, 1996.
- Explaining the EU's Common Security and Defence Policy Theory in Action / Kurowska X.; Breuer F. (Eds.)*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
- Furashev V. M. *Natsionalna bezpeka Ukrainy: shlyakhy zabezpechennya, rol i mistse suspilstva. Yevroatlantychnyy kurs / V.M. Furashev, S.F. Dzherdzh*. – K.: Synopsys, 2009. (in Ukrainian)
- Hofmann S. *European Security in NATO's Shadow. Party Ideologies and Institution Building*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Jordan A. *American National Security. 6th Edition / A. Jordan, Jr. Taylor, J. William, M. Meese, S. Nielsen*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2009.
- Kokoshyn A. A. *Politiko-voennoye i voyenno-strategicheskkiye problemy natsionalnoy bezopasnosti Rossii i mezhdunarodnoy bezopasnosti*. – M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2014. (in Russian)
- Lipkan V. A. *Teoriya natsionalnoy bezpeky*. – K.: KNT, 2009. (in Ukrainian)
- McNamara R. *The Essence of Security: Reflections in Office*. – N. Y., 1968.
- Prokhozhev A. A. *Obschaya teoriya natsionalnoy bezopasnosti*. – M.: Izd-vo RAGS pri Prezidente RF, 2002. (in Russian)
- Smeshko I. *Natsionalna bezpeka Ukrainy: vyklyky doby globalnykh transformatsiy / Ihor Smeshko // Yevroatlantika*. – 2013. – Nr.1-2. – Pp. 26 – 29.
- Tendency of national security in the Baltic sea region / Makstutis A. (Ed.)*. – Vilnius: The General Jonas Zemaitis Military Academy of Lithuania, 2006.
- Voenno-politicheskiye issledovaniya v Rossii: spravochnik / NP RSMD; I.S.Ivanov (Ed.)*. – M.: NP RSMD, Ves mir, 2014. (in Russian)
- Wolfers A. *National Security as an Ambiguous Symbol // Political Science Quarterly*. – 1952. – Nr.67(4). – Pp. 481 – 502.
- Boin A. *Preparing for the World Risk Society: Towards a New Security Paradigm for the European Union / A. Boin, M. Ekengren // Journal of Contingencies and Crisis Management*. – 2009. – Nr.17(4). – Pp. 285 – 294.
- Critical Security Studies / Vaughan-Williams N.; Peoples C. (Eds.)*. – N.Y.: Routledge, 2012.
- Critical Security Studies and World Politics / Booth K. (Ed.)*. – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2005.
- Buzan B. *Peace, Power, and Security: Contending Concepts in the Study of International Relations // Journal of Peace Research*. – 1984. – Nr. 21(2). – Pp. 109 – 125.
- Buzan B. and de Wilde J. *Security: a new framework for analysis / B. Buzan, O. Waever, J. de Wilde*. – L.: Boulder, 1998.
- Handbook of Security Studies / M. Cavelti, V.V. Mauer. (Eds.)*. – London: Routledge, 2009.
- Neocleous M. *Critique of Security*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008.
- On Security / Lipschutz R. (Ed.)*. – N.Y.: Columbia University Press, 1995.
- Stone M. *Security According to Buzan: A Comprehensive Security Analysis / Security Discussion Papers Series*. – Nr. 1. – Paris-N.Y.: CUP, SIPA – N.Y., 2009.
- Taureck R. *Securitization Theory and Securitization Studies // Journal of International Relations and Development*. – 2006. – Nr.9. – Pp. 53 – 61.
- Williams M.C. *Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics // International Studies Quarterly*. – 2003. – Nr.47. – Pp. 511 – 531.
- Human Security. Human Development Report 2002/2003*. – Riga: UNDP Latvia, 2003.
- Beydina T. Ye. *Sotsialnaya bezopasnost (regionalnyye aspekty) / T. Ye. Beydina, V. I. Lykov, M. Yu. Shvetsov*. – Chita: Izd-vo ChitGU, 2001. (in Russian)
- Buryanov O.V. *Sotsialnaya bezopasnost rossiyskogo obschestva*. – Rostov n/D, 1999. (in Russian)
- Novikova O. *Sotsialnaya bezopasnost v Ukraine: vozmozhnosti chelovecheskogo razvitiya*. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. (in Russian)
- Osadchaya H. I. and Roik V. D. *Sotsialnyye aspekty ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii / H.I. Osadchaya, V.D. Roik*. – M.: Mysl, 2006. (in Russian)
- Plotnikov V.S. *Sotsialnaya bezopasnost v perekhodnom obschestve: sodержanie i mekhanizmy obespecheniya. Tekst avtoresh. dis. kand. sotsiol.nauk*. – Novosibirsk, 2004. (in Russian)
- Serebryannikov V. V. *Sotsialnaya bezopasnost Rossii: kontseptualnyy podhod*. – M.: TsSI ISPI RAN, 2005. (in Russian)

38. Sotsialna bezpeka: teoriya ta ukrainska praktika / I. F. Hnibidenko, F.M. Kolot, V.V. Rogovoy (Eds.). – K.: KNEU, 2006. (in Ukrainian)
39. Yanovskiy R.H. Globalnyye izmeneniya i sotsialnaya bezopasnost. – M.: Izd-vo «Akademiya», 1999. (in Russian)
40. Alexander J. The Modern Reconstruction of Classical Thought: Talcott Parsons. – N.Y.: Routledge, 2014.
41. Alexander J. Smyshly sotsialnoy zhizni. Kultursotsiologiya. – M.: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praxis», 2013. (in Russian)
42. Eisenstadt S. N. Tradition, change, and modernity. – New York: John Wiley & Sons, 1973.
43. Luhmann N. Ponyatiye riska // THESIS. – 1994. – Nr. 5. – pp. 135–160. (in Russian)
44. Luhmann N. Ponyatiye obschestva // In: Luhmann N. Problemy teoreticheskoy sotsiologii. Sankt-Peterburg: Aleteya, 1994. – Pp. 25–42. (in Russian)
45. Merton R. On Theoretical Sociology. – N.Y.: The Free Press, 1967.
46. Neofunctionalism / Alexander J. (Ed.). – Beverly Hills: Sage, 1985.
47. Parsons T. Some Considerations on the Theory of Social Change // Rural Sociology. – N.Y.: The Free Press, 1961. – Pp. 219-239.
48. Parsons T. O strukture sotsialnogo dejstva. – M.: Akademicheskij Project, 2000. (in Russian)
49. Parsons T. O sotsialnykh sistemakh. – M.: Akademicheskij Project, 2002. (in Russian)
50. Parsons T. Working Papers in the Theory of Action / T. Parsons, R. F. Bales, E. Shils. – Glencoe: The Free Press, 1953.
51. Parsons T. Economy and Society / T. Parsons, N. Smelser. – Glencoe (IL): The Free Press, 1956.
52. Arseyenko A. Perspektivy evropejskoy arkhitektury bezopasnosti v kontekste situatsii v sovremennom mire // Sotsialni vymiry suspilstva. Zbirnyk naukovykh prats. – K.: Instytut sotsiologii NAN Ukrainy. – 2002. – Nr.5. – Pp. 464–482. (in Russian)
53. Filippov A. F. Sotsiologiya prostranstva. – Spb.: Vladimir Dal, 2008. (in Russian)
54. Fomchenkova H. A. Institutstionalizatsiya bezopasnosti molodezhi v usloviyakh transformatsii rossijskogo obschestva. Dissertatsiya ...d.sotsiolog.n. – Spb.: SPbGU, 2014. (in Russian)
55. Holovakha Ye.; Panina N. Sotsialnoye bezumiye. – K.: Abris, 1994. (in Russian)
56. Khyzhnyak L. M. Peretvorennaya organizatsiy v umovakh sotsialno-ekonomichnykh zmin. – Kh.: Osnova, 1999. (in Ukrainian)
57. Kutsenko O. D. Obschestvo neravnykh. Klassovyy analiz neravenstv v sovremennykh obschestvakh: opyty zapadnoy sotsiologii. – Kh.: Vydavnychy tsestr Kharkivskogo universitetu, 2000. (in Russian)
58. Kutuyev P. V. Kontseptsii rozvytku ta modernizatsii: evolyutsiya doslidnytskykh program sotsiologichnogo dyskursu. – K.: Stal, 2005. (in Ukrainian)
59. Kuznetsov V. N. Sotsiologiya bezopasnosti. Formirovaniye kul'tury bezopasnosti v transformiruyushchetsya obschestve. – M.: Respublica, 2002. (in Russian)
60. Ligha M. B. Kachestvo zhizni kak osnova sotsialnoy bezopasnosti. – M.: Hardariki, 2006. (in Russian)
61. Osipov H. V. Sotsiologiya i gosudarstvennost (dostizheniya, problemy, resheniya) / H. V. Osipov, V.N. Kuznetsov. – M.: Izd-vo Ekzamen, 2005. (in Russian)
62. Sillaste H. Sotsialnaya bezopasnost lichnosti, obschestva i gosudarstva // Bezopasnost Yevrazii. – 2000. – Nr.1. – Pp. 7–31. (in Russian)
63. Sokuryanskaya L. H. Studenchesstvo na puti k drugomu obschestvu: tsenostnyy diskurs perekhoda. – Kh.: Kharkovskiy natsionalnyy universitet imeni V.N. Karazina, 2006. (in Russian)
64. Sovremennoye ponimaniye zhiznennykh sil cheloveka: ot metafory k kontseptsii (stanovleniye vitalistskoy sotsiologicheskoy paradigmy) / S. I. Hrigoryev, L. D. Demina (Eds.). – M.: Izd-vo MGSU, 2000. (in Russian)
65. Yanitskiy O. N. Ekologicheskiye katastrofy: strukturno-funktsionalnyy analiz. – M.: IS RAN, 2013. (in Russian)
66. Hurevitch A. Ya. Vvedeniye v analiz sotsialnykh sistem. – M.: INFRA-M, 2001. (in Russian)
67. Romanenko Yu.V. Smyshloproduktivnaya v sotsialnykh sistemakh. – K.: E ta E, 2005. (in Ukrainian)
68. Bachinin V. A. Entsiklopedia filosofii i sotsiologii prava / V. A. Bacinin. – Spb.: Izd-vo R. Aslamova «Yuridicheskij tsentr Press», 2006.
69. Bezpeka // Bayrak I. P. Slovnnyk-dovidnyk pravovykh, politologichnykh, sotsiologichnykh ta ekonomichnykh terminiv / I. P. Bayrak, V. K. Zbarskiy, O. V. Hrabovskyy et al. – K.: Milenium, 2008. – P. 273. (in Ukrainian)
70. Kremen V. H. Politychna bezpeka Ukrainy: kontseptualni zasady ta sistema zabespechennya / V. H. Kremen, I. F. Binko, S. I. Holovaschenko. – K.: MAUP, 1998. (in Ukrainian)
71. Bezopasnost na Zapade, na Vostoke i v Rossii: predstavleniya, kontseptsii, situatsii / S. A. Panarin, D. I. Polyuyannyy (Eds.). – Ivanovo: Ivanovo gos. un-t, 2013. (in Russian)
72. Rybalkin N. N. Filosofiya bezopasnosti. 2-e izd. – M.: Olma-press, 2002. (in Russian)
73. Sytnyk H. P. (2012). Derzhavne upravlinnya u sferi natsionalnoi bezpeky. Kontseptualni ta organizatsiyni zasady. – Kyiv: NADU. (in Ukrainian)
74. Giddens A. Politics, Sociology and Social Theory: Encounters with Classical and Contemporary Social Thought. – Cambridge: Polity Press, 1995.
75. Giddens A. Ustroeniye obschestva. Ocherk teorii strukturalizatsii. – M.: Akademicheskij Project, 2003. (in Russian)
76. Giddens A. Posledstviya sovremennosti. – M.: «Praxis», 2011. (in Russian)
77. Giddens A. Sociology. 7th Ed. – Cambridge: Polity Press, 2013.
78. Beck U. Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu. – M.: Progress-Traditsiya, 2000. (in Russian)
79. Vozhenikov A. V. Natsionalnaya bezopasnost: teoriya, politika, strategiya. – M.: NPO «Modul», 2000. (in Russian)
80. Beck U. Vlada i kontrvlada u dobu globalizatsii. Nova svitova politychna ekonomiya. – K.: Nika-Tsentr, 2011. (in Ukrainian)
81. Bestuzhev-Lada I. V. Alternativnaya tsivilizatsiya. – M.: Chero, 2003. (in Russian)
82. Eisenstadt S. N. Revolyutsiya i preobrazovaniye obschestv. Sravnitel'noye izucheniye tsivilizatsiy. – M.: Aspect-Press, 1999. (in Russian)
83. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – N.Y.: Simon & Schuster, 1996.
84. Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World / P. L. Berger, S. P. Huntington (Eds.). – Delhi: Oxford University Press, 2002.
85. Postkommunisticheskiye transformatsii: vektory, izmereniya, soderezhaniye / O. Kutsenko (Ed.) – Kh.: Izd-vo Kharkovskogo universiteta, 2004. (in Russian)

Александр Голиков*кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина***Alexandr Golikov***Ph.D. in Sociology, Post Doctorate Associate
at Department of Sociology, V.N. Karasin Kharkiv National University*

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ В АНАЛИЗЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ОТ ТОПОЛОГИИ К ТИПОЛОГИИ

В статье осуществляется анализ идентичности как знаниевого конструкта, то есть как процесса и результата синтетического (макро- и микро-) выстраивания агентом и структурами социального знания. С привлечением методологии «синтетических» теоретиков (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Н. Луман, П. Штомпка), исследователей проблематики идентичности (Р. Брубейкер, Д. Шнаппер, Б. Андерсон, С. Холл) и ряда других теорий автор доказывает, что идентичности при всём многообразии своих проявлений и оснований имеют гомологичную внутреннюю структуру, в фундаменте которой лежат схожие знаниевые механизмы. Подчёркивается, что знание, находящееся в конституции идентичности, может быть гетерогенным, несводимым лишь к одной из его форм, связанным с разными типами и способами рациональности, что не позволяет иерархизировать континуум идентичностей. Делается вывод, что унифицирующий дискурс идентичностей, зачастую господствующий в современной социологии, нерелевантен своему предмету изучения как в силу унифицирующей тенденции анализа оснований идентичности (что не тождественно анализу механизмов идентификации), так и в силу иерархизирующих амбиций.

Ключевые слова: знание, социология знания, социальное, идентичность, типология.

In this paper the analysis of identity as a knowledge-construct, i.e. as a result of the process and synthetic (macro and micro) of building by structures and agent of social knowledge is carried out. With the use of synthetic methodology theorists (P. Bourdieu, A. Giddens, N. Luhmann, P. Shtompka), researchers issues of identity (R. Brubaker, D. Schnapper, B. Anderson, S. Hall) and a number of other theories, the author argues that identities at all diversity of its manifestations and bases are having homologous internal structure, the foundation of which are similar knowledge mechanisms. It is emphasized that knowledge in the constitution of identity can be heterogeneous, irreducible to each other, associated with different types and ways of rationality that does not give grounds to hierarchize continuum of identities. The author concludes that a unifying identities' discourse, often dominant in modern sociology, is irrelevant to its subject matter, because both of the monifying trend of analysis of identity grounds (which is not the same as the analysis of the identification mechanisms), and ambitions to hierarchies in continuum of identities.

Key words: knowledge, sociology of knowledge, social, identity, typology

У статті здійснюється аналіз ідентичності як знанневого конструкту, тобто як процесу і результату синтетичного (макро- і мікро-) вибудовування агентом і структурами соціального знання. Із залученням методології «синтетичних» теоретиків (П. Бурдьє, Е. Гідденс, Н. Луман, П. Штомпка), дослідників проблематики ідентичності (Р. Брубейкер, Д. Шнаппер, Б. Андерсон, С. Холл) і ряду інших теорій автор доводить, що ідентичності при всьому різноманітті

своїх проявів і підстав мають гомологічну внутрішню структуру, у фундаменті якої лежать схожі знаннєві механізми. Підкреслюється, що знання, що знаходиться в конституції ідентичності, може бути гетерогенним, незвідним лише до одної з його форм, пов'язаним з різними типами і способами раціональності, що не дозволяє ієрархізувати континуум ідентичностей. Робиться висновок, що уніфікований дискурс ідентичностей, часто панівний в сучасній соціології, є нерелевантним до свого предмету вивчення як в силу уніфікуючої тенденції аналізу підстав ідентичності (що не тотожне аналізу механізмів ідентифікації), так і в силу амбіцій до ієрархізації.

Ключові слова: знання, соціологія знання, соціальне, ідентичність, типологія.

Современная социология неоднократно признавалась в актуальности проблематики идентичности как устами маститых классиков, так и малоизвестных неопитов. Сам мир (пост?)глобализации постоянно (ре)актуализирует этот вопрос, а многократно оспоренная, но от этого не менее социально значимая борьба идеологий, исторических памятей, знаково-символических систем, (не)традиционностей, интересов и ценностей, практик и стратегий зримо «размывает» само понятие идентичности. Более того, предметом символической, политической и научной борьбы становится статус «быть идентичностью», ибо, как обнаруживается, дискурсивная и символическая деконструируемость любой идентичности делает слишком явным соблазн делегитимации чужой идентичности (идентичности Чужого?) через отрицание самого её идентичностного статуса. Идентичность в политической и символической борьбе демонстративно редуцируется (в основном, безусловно, дискурсивными средствами) до интересов (чаще всего и более всего презираемых – материальных), образа и способа жизни (которому даже в статусе «стиля жизни» отказывается в силу стереотипного восприятия стилевости как статусно более высокого, чем образа и способа жизни) или инерциальных привычек и хабитата (которым, в свою очередь, отказывается в (само)ценности и социальной значимости).

Таким образом, термин «политики идентичности» реконституируется как «политики (вокруг и по поводу) идентичности», а идентичность, перестав, как мы уже и доказали в наших предыдущих статьях данного цикла (см. [1]), бытийствовать и (что ещё более важно) (вос)производиться как субстанциональная и социально фактичная, трансформируется в своём онтологическом статусе. Это не значит, что мы тем самым оспариваем значимость и релевантность (в первую очередь, своей исторической и социокультурной ситуации) наработок классиков в области изучения идентичности (о чём мы более детально пишем там же). Это значит, что процессы последней четверти XX века спровоцировали эрозию феномена идентичности в том виде, в

каком он был известен социальным философам, социальным психологам и социологам XIX – первой половины XX веков. В силу этого мы утверждаем, что в структуре идентичности всё большую роль играют знаниевые конструкты.

Определив социальное знание (точнее, его конструкты) как диспозитивы интернализованной социальной реальности, являющиеся актуальными и релевантными в определённой (социальной) ситуации [2], мы тем самым а) указали на соконституентность знания объективному миру, прерывая социологическую традицию гегемонии теоремы Томаса¹; б) релятивизировали знание через его ситуативность и актуальную релевантность, тем самым деобъективировав и деабсолютировав само суждение о (социальном) знании; в) эпистемологически расщепили онтологически видимое как цельное и систематичное знание субъекта (о себе, о социальном мире, о других, об истории, знаках, символах, практиках, хабитате и т.п.) на диспозитивы, иначе говоря, социальные конструкты, социологически интерпретируемые как наборы разнородных когнитивных феноменов (стереотипы, представления, ценности и оценки, привычки, традиции, предпочтения и преференции, выборы и т.п.).

Всё это позволяет нам методологически представить идентичность как знаниевый конструкт (не рядоположенный, но сосуществующий с иными знаниевыми конструктами), то есть как процесс и результат синтетического (макро- и микро-) выстраивания агентом и структурами социального знания. Такая интерпретация идентичности вовсе не дискурсивизирует, как могло бы показаться, и не когнитифицирует идентичность, ибо знаниевые конструкты в нашем определении (см. выше) не отрицают ни эмоциональных, ни когнитивных, ни даже схемно-деятельностных фрагментов. Все существующие операционализации и схематизации идентичностей (самой распространённой из которых является триада «когнитив-

¹ Что, сразу скажем, не объективировав нашу концепцию как сугубо объективирующую социальное: наоборот, мы всячески подчёркиваем, в том числе и приведенным базовым определением, что мы парадигмально и методологически предпочитаем синтетическую интенцию в социологии.

ный – аффективный – конативный элементы идентичности»), возьмём на себя смелость заявить, с лёгкостью интегрируются в предложенный нами интерфейс. Однако универсалистская амбиция такого интерфейса² налагает методологические и парадигмальные требования, решению которых и посвящена данная статья.

Таким образом, целью нашей статьи является построение (теоретической) типологии идентичностей на основании инструментария и возможностей, предлагаемых социологией знания, и демонстрация на основании этой типологии, что разнообразие и богатство топологии идентичностей есть разнообразие лишь форм, но не структур и механизмов.

Логика нашего анализа будет разворачиваться в направлении от идентичности в топологии социального через топологию идентичности к её типологиям. Именно таким образом мы предполагаем сформулировать достаточно устойчивую и максимально репрезентативную типологию идентичностей.

Идентичность в топологии социального

Исходим мы из того, что в пределах вечно (ре)конструируемого и «пересобираемого» (апеллируя к латуровским метафорам – см. [4]) социального идентичность не может оставаться ни явлением примордиальным, ни явлением константным. Современные исследователи это хорошо понимают: «Развитие культуры и общества привели к расширению спектра идентификации, то есть к появлению новых видов идентичности и новых видов исследований в этой области» [5, с. 126], причём «личность в индустриальном обществе, в отличие от личности в обществе традиционном, характеризуется большим спектром жизненного выбора. Появление новых каналов вертикальной и горизонтальной мобильности поставило перед индивидом проблему выбора «своих» сообществ» [6, с. 166]. Более того, динамизм и изменчивость мира информационной эпохи приводят к тому, что «аутентичность реальности, само-подобие и само-тождественность ее проявлений (что и соотносится с идентичностью) становятся едва ли ни единственным возможным ориентиром человека» [7].

В таких условиях социальное действительно «пересобирается», причём не только концептуально (на что обращал внимание в первую очередь Б. Латур [4]), но и онтологически. В его функционировании значимым становится не только жёсткая социальная фактичность,

но и «мягкие», знаниевые (или «культурные» в более широкой терминологии) конструкты. Соответственно, реальность производится не структурными ограничениями и объективностями, а культурными феноменами, в частности идентичностями. Именно это аргументирует Стюарт Холл, говоря, что «культура не является чем-то нейтральным и мирным. Она производит и репродуцирует политические и социальные идентичности, которые могут в определённой ситуации конвертироваться в прямой политический конфликт. Как выразился Терри Иглтон, ученик Реймонда Уильямса, «В Боснии или в Белфасте культура – это не только то, что вы вставляете в магнитофон, но ещё и то, за что вы убьёте» [8, с. 18]. Вписывая всю свою теорию в парадигмальный для него «магический треугольник» культура – власть – идентичность (обратим внимание на бесспорно для классиков структурно-институциональную вершину власти, «вписанную» между культурой и идентичностью), С. Холл говорит нам: «Для того, чтобы быть способным что-нибудь сказать, необходимо себя куда-нибудь поместить» [9].

Иначе говоря, любое знание о социальном связано (мы не будем сейчас дискутировать о направлении и свойствах этой связи) со знанием о себе, а любое говорение о себе³ неизбежно отталкивается от понимания своей локации и своего локуса. Вот почему неудовлетворительной в определении идентичности является «распространённая формула определения «идентичность суть самотождественность»» как в силу её тавтологичности, так и в силу того, что она «лишена операциональности – как, скажем, «время суть длительность» или «пространство суть протяжённость» [7, с. 255]. Иначе говоря, идентичность (а следовательно, и любой другой знаниевый конструкт) может быть определена только через соотношение субъекта идентичности (субъекта знания) с Другим. Причём «заглавная буква в только что написанном слове «другой» – вовсе не ошибка: так в западной философии и социологии уже давно обозначают предельно значимый и предельно обобщённый образ любого партнера по взаимодействию, собеседника в любом разговоре, даже мысленном» [10]. Прежде всего это связано с веберовской категорией смысла, которая применима к продуктам совместной деятельности людей, «именно смыслов, а не знаков!», причём смысл понимается как «дискретное психическое состояние, которое способно быть социально транс-

² А именно: знаниевая унификация идентичности предельным случаем своего доказательства предполагает предложение универсальной и полной типологии идентичностей по их знаниевой фундированности.

³ Или о другом, что является синонимом, поскольку, «...культурная идентичность существует постольку, поскольку отделяет себя от других идентичностей» [8, с. 19].

лировано в кодах» [11, с. 148]. Одним из таких смыслов может быть наличие Другого⁴; может быть устойчивая повседневная практика, и именно на это указывал Э. Гидденс, говоря, что «социальная идентичность проявляется на уровне ситуативных социальных практик, где устойчивость социальной позиции достигается расположением агентов относительно трёх основных аспектов темпоральности, на которых строится теория структуризации: 1) позиционирование индивидов как структуризация взаимодействия; 2) позиционирование в каждодневных пространственно-временных траекториях; 3) позиционирование относительно пространственно-временных траекторий обыденной жизни в рамках жизненного пути» [6, с. 168]; может быть – категорическая и категориальная оценка мира как достойного или недостойного доверия, участия, принятия, согласия⁵. Сама множественность таких возможностей смыслов закладывает потенциальную множественность идентичностей и возможности их типологизации. Однако же не представляется возможным существование идентичностей, за которыми бы не стояли смыслы и вырастающие из них знамиевые конструкты и практики.

Безусловно, можно, инструментализуя понятие культуры, учесть предложения холловского последователя Томпсона и понимать её не как «whole way of life», а как «whole way of struggle», «не «целостный образ жизни», а «всеобъемлющая борьба», как объясняет один из интерпретаторов [8, с. 44]. В этом случае к эссенциалистски-«естественному» пониманию культуры (и продуцируемых ею идентичностей) добавляется конструктивистски-«артефактное» понимание культуры и идентичностей (а следовательно, как мы указывали выше, и знамиевых конструктов в широком смысле слова) и новые горизонты исследований, как, например, в случае с Э. Балибаром и И. Валлерстайном [12], которые доказали, что

⁴ Причём уточнение Б.В. Дубина: «Важно, во-первых, что «другой» здесь - явно не из круга «своих». Это не родственник и не свойственник, не соплеменник и даже не соотечественник» [10], - значимо здесь лишь как шаг в концептуализации Значимого Второго и переход к значимому третьему (детальней мы это анализировали в одной из вышеуказанных публикаций); на самом деле само существование Другого, если мы откажемся от разнообразных политических и философских коннотаций, конституирует возможность идентичности в частности, и социального в целом.

⁵ И здесь очередной раз замечание Б.В. Дубина, что важнейшей вещью является «презумпция невраждебности другого и невраждебности к другому - психологи называют её «базовым доверием к миру» - является, скорее, реверансом общеметодологическим и идеолого-мировоззренческим позициям либерального порядка, чем принципиальной научной констатацией [10].

для сохранения и формирования идентичности необязательно существование равноценного или рядоположенного объекта, то есть поддержание идентичности больших групп людей оказывается возможным за счёт противопоставления этой группе более мелких, находящихся по соседству групп. Иначе говоря, референт Другого вовсе необязательно масштабируется как референт идентифицирующегося, что ещё более диверсифицирует континуум идентичностей. «Идентичностям прошлого» вполне могут противостоять не «идентичности прошлого» или «идентичности настоящего» (и вообще не хроноориентированные идентичности), а, например, «идентичности геополитики» или «идентичности экономической практики». Такое соотношение идентичностей ставит под вопрос саму возможность исчерпывающей и окончательной их типологии (что несложно показать) и, следовательно, релятивизирует вопрос типологии до вопроса исторически и социокультурно релевантной типологии⁶. В этом смысле дальнейший анализ топологии идентичностей должен быть редуцирован до поиска основных осей измерения идентичностей и описания контекстуальных идентичностям топологий.

Именно поэтому мы принимаем в дальнейшем анализе предположение Бирмингемской школы культурных исследований, что культура связана «с непосредственно переживаемым индивидами смысловым горизонтом этой жизни, а также живыми «эмоциональными структурами» [8, с. 45]. В такой методологии анализ идентичности a-la Luhmann⁷, в системной теории которого рассматривается «самореферентная идентичность, абстрагированная от какой бы то ни было включённости в социальные связи и социальные позиции, является не только методологически ошибочным, но и теоретически невозможным, а из интерпретаций идентичности выпадают, во-первых, те, в которых ключевая роль отводится субъективному началу⁸, а также те трактовки, «в которых идентичность предстает как нечто эссенциальное, объективно сущее, онтологичное (в которых имеет место реификация и эссенциализация идентичности)» [7, с. 254]. Таким образом, остаются лишь те

⁶ Иначе говоря, заставляет признать вопрос типологии идентичностей исторически относительным и даже теоретически невозможным быть решённым в абсолютных величинах.

⁷ Согласно Луману, индивид идентифицирует сам себя через соотношение с собственной индивидуальностью» [6, с. 170].

⁸ То есть идентичность соотносится с ментально-психическими процессами самоотождествления индивида (Я, Эго) с некими образцами (типами, схемами, формами, эталонами, нормами) социального и культурного бытия.

интерпретации, которые в идентичности видят / полагают «нечто предикативное (когнитивно-гносеологическое), а именно: признаки, свойства, отношения и связи, точнее – их целостности, выражающие тождественность, аутентичность, самотождественность объекта или вещи любой природы» [там же] – иначе говоря, идентичность как «знаниевый конструкт (категорию гносеологии), то есть форму знания и предикации о сущностях (вещественных, ментально-психических, знаково-символических, объектных и процессных), с которыми это понятие соотносится» [7, с. 255].

Таким образом, идентичность в топологии знаниевого ландшафта занимает особое место «точки осознания» и «места отражения». Особенно явным это становится при использовании избранной бирмингемцами стратегии анализа культуры, то есть интерпретируя культурную борьбу как борьбу за политику. Для Стюарта Холла культура – это «нечто вроде всеобъемлющих идей, точек зрения, языков, практик, институтов и структур власти, а также и целый ряд культурных практик: художественных форм, текстов, канонов, архитектурных принципов, товаров массового потребления и пр.» [9]. По выражению Стюарта Холла, культура означает «подлинную, обоснованную территорию практик, репрезентаций, языков и обычаев какого-либо конкретного исторического общества», так же как «противоречивые формы «здравого смысла», укоренившиеся в жизни народа и способствовавшие ее формированию» [там же]. Всё это конституирует сложный ландшафт знания, где идентичность становится и устанавливается (конституируется и инсталлируется) социокультурно и исторически специфичным, но при этом структурно, функционально и системно гомологичным образом. Эта гомология поддерживается как универсальными принципами (вос)производства идентичностей (выше концептуализированными как смыслы), так и стандартизированными механизмами их (пере)установления. Именно поэтому можно говорить если не об универсальной, то типичной топологии идентичности, что и позволит в дальнейшем перейти к типологии⁹.

Топология идентичности

Таким образом, эссенциалистски-самодетерминированное определение идентичности как результата самоопределения¹⁰ мы при-

⁹ Ибо если не существует типичной топологии идентичности, то типология принципиально неверифицируема ни как полная, ни как исчерпывающая, ни как критерияльно корректная.

¹⁰ Определения, укажем, не только методологически субъективистски-номиналистского, но и мировоззренчески вульгарно либертаризированно-

знаём не только недостаточным, но и – именно в категориях социологии знания – методологически ошибочным. Более того, даже с коррекцией в сторону признания реальности внешних идентитетов такое определение (предложенное, например, в [13, с. 85]) не может быть признанным как достаточное. Так, определяя идентичность как «свойство личности, позволяющее ей отождествлять себя с рядом внешних социальных факторов, на которых строится целостная картина самопредставления индивида о себе», мы тем самым «двигатель» идентичности лоцируем в субъективистски-номиналистском измерении реальности, субстрат её – в объективистски-реалистическом, а их взаимодействие становится в такой модели вульгарно-линейным. Безусловно, более эвристически мощным и методологически корректным будет признание двух аспектов идентичности (что предлагается, в том числе, бирмингемской школой культурных исследований) – «ориентированного на социальное окружение и на уникальность проявлений человека» [14, с. 101], что, собственно, предлагали Х. Тэджфел, Дж. Тернер, Г. Брейкуэлл и др. Эта теория коррелируется с холловской теорией артикуляции, которая «предполагает одновременно артикулирование и комбинирование, говорение и сочленение» [9] и которая основывается на принципе диалога, заимствованном у Михаила Бахтина. Это диалогическое, неопределенное и недетерминированное¹¹, а следовательно – принципиально разнообразное и вероятностное, рисковое и неоднозначное пространство в культуре Стюарт Холл считал основой своей теории и одновременно локализацией позиции индивида [там же]. Все эти характеристики определяются тем, что, по Холлу, культура управляется смыслом, значением, которое придается ей совокупностью общественных обстоятельств и контекстом. Субъекту необходимо «заставить» окружающий мир что-то означать, и значение играет роль социального производства, практики. Таким образом, практика «переводится» на язык символизации, а категориальный ряд теории социального действия – на «терминологический язык» социологии.

Именно поэтому вовсе не «субъективирую-

го, что коррелирует с аргументацией модели Ното Есопотомисус, разбирать которую в данной статье мы не считаем необходимым.

¹¹ И здесь особенно интересным в дальнейшем будет исследование идентичности в категориях риска и контингентности, предлагаемых Никласом Луманом. В частности, открывается любопытная перспектива анализа связи процессов распознавания окружающего мира субъектов сквозь призму системной теории и предлагаемый ею парадокс двойной контингентности.

щая рефлексия» как «важнейший индикатор генезиса человеческой самости» [11, с. 147] видится нами как знаниевый конститутивный фундамент идентичности¹², а самопонимание, основанное на практическом¹³ ощущении единства и включённости субъекта и Другого¹⁴. Любая идентичность, построенная на таком ландшафте, независимо от избранного каркаса – целерационального, традиционного, рутинно-практического, аффективного, символического, историко-хронотопного – будет идентичностью, из которой логично вырастает этика, нормы права, способность выдерживать и признавать Другого, «sense de jeu¹⁵» (по П. Бурдьё [15]) практического разума, способность к взятию обязательств, уважительное принятие его волеизъявления и устойчивость в ориентациях.

Подчеркнём ещё раз, «леви-брюллевская «партиципация» есть «не только как стремление ощутить себя частью некоей большой социальной общности, но и вообще как всякое ситуативное снятие субъектно-объектных отношений, достигаемых в акте экзистенциального природнения» [11, с. 150], достигается не только на основании чисто традиционного каркаса эссенциально-«жесткой» идентичности (о которой, например, как об этнической пишет Д. Шнаппер [16]), но и на основании «идентичностей интересов», «идентичностей знаков», «идентичностей события», «идентичностей символической системы», «идентичностей языка» и т.п. Здесь мы соглашаемся с рядом исследователей, что «идентичность относима практически к любой сущности (природной, социоприродной, духовной, ментальной) в качестве меры ее аутентичности, самоотжественности или тождественности образцу» [7, с. 255], и особо указываем, что таковым образом (тем, что мы выше обозначили как способ возведения каркаса на определённом ландшафте) может быть любой знаниевый конструкт.

Иначе говоря, идентичность представляет собой не *сущностно*, а *структурно* специфичный феномен (и тут мы не одиноки в этом утверждении): «...идентичность, как и любая теория, обобщает и синтезирует в целостность некие типы ментальности и социальности, формы культуры, поведенческие схемы и ценностные установки и т.д. В то же время идентичность, как свойственно любой универсальной дефиниции, находит смысловое наполнение и обоснование в конкретизированном

контексте... И, наконец, идентичность, как и объектная картина мира, выступает в качестве предпосылочного знания» [7, с. 256].

Важнейшим вопросом соотносённости смыслов (в основании) идентичности с реальностью являются (социальные) общности, с которыми возможна идентификация. Кроме того, что это важный вопрос картографирования идентичностей (и, следовательно, изучения их топологии), (проблематичное) существование этих общностей является также одной из предпосылок категоризации и типологизации идентичностей. При этом отметим, что типология общностей может далеко не совпадать (и даже не быть гомологичной) типологии идентичностей; вполне вероятны множественности идентичностей для типологически (но не сущностно) совпадающих общностей. Это связано с тем, что, не выводя социальные общности (группы, страты, классы, нации и т.д.) из идентичности, мы тем самым хотя бы и чисто аналитически, но делаем их «невидимыми» для регистрации «аппаратурой» социологии знания¹⁶.

Поэтому для наших дальнейших целей вполне достаточной является трихотомия, предложенная И. Барышниковой, согласно которой тремя основными типами социальных общностей являются: 1. Первичные – заданные ещё до рождения индивида его положением в пространстве и времени социального сообщества (например, нация); 2. Актуальные вторичные – сообщества, ограниченные непосредственным общением индивида в течение его жизненного пути; 3. Конструированные вторичные – образования, которые субъективно конструируются индивидом или объективно существуют, но к которым индивид не имеет непосредственного отношения [6, с. 170]. Даже не демонстрируя контекстуальности этой трихотомии концепциям Ч.Х. Кули, Дж.Г. Мида и других исследователей, мы заметим, что в ней удачно сочетаются андерсеновско-шнапперовская дихотомия конструирования и примордиальности и социально-психологическая дихотомия первичных и вторичных групп. Безусловно, для полноты данной классификации стоит ввести «конструированные первичные» группы, однако для подавляющего большинства возможных целей исследования в данной сфере данное различие (хотя бы в силу теоремы Томаса) является предельно непринципиальным и даже неинструментализуемым. Поэтому мы соглашаемся с автором в невыделении этого типа групп. Усиленная же классификацией механизмов соотношения (позитивный механизм, негативный

¹² И, в некотором смысле, «точка отсчёта» знаниевой конституции социального.

¹³ А следовательно (см. выше) знаниевое и символическое.

¹⁴ Причём на основании понимания и учёта неотъемлемых различий и различий между всеми и каждым.

¹⁵ Чувство игры (фр.)

¹⁶ Которая, например, радикально возражала бы против онтологизации общностей даже при признании конструируемого или – более того – инструментализуемого характера многих из них; мы же исходим из максимы реальности общностей.

механизм, идеальный механизм) с социальной общностью, вышеприведенная трихотомия становится важным штрихом в эскизе топологии идентичности как феномена.

В этом свете становится очевидным, что предложение М. Вевьёрки рассматривать культурные идентичности через противопоставление процессов воспроизводства и производства, благодаря чему противопоставляются идентичности (пост)модерного общества (как базированного на идентичностях изобретений и идентичностях производства) и домодерного (как основанного на идентичностях традиций и воспроизводства) [17] является ложным и чисто спекулятивным. Во-первых, потому, что в любой идентичности неизбежно будет как «момент изобретения» (независимо от реальной хронологической длительности и наличия или отсутствия конкретизированного субъекта изобретения), так и «механизмы воспроизводства», и обе эти диалектические противоположности будут всегда оставаться важными элементами топологии любой идентичности.

Типология идентичностей

Конструирование типологии идентичностей является давней задачей социологии, однако чаще всего она ставилась и решалась в частных случаях и в конкретных приложениях. Так, А. Ватерман предложил дифференцировать идентичности в зависимости от сфер жизни, наиболее значимых для их формирования: «1) выбор профессии и профессионального пути; 2) принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений; 3) выработка политических взглядов; 4) принятие выбора социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства» [14, с. 103]. Данная «генетическая» классификация могла бы быть важной для нашего дальнейшего исследования, если бы А. Ватерман а) доказал исчерпанность хотя бы важнейших из названных и проанализированных им сфер жизни; б) доказал гомогенность вырабатываемых внутри этих сфер идентичностей по любому признаку. Ещё более сомнительной именно под углом зрения этих двух вопросов является структурно-функциональная типология, в которой выделяются полоролевая идентичность; профессиональная идентичность; социальная идентичность¹⁷; культурная идентичность¹⁸; этническая идентичность.

Более общую картину пытается предлагать

¹⁷ Которая «...имеет когнитивные аспекты - знание (знание о группе, её нормах, правилах, символических ритуалах), и аффективные - отражающие эмоциональный компонент членства в группе» [14, с. 103].

¹⁸ Которая есть «...осознанное принятие человеком соответствующих культурных норм и образов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимание своего Я с позиции культурных характеристик...» [14, с. 103].

известный российский этносоциолог Л. Дробижева, которая (правда, под немалым влиянием собственного объекта исследования) предлагает третичную оппозицию примордиализма, конструктивизма и инструментализма, интерпретируя последний как крайнее проявление конструктивизма, благодаря чему многие её оппоненты редуцируют эту трихотомию к базовой дихотомии. Однако такая типология при логической её труднопроверяемости не является ни содержательной, ни социологической (скорее, формально-структурной).

Метафоризация швейцарским социологом П. Серио процессов построения коллективной идентичности с выделением французской и немецкой моделей [14, с. 104] и противопоставлением, соответственно, активности государства через образование и армию, единый государственный язык и город, с одной стороны, – культурно-языковой общности, предшествующей национально-государственному единству, с другой, – является лишь частным случаем анализа процессов конструирования национальной идентичности (вариант – этнической). И хотя, безусловно, «этническая идентичность — один из основополагающих видов идентичности субъекта. Это обусловлено тем, что этническая идентичность означает взаимосвязь субъекта со своими кровными узлами, «корнями» [5, с. 123], однако же логику конструирования этих идентичностей вряд ли можно распространять на конструирование, легитимацию и институционализацию других типов идентичностей.

Различные типологии идентичности оттачивались от разных критериев и оснований типологизации. Так, представители символического интеракционизма «не просто расчленяют понятие идентичности на составные части, но выделяют различные виды идентичности (социальная, личная, я-идентичность) в самостоятельные категории» [6, с. 166], где социальная есть типизация личности на основе атрибутов социальной группы, к которой он принадлежит; личная - личностные свойства и индивидуальные признаки человека; я-идентичность - субъективное ощущение индивидом своей жизненной ситуации и своего своеобразия. Такая типология, условно категоризируемая как функциональная, тем не менее отличается двумя недостатками: во-первых, отсутствием единого основания (вследствие чего провести различие между выделенными идентичностями не так-то просто, как это кажется теоретикам), во-вторых же, высокой степенью общности выделенных типов идентичности. Кроме того, социологизируемые являются не все три типа выделенных идентичностей, а изложимыми на языке (и тем более операционализируемыми инструментарием

ем) социологии знания – тем более.

Любопытную функционально-генетическую модификацию предлагает Дж. Марсиа, выделяющий достигнутую, преждевременную и диффузную идентичности на основании «средств, с помощью которых человек идентифицирует, оценивает и отбирает ценности, цели и убеждения, которые впоследствии станут элементами его идентичности» [14, с. 102]. В ходе генезиса идентичности (как и генезиса статуса) субъект идентичности может существовать как объект и как актор по отношению к ней, что позволяет типологизировать идентичности в зависимости от центрированности процесса конституирования, а также от их хронологической локализованности в биографии индивида. Однако в целом это сугубо микроаналитический подход к процессу формирования идентичности «изнутри», что существенно ограничивает возможности типологии «извне» и макроструктурно.

Таковые попытки если и делались, то либо *ad hoc*, например, на основании конкретной идентичности (этнической) с выделением вариаций (в случае с этнической – расово-биологическая (родовые нормы), климато-географическая (историческая территория); социокультурная (история своего народа, этнические символы культуры и религии и т.д.) [14, с. 102]; либо описательно-историографически. Так, в зависимости от социокультурных условий на разных исторических этапах существования человека некоторые исследователи предлагают «типы идентичности, сформированные и доминирующие в ту или иную историческую эпоху» [5, с. 123], среди которых есть этнические, религиозные (для которых «характерна иерархичность. Любая религия состоит из различных направлений, течений, сект, церквей» [5, с. 124]), лингвистические, социокультурные, национальные, мыслительные (или трансцендентальные) идентичности¹⁹ [там же].

Систематическая типология идентичностей зачастую рассматривается социологами как задача высокотeorетическая и поставленная, скорее, в рамках социальной философии, чем социологии. В социальной же философии попытки её решать, действительно, наблюдаются, например, под углом «спектра объектного мира, с которым идентичность соотносится». В этой оптике анализа авторы обна-

руживают такие виды идентичности, как «социальная (политическая, этническая, культурная, религиозная, сетевая, клубная, корпоративно-групповая); социоприродная (геополитическая, цивилизационная, гендерная, возрастная); природная (идентичность рода, вида, экосистемы, минерала, генома); ментальная (логико-математические конструкции, мода, парадигмы науки и художественного творчества, бренд, стилевое течение)» [7, с. 257]. При всей социально-философской глубине этой типологии (а она, безусловно, масштабней, чем большинство чисто социологических конструкций), мы обнаруживаем её неоднозначность (к примеру, современные геополитические идентичности привязываются намного чаще не к реалиям геополитики и политико-экономической географии, а к трансцендентально-идеальным построениям, структурно омографичным идентичностям с референтными группами). Именно поэтому в дальнейшем мы исходим из того, что типологизация идентичностей (даже понятых как результат диалектических двойных процессов констр- / конституирования) в рамках современных требований социологии знания не может быть осуществлена монистически: осей должно быть несколько, а их применение может ограничиваться только инструментальными целями исследователями.

Таковыми осями²⁰ мы видим:

- *номинализм – реализм*. Эта проблема описана исследователями (см. выше) как соотношение инструментальности, конструируемости и примордиальности. При этом даже в наиболее примордиальных идентичностях фундаментом являются знаниево-смысловые фрагменты (понять это помогает феноменологическое понятие интериоризации), однако же соотношение с материальным миром, практиками, историей и биографией у идентичностей, приближающихся к полярным позициям в данной оси, безусловно, различны;

- *практическое – знаково-символическое*. Как на уровне количественных, так и на уровне качественных исследований социологи фиксируют повышение значимости знаково-символических аспектов в современных идентичностях (что, отметим, не равно превращению их в трансцендентальные или ментальные идентичности). Как показывают, например, исследования украинского студенчества, в структуре гражданской идентичности зна-

¹⁹ Причём об этих последних автор отзывается как о «господствующих в новейшее время» [12, с. 124], хотя вполне к месту был бы вопрос, какие же социальные идентичности не являются мыслительными (трансцендентальными)? Не об этом ли говорил поздний Э. Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни»?

²⁰ Подчеркнём, что эти оси не являются дихотомично-дискретными. Их континуальность допускает релятивизацию и сосуществование (в разных, безусловно, пропорциях) полярных признаков одной оси в одной идентичности. Что не отменяет, например, задачи определения преобладающей доли признака.

ково-символический аспект превалирует над практическим [18]. Это, в частности, означает, что локация идентичности в той или иной точке выделенного нами континуума далеко не всегда является устойчивой и что идентичности, эволюционируя, могут менять свою природу по одному или нескольким из выделенных нами признаков;

- *(де)хронотопизированность*. Идентичности, физико-топологически и хронологически «привязанные» к точке или области пространства, сущностно отличаются от дехронотопизированных идентичностей, причём не только с точки зрения «политик идентичностей» и «менеджмента идентичностей», но и с точки зрения их структурно-функционального измерения.

- *телесность – абстрагированность*. Вопреки ряду приведенных выше позиций, мы выдвигаем и готовы обосновать гипотезу существования идентичностей, абстрагированных от телесности их носителя (и вот здесь как раз нам кажется релевантным применение концепта трансцендентальных идентичностей). Безусловно, подавляющее большинство идентичностей – и особенно идентичностей практических, нерелексированных и «естественных» – телесно укоренены²¹, но телесная (не)укоренённость идентичности вовсе не всегда означает (не)габитуализированность и практическую (не)освоенность, однако это не даёт оснований игнорировать этот пусть и не слишком статистически объёмный, но социально значимый корпус идентичностей;

- *рефлексируемость – самоочевидность*. «Рефлексируемость» здесь вовсе не обязательно тождественна «рационализированности», она всего лишь означает подверженность идентичности гиденсовскому процессу рефлексивного мониторинга действительности. Опять-таки, даже при превалировании самоочевидных, недискутируемых (а потому и остро реагирующих на нарушения табу на дискуссии) идентичностей нельзя отрицать как их разную самоочевидность и недискутируемость, так и наличия идентичностей рефлексируемых, политически или социально дискутируемых, дискурсивно обосновываемых и обосновывающих своё существование (что, конечно, отдаляет их от бурдьевицкого «практического смысла», однако не лишает их шанса на рутинизацию);

- *включённость в структуры – внеструктурное существование*. Под структурами здесь можно понимать институты, статусно-ролевые

системы, социальные системы в лумановском смысле, однако суть предлагаемой оси от этого не меняется: идентичности способны как «отстраиваться» от структур, так и «отстраняться» от них. Здесь мы имеем в виду как генезис идентичностей (способных генерироваться структурами), так и их онтологию (идентичности могут поддерживаться, использоваться, модифицироваться структурами);

- *соотнесение с объективным миром* (и здесь мы выделяем такие виды, как чисто социальная, социально-физи(ологи)ческая, физи(ологи)ческая, трансцендентально-идеальная);

- *ценностнорациональность – целерациональность*. Отметим сразу, что из веберовски дефинированных оснований социального (в том числе и действия) мы не вычленим отдельно аффективное (поскольку аффект неизбежно сопровождает любую идентичность и её функционирование) и традиционное²², тогда как – и это становится всё более очевидным в ходе современных конфликтов идентичностей – ценностнорациональное и целерациональные основания идентичностей, действительно, являются (как минимум, в доминирующем модусе) дифференцирующими для всей совокупности идентичностей. Это, в частности, означает, что действительная толерантность, как бы ни интерпретировать это понятие, предполагает не только допущение существования другого и его идентичности, но и допущение возможности существования принципиально другой аксиоматической системы, по которой строится чужая идентичность. Иначе говоря, мало признавать возможное количественное различие идентичности Моей и Чужого – признание должно быть качественным, что может вырастать только лишь из признания правомерности существования самого фундамента этой идентичности. Осмеивание же самого фундамента чужой идентичности²³, непонимание не только принципиально иного знаниевого фундамента её, но и принципиально иных правил оперирования в знаниевом каркасе идентичности, приводит к обесмысливанию и профанации самой идеи толерантности, ибо превращает её в демонстративную ложь (толерантность к форме ничего не

²² Поскольку, вопреки гипотезе Вевьёрки, идентичность не просто фундируется на традициях, но существует с целью устанавливать традиции и, таким образом, упорядочивать социальное пространство вокруг индивида.

²³ Не говоря уж про отрицание или демонстрацию вроде «Я вот такой толерантный и могу позволить, чтобы портрет моего кумира, Майкла Джексона или Рональда Рейгана, Хаяо Миядзаки или Франсуа Олланда, ретушировали / коллажировали / что угодно ещё, а вот они такие нетолерантные, не позволяют сделать того же с портретами своих пророков или святых!»

²¹ Хотя и тут предлагаемая нами ось является эвристически полезной, поскольку позволяет поставить вопрос об операционализации и измерении степени «отелеснивания» (категория «инкорпорирования» нам здесь не кажется подходящей) идентичности.

стоит без толерантности к содержанию, а толерантность к *своему представлению о Другом* ещё не означает толерантности к *собственно Другому*).

Мы не берёмся на данный момент утверждать, что в результате построения многомерного пространства идентичностей для каждого из выделенных нами ячеек-сегментов этого пространства найдутся коннотаты²⁴, однако же очевидно, что такая многомерная типология, отказываясь от амбиции монифицировать идентичности и внешне упрощая вопрос их типологии, на самом деле открывает перспективы как менделеевского²⁵, так и бруновско-коперниканского²⁶ порядка в данной проблематике.

Эмпирическим доказательством (смысловой – и, следовательно, – знаниевой) разнородности идентичностей является их «избирательная» сочленяемость. Так, по результатам исследо-

идентичности А и D будут плохо «уживаться» и «сосуществовать» (эмпирически это будет означать низкую представленность их сочетания в выборке), если они положительно коррелируют с идентичностями В и С, которые, в свою очередь, обладают близкими типами, но разным содержанием (смыслов и знаниевых конструкторов) внутри этих типов²⁷.

Отдельным важным вопросом является соотнесение идентичностей разных типов (безусловно, чистыми типами реальные идентичности не являются, однако нести в себе преобладающие черты того или иного типа они обязаны) с выделенными нами в [3] типами социального. Напомним, что по трём осям мы предложили дифференцировать социальное на разные типы, охарактеризовав их по таким признакам, как эксклюзивность-инклюзивность, интимность-публичность, латент-

Таблица 1

Дифференциация социального

	Реальное (непосредственное) взаимодействие			Виртуальное (опосредованное технически) взаимодействие		
	Мега	Макро	Микро	Мега	Макро	Микро
Gemeinschaft	Глобальная община	Гражданская община	Органическая солидарность	Глобальная социальная сеть	Гражданский форум	Органическая непосредственность
Gesellschaft	Глобальное общество	Гражданское общество	Механическая солидарность	Глобальная биржа	«Гражданская гостевая книга»	Механическая непосредственность

ваний студенческих идентичностей мы наблюдаем, что идентичности «советского человека» вытесняют(ся) идентичност(я)ми «европейца» или «глобального человека» (все три могут быть отнесены нами к близким типам конструируемых знаково-символических хронотопно укоренённых ценностно нагруженных слабо структурно связанных и малотелесных идентичностей). Более того, эту мысль можно продолжить и указать, что с высокой степенью вероятности

²⁴ Иначе говоря, любой комбинации любых признаков всех этих осей будет отвечать как минимум одна идентичность.

²⁵ Например, построение универсального многомерного пространства идентичностей позволяет аналитически изучать – в порядке мысленных экспериментов или в порядке социально-инженерных конструкторов – возможные комбинации признаков по данным осям и возможные свойства располагающихся в тех или иных сегментах построенного пространства идентичностей.

²⁶ Релятивизируя идентичность как таковую, мы релятивизируем и идентичность конкретную, показывая отсутствие монопольного права на описание социального и социальное описание у обладателей любой из идентичностей, независимо от их связанности с легитимными дискурсами и практиками.

ность-декларативность (см. таблицу 1, сокращённую по сравнению с [3]).

Совершенно аналитически естественным будет допущение, что в том или ином типе социального будет доминировать (или будут доминировать) конкретный (-ые) тип(ы) идентичностей, однако изучение как собственно этой связанности, так и природы её связи (как эмпирической, так и генетической) является предметом совершенно другого исследования.

Таким образом, идентичности при всём многообразии своих проявлений и оснований имеют гомологичную внутреннюю структуру, в фундаменте которой лежат схожие знаниевые механизмы, которые не сводятся ни к объективной субстанциональности субстрата идентичности (что бы ни было идентитетом – знак или вещь, историческое событие или социокультурная общность, экономическая деятельность или политическая идеология), ни к номиналистским субъектным актам знаниевого конституирования

²⁷ Мы целенаправленно не приводим конкретных примеров в нынешней гиперполитизированной обстановке, хотя таковые находятся зачастую прямо перед нашими глазами.

ния себя-как-себя. При этом знание, находящееся как в фундаменте, так и в каркасе идентичности, может быть гетерогенным, несводимым друг к другу или к единому знаниевому основанию идентичности; оно может быть связанным с разными типами и способами рациональности, что не даёт оснований ни исследователям, ни политикам иерархизировать континуум идентичностей. «Идентичность ценности» не является более «высокой» или более «низкой», чем «идентичность интереса», а «идентичность исторического хронотопа» онтологически равноценна «идентичности геополитического выбора».

Но при этом унифицирующий дискурс идентичностей, зачастую господствующий

в современной социологии, остаётся нерелевантным своему предмету изучения как в силу монистифицирующей тенденции анализа оснований идентичности (что не тождественно анализу механизмов идентификации), так и в силу иерархизирующих амбиций. Предложенное выше онтологическое уравнивание не предполагает унификации идентичностей, точно так же, как эта унификация не является отрицанием гомологичности их внутренней структуры. Именно поэтому мы оставляем нашу типологию открытой, предполагая, что актуальное нам общество не исчерпало потенциального богатства всех проявлений идентичностей.

Література

- Голиков А. С. Медиаконструирование идентичностей: знаниевые структуры под воздействием медиа / А. С. Голиков // Media i Społeczność. – 2015. – У друці; Голиков А. С. Идентичности (без?) знаниевых оснований: беседа с Роджерсом Брубейкером / А. С. Голиков // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2015. – У друці; Голиков А. С. Идентичность в структуре знания о социальном: эвристические возможности и методологические ограничения / А.С. Голиков // Молодий вчений. – 2015. – №2.
- Голиков А. С. Системность социального знания как феномен и факторы его крушения / Олександр Голиков // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : збірник наукових праць. – Випуск 17. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2011. – с. 27 – 34.
- Голиков О. С. Актуалізація соціального в умовах суспільства, що глобалізується: виклики кризової соціальності й теоретичні виклики соціології / Олександр Голиков // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Випуск 19. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2013. – с. 77 – 83.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Бруно Латур. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 382 с.
- Кузнецова Е. В. Идентичность субъекта : типология видов / Е. Кузнецова // Омский научный вестник. – 2012. – № 4 (111). – С. 123 – 126.
- Барышникова И. В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе / И. В. Барышникова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2009. – Серия 7, Философия. – № 2 (10). – с. 166 – 171.
- Тхагапсоев Х. Г. К неудобствам с идентичностью / Х. Г. Тхагапсоев, Э. Р. Гатиатуллина // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Выпуск 11. – с. 253 – 259.
- Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований / В. Куренной // Логос. – 2012. – № 1 (85). – с. 14 – 79.
- Азизов З. Стюарт Холл и локализация культуры [Электронный ресурс] / З. Азизов // Московский журнал Moscow Art Magazine. – № 77/78. – Режим доступа : <http://xz.gif.ru/numbers/77-78/azizov-hall/>
- Дубин Б. Я и Другой [Электронный ресурс] / Б. В. Дубин // «Индекс/Досье на цензуру». – 2005. – №22. – Режим доступа : <http://index.org.ru/journal/22/dubin22.html>.
- Пелипенко А. А. Идентичность: смыслогенетические основания / А. А. Пелипенко // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том 4. – с. 147 – 170.
- Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М. : Логос-Альтера, Ессе Homo. 2003. – 272 с.
- Кириченко И. А. Гиперидентичность как концепт: теоретические основания / И. Кириченко // Проблемы развития сознания в культуре и образовании сборник научных статей. – Барнаул, 2014. – С. 83 – 87.
- Акулич М. А. Прологомены к социологии идентичности: истоки, проблемы, типология / М. Акулич, Н. Галлактионова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – Философия. Социология. Культурология. – Выпуск 19. – № 31 (212). – с. 101 – 105.
- Бурдые П. Практический смысл / Пьер Бурдые ; пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001. – 562 с.
- Шнаппер Д. Спільнота громадян. Про модерну концепцію нації / Д. Шнаппер пер. з французької Р. В. Мардера / Домінік Шнаппер. – Х. : Фоліо, 2007. – 223 с.
- Вевьерка М. Формирование различий / М. Вевьерка // Социологические исследования. – 2005. – N 8. – с. 13 – 24.
- Українське студентство у пошуках ідентичності: монографія / за ред. В. Л. Арбеніної, Л. Г. Сокурянської. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 520 с.

²⁸ Причём это господство усугубляется политическими коннотациями дискурсивной дискредитации практик Другого через категоризацию их фундамента

как «неидентичностного», «несущностного» и «несущественного» для социальной жизни (что резко противоречит любой идее толерантности и терпимости).

Александр Хижняк

кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии и социальных коммуникаций
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Oleksandr Khyzhniak

Ph.D. in Sociology, Associate Professor at Department of Applied Sociology and Social Communication,
V.N. Karasin Kharkiv National University

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, СОЛИДАРНОСТЬ И ДОВЕРИЕ КАК КОНСТРУКТЫ МАССОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

This article is devoted to identifying the role of collective identity, collective solidarity and trust in the dynamics of contemporary Eastern European borderzone. Characteristics and perspectives of mass mobilization in the Eastern European borderzone are determined by the peculiarities of the Borderzone: by social composition of its people, their mental traits, institutional and socio-cultural factors. Development of the Eastern European borderzone depends on how collective identity, collective solidarity and trust will be implemented in the process of mass mobilization during social intercultural interactions. The thesis that mass mobilization gives dynamism to the processes of registration of Eastern European Borderzone appearance is proved. The mass mobilization is based not only on socio-economic factors, but also has socio-cultural component. The role of identity, solidarity and trust in the collective social action aimed at mass social mobilization is determined. The author's concept is that the constructs of mass mobilization in the Eastern European borderzone become, firstly, the collective identity that sets the limits of collective action, distinguishes its participants and non-participants; secondly, the collective solidarity, which provides steady motivation for collective action; thirdly, the trust that serves to integrate its members in the collective social action.

Keywords: collective identity, collective solidarity, trust, collective action, mass mobilization, Eastern European borderzone.

Стаття присвячена визначенню ролі колективної ідентичності, колективної солідарності та довіри в динаміці сучасного Східноєвропейського прикордоння. Характеристики та перспективи масової мобілізації на Східноєвропейському прикордонні зумовлені особливостями цього Прикордоння: соціальним складом його жителів, їхніми ментальними рисами, інституційними та соціокультурними чинниками. Розвиток Східноєвропейського прикордоння залежить від того, як колективна ідентичність, колективна солідарність і довіра будуть здійснюватися в процесі мобілізації мас під час соціальних міжкультурних взаємодій. Обґрунтована теза про те, що мобілізація мас дає динамізм процесам розвитку Східноєвропейського прикордоння. Мобілізація мас базується не тільки на соціально-економічних факторах, але також має соціально-культурну складову. Роль ідентичності, солідарності та довіри у розгортанні колективного соціальної дії полягає в тому, що вони спрямовують масову соціальну мобілізацію. Концепція автора виходить з того, що конструктами масової мобілізації на Східноєвропейському Прикордонні виступають, по-перше, колективна ідентичність, яка задає межі колективної дії, відрізняє його учасників і не учасників; по-друге, колективна солідарність, яка формує стійку мотивацію на колективні дії; по-третє, довіра, яка в колективній соціальній дії покликана інтегрувати її учасників.

Ключові слова: колективна ідентичність, колективна солідарність, довіра, колективні дії, мобілізація мас, Східноєвропейське Прикордоння.

Статья посвящена выявлению роли коллективной идентичности, коллективной солидарности и доверия в динамике современного Восточноевропейского пограничья. Характеристики и перспективы массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье обусловлены особенностями этого Пограничья: социальным составом его жителей, их ментальными чертами, институциональными и социокультурными факторами. Развитие Восточноевропейского пограничья и доверие будут осуществляться в процессе мобилизации масс во время социальных межкультурных взаимодействий. Обоснован тезис о том, что мобилизация масс дает динамику процессам развития Восточноевропейского пограничья. Мобилизация масс базируется не только на социально-экономических факторах, но также имеет социально-культурную составляющую. Роль идентичности, солидарности и доверия в развертывании коллективного социального действия состоит в том, что они направляют массовую социальную мобилизацию. Концепция автора исходит из того, что конструктами массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье выступают, во-первых, коллективная идентичность, которая задает пределы коллективного действия, отличает его участников и не участников; во-вторых, коллективная солидарность, которая формирует устойчивую мотивацию на коллективные действия; в-третьих, доверие, которое в коллективном социальном действии призвано интегрировать его участников.

Ключевые слова: коллективная идентичность, коллективная солидарность, доверие, коллективные действия, мобилизация масс, Восточноевропейское пограничье.

Постановка проблемы

Потребность в разработке концепции массовой мобилизации в ходе модернизации Восточноевропейского пограничья; выделение ее видов, форм проявления, функций, социальных механизмов обусловлена динамикой происходящих социальных процессов. Меняется ситуация в ходе массовой политической мобилизации. Исследования социологов показали, что в условиях социального кризиса растет число тех общественных формирований, которые призваны решать самые острые повседневные проблемы (незаконные увольнения, профилактика девиантного поведения и т. д.). Отмечается рост активности правозащитных организаций. Эту нишу начали занимать также политические партии, общественные приемные которых фактически открыты для приема граждан по вопросам в основном повседневного выживания: идет ли речь о низкодоходных пенсионерах, или о предпринимателях, интересы которых лежат в сфере дерегуляции предпринимательства со стороны государства. Однако политические партии, вторгаясь в сферу выражения и защиты интересов граждан, сталкиваются с необходимостью учета новой реальности: защищать свои интересы граждане стремятся не только через партии, но и социальные движения как форму коллективного действия. Можно предположить, что политическая партия тогда будет востребована потенциальным электоратом и поддержана коллективными действиями с его стороны (в т. ч. протестными), если будет пользоваться доверием и артикулировать реальные повседневные интересы граждан, используя при этом современные коммуникативные механизмы.

Мобилизация рассматривается учеными как ключевая категория теории социальных движений, которой охватывается переход социального движения из одного состояния в другое, из «спокойного» в мобилизационное с изменением участников, структуры, функций движения. К ключевым понятиям теории мобилизации обычно относят: типы ресурсов, способы их производства, технологии мобилизации, расстановка сил, сетевая мобилизация, стадии мобилизационных состояний, «коридор мобилизации» и др. [35]. Необходимость научного обоснования социальных технологий проведения массовых протестных акций в новых условиях привела к тому, что исследователи условно разделили социальные движения на новые и старые, соответственно, это потребовало и новых подходов к теории мобилизации и коллективного действия. Так, К. Клеман (2006) провел исследование социальных движений нового типа, созданных по модели сетевых структур. Эти движения несут на себе отпечаток нового времени, отличаются от «старых» форм общественной и политической активности, ассоциирующихся с первомайскими демонстрациями на постсоветском пространстве в прошлом, обязательными профсоюзными или партийными собраниями и официозными мероприятиями. Существенные характеристики новых социальных движений (по К. Клеману): значимая роль неформальных лидеров, слабая формализация организации (отсутствие устава, регистрации и т. п.), сетевой принцип организации, преимущественная мобилизация ресурсов постматериального типа (знание, культурная идентичность, индивидуальная идентичность, ценности); плюрализм интересов; открытость

и готовность к сотрудничеству с другими организациями и сетями [15].

Что актуализирует массовую мобилизацию и направляет коллективные действия людей? Выделим основные факторы, которые могут стать критериями при проведении компаративного анализа социальной мобилизации в отдельных странах Восточноевропейского пограничья.

1. Рейтинг социально-экономических проблем в стране. Коллективные действия по массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье имеют общую экономическую основу, сквозь призму которой население оценивает свое настоящее и перспективы развития, это становится фактором социальной тревожности. Речь идет о таких факторах, как рост цен, бедность, безработица и будущее детей, что больше всего заботит как украинцев, так и молдаван, белорусов. Так, согласно официальной статистике, каждый шестой гражданин Молдовы находится за чертой бедности, уровень бедности в стране составляет 17,5 %. Экспертные оценки другие: на самом же деле этот показатель абсолютно не отражает реальной картины и в несколько раз превышает его. В сельской местности уровень бедности составляет 25 %, т. е. каждый четвертый житель села не располагает достаточным количеством денежных средств, в Кишиневе это показатель достигает лишь 4 % (каждый 25-й кишиневец – бедняк). Эта разница обусловлена источниками дохода и возможностями, которые предоставляет среда обитания для того, чтобы человек смог обеспечить соответствующие условия жизни. По данным соцопроса «Барометр общественного мнения», проведенного Институтом общественных политик (Молдова), бедность – проблема, которая больше всего тревожит население Молдовы (такое мнение высказали 38,8 % респондентов). Во вторую очередь, граждан республики, а именно 29,1 % опрошенных, беспокоят цены, еще 20,4% населения страны волнует безработица. Также из результатов опроса следует, что жителей Молдовы не оставляет равнодушными будущее детей, кроме того их беспокоит коррупция, финансовый кризис, голод, болезни и организованная преступность. Ровно треть граждан республики – 33,3 % не могут определиться с тем, довольны ли они, как живут, 29,3 % опрошенных – не удовлетворены уровнем жизни, 19,3% совсем не довольны этим аспектом и только 15,9 % респондентов ответили, что их устраивают те условия, в которых они живут. Опрос населения Молдовы проводился Институтом общественных политик с 30 октября по 12 ноября 2012 г. Погрешность результатов составляет $\pm 2,8$ % [5].

2. Оценка населением правильности/неправильности направления развития стра-

ны. Этот фактор может стать как консолидирующим власть и население, так и играть деструктивную роль, провоцировать коллективные протестные действия. В Украине акция «Евромайдан» стала коллективным действием в ответ на изменение властью вектора развития страны. В Молдове общественное мнение склоняется к тому, что страна развивается в неправильном направлении в силу низкого качества жизни. Например, более двух третей граждан Молдовы (69,4 %) считают, что страна развивается в неправильном направлении. Об этом свидетельствуют данные исследования, проведенного Институтом общественных политик республики. При этом, четверть молдаван (24,3 %) думают, что дела в стране идут хорошо, а 6 % – не знают, что сказать по этому поводу. Вместе с тем, 72,1 % респондентов недовольны экономической ситуацией в стране и лишь 5,6 % опрошенных отметили, что довольны условиями жизни. При этом, 19 % жителей не готовы оценить положительные и отрицательные аспекты данного вопроса. Опрос населения проводился с 6 по 15 ноября 2013 г. В нем приняли участие 1 144 респондента в возрасте от 18 лет из 85 населенных пунктов Молдовы. Погрешность составляет ± 3 % [9].

А в Беларуси, несмотря на уменьшение интереса населения к Союзному государству, все еще актуален российский вектор развития, позволяющей стране решать многие социально-экономические проблемы. В начале XXI в. около 80 % населения страны считали, что Беларусь и Россия должны развиваться в рамках Союзного государства, то сегодня число таких людей значительно уменьшилось. Так, в 2011 г. около 40 % населения страны считали, что Беларусь и Россия должны и дальше развиваться в рамках Союзного государства. Более 50 % населения считают, что Беларуси и России стоит развиваться по международным договорам, а Беларусь должна быть более независимой в принятии решений. И только 2 % считают, что страна должна войти в состав России. Беларусь – независимое государство, которое не войдет в состав России, а газовые и молочные войны демонстрируют, что жители Беларуси в определенной степени считают, что наша страна должна принимать решения и справляться с проблемами, опираясь, прежде всего, на собственные силы, возможности и способности. Как относятся жители Беларуси к вступлению страны в НАТО: только 7 % населения страны готовы на это. Что касается присоединения Беларуси к ЕС, то за это выступает треть населения согласно, чтобы Беларусь вступила в Европейский союз. Эти и другие исследования показывают, что в целом население Беларуси поддерживает интеграционные процессы. Беларусь и Рос-

сия являются давними друзьями и партнерами, и лишь 7-10 % населения выступают против российского вектора и экономической интеграции двух стран [30].

3. *Учет властью в ходе управления страной интересов народа.* Это тот индикатор, который характеризует дистанцию между властью и народом. Социологический опрос в Молдове показал: абсолютное большинство респондентов считает, что страна управляется не в интересах народа. Такой точки зрения придерживаются 82,1 % граждан Молдовы. Лишь 13,3 % уверены в обратном. Опрос населения проводился с 6 по 15 ноября 2013 г. В нем приняли участие 1 144 респондента в возрасте от 18 лет из 85 населенных пунктов Молдовы. Погрешность составляет ± 3 % [9].

Вместе с тем даже при наличии общих факторов в развитии разных стран Восточноевропейского пограничья коллективные действия в ходе массовой мобилизации могут существенно различаться в зависимости от социокультурной ситуации в различных сегментах Пограничья и состояния этого Пограничья. Характеристику Приграничья на постсоветском пространстве дала О. Бредникова. Она считает, что постсоветское пограничье, появившееся на волне формирования новых национальных государств на постсоветском пространстве и ставшее уникальным исследовательским полигоном, привело к появлению транснациональных жизненных стратегиях людей, игнорирующих границы. Поэтому при исследовании приграничных территорий необходимо учитывать три уровня, определяющих социальную жизнь в Приграничье: национальное строительство, процессы глобализации и процесс воспроизводства региональности (локальности) [8].

Мы опираемся на предложенную Л. Титаренко концептуализацию Пограничья, которая исходит из того, что состояние и перспективы Восточноевропейского Пограничья для Беларуси, Украины и Молдовы – это проблема их будущего развития либо в Восточном направлении, либо в Западном (Европейский Союз), либо по пути развития своей собственной уникальности, позволяющей претендовать на роль «культурного посредника» между Западом и Востоком [24]. Управляемость любого из названных процессов и его результат зависит от того, насколько в процессе массовой мобилизации будут реализованы коллективная идентичность, коллективная солидарность и доверие в ходе социальных межкультурных взаимодействий. Данная статья как раз и посвящена выявлению роли коллективной идентичности, коллективной солидарности и доверия в динамике современного Восточноевропейского пограничья. Мы исходим из того, что динамизм процессам оформления облика Вос-

точноевропейского пограничья придает массовая мобилизация, которая базируется не только на социально-экономических факторах, но также имеет социокультурную составляющую, которая в современном нестабильном мире гибридная и неустойчивая. Именно поэтому «пограничность полезно воспринимать как открытый процесс, а не состояние, причем процесс, в понимании которого крайне важны исторические и политические импликации, дабы он не превратился в очередную пустую оболочку» [11, с. 156].

Коллективная идентичность как условие массовой мобилизации

Современные государственные границы на постсоветском пространстве, в т. ч. в Восточноевропейском пограничье, наделяются иными смыслами, чем смысл границы между двумя национальными государствами. Государственная граница зачастую вписывается в жизненный мир людей через категории времени (прошлое/настоящее/будущее), географические категории (Восток/Запад/ Европа/ Азия) и категории культуры. Поэтому так важно реконструирование смыслов, приписываемых границам, и анализ идентичности, которая зачастую утверждается «дифференциально», через игру сравнений и контрастов, когда в качестве референции востребуется «сосед» [8, с. 496].

Проблемы коллективной идентичности стали объектом изучения в работах О. Астафьевой [4], Б. Дубина [14], Л. Гудкова [13], В. Римско-го [22]. Исследователи указывают на идентификационный кризис и образование гибридных идентичностей в современной Европе, в частности, «противоречия, характеризующие разновекторные тенденции, уже длительное время не позволяют разрешить проблему европейской идентичности, без которой самоопределение Европы как региональной общности остается незавершенным. Именно поэтому достижением ее национального единства (nationstate unit) как целевой установкой пронизан политический и научный дискурс» [4, с. 261]. Не менее проблематизирован этот вопрос в Восточноевропейском пограничье, где коллективная идентичность претерпевает глубокую трансформацию еще и в силу перехода от коллективистской к индивидуалистической культуре.

Реализуя междисциплинарный поход, коллективную идентичность чаще всего определяют как такую, которая выступает «... результатом массового (группового) осознания тождества и различий с людьми, включенными в другие общности, и проявляется в таких формах, как социальная, социокультурная, цивилизационная, этнокультурная, национальная, гражданская, гендерная, профессиональная, и других модификациях в зави-

симости от трактовки центральных понятий и содержащихся в них смыслах» [4, с. 257]. Исследователи, в частности, М. Кузнецова [16, с. 125-126], с одной стороны, ссылаются на Э. Гидденса, который идентичность рассматривал в зависимости от динамики социальной структуры, считая, что устойчивый социальный порядок – результат влияния социальных институтов на идентичность индивида, а с другой – отмечают, что, например, в Беларуси, государство, стремясь не потерять управляемость социальной жизнью, задает «векторы социальной идентичности всех объектов образовательного пространства» [16, с. 140]. Сделать это без акцента на особую роль формирования коллективной идентичности достаточно проблематично. Собственно, новая коллективная идентичность начинает целенаправленно формироваться образовательными институтами (дошкольное, школьное, высшее, последипломное обучение), а в условиях непрерывного образования она становится множественной, что во многом объясняется расширением свободы выбора индивида в процессе его жизненных траекторий и стремлением получить групповую поддержку через групповую (коллективную) принадлежность. Последняя играет ведущую роль в процессах массовой мобилизации. Размышляя о вирусе «массовизации», Л. Поляков на основе ионинской концепции «инсценирования идентичности», показал, что социальная структура Модерна формируется множеством меньшинств, каждое из которых становится своего рода замкнутой «микро-массой». Концепция «инсценирования идентичности» также объясняет, почему теория «демократического транзита» не работает в постсоветском (постмодерновом) социальном контексте [19].

В настоящее время на массовую мобилизацию в Восточноевропейском пограничье существенно влияет такой фактор, как множественная идентичность, которая, к тому же, целенаправленно формируется на государственном уровне по различным направлениям, три основных из них мы попытаемся выделить и проанализировать.

1. *Формирование национальной идентичности в диаспорах.* Это важно особенно для поддержки массовой социальной мобилизации в критические для стран Восточноевропейского пограничья моменты.

Проиллюстрируем это на конкретных примерах. Так, поддержка со стороны диаспоры была значимой для Украины в начале 90-х гг. XX ст., во время двух Евромайданов (2004-2005 гг. и 2013-2014 гг.). Работа с диаспорами активно проводится в Беларуси. По разным данным, за рубежом проживает около 2,5 млн. белорусов и их потомков. Белорусская диаспо-

ра представлена на всех континентах, однако больше всего белорусов в России, Польше, Украине, Казахстане, Молдове и государствах Балтии. Во многих странах созданы этнические общественные объединения, которые занимаются разнообразной социокультурной деятельностью. Изначально содействие в организации белорусскому общественному движению за рубежом оказала принятая в 1993 г. госпрограмма «Белорусы в мире», которая, выполнив свое предназначение, завершилась спустя шесть лет. С 1999 года в поддержку соотечественников разрабатывались и реализовывались еще несколько проектов. Следующая госпрограмма «Белорусы в мире» была утверждена в конце 2013 г. и рассчитана до 2015 г. [29]. В Беларуси в 2011 г. был проведен Первый фестиваль искусств белорусов мира, в котором приняли участие около 250 человек из 12 стран. В 2013 г. восстановлена практика проведения в Минске курсов повышения квалификации для руководителей самодеятельных творческих коллективов белорусской диаспоры. Также был объявлен конкурс на лучшую презентацию и популяризацию белорусской культуры за рубежом, по итогам которого призов и дипломов удостоились 26 участников из 12 государств [29].

Примером сохранения коллективной идентичности белорусов на территории Молдовы может служить деятельность Белорусской общины Молдовы, которая существует на протяжении последних 20 лет, продвигая белорусскую культуру, традиции, язык, развивая культурный диалог, способствуя взаимному духовному обогащению народов Беларуси и Молдовы. Белорусы Молдовы добились того, что жители республики относятся к ним лучше, чем к представителям других этносов, проживающих в стране [7]. Формирование коллективной идентичности в Восточноевропейском пограничье активизировалось, в т. ч. на государственном уровне. Госпрограмма «Белорусы в мире» на 2013-2015 гг. призвана закрепить и расширить конструктивный диалог государства с диаспорой, содействовать развитию культурных и экономических связей с зарубежными странами и привлекать инвестиции в республику с участием земляков [29]. В Беларуси при Министерстве культуры сформирован Консультативный совет по вопросам белорусов зарубежья, в состав которого входят 12 представителей государственных и общественных организаций Беларуси и 21 представитель от крупных общественных объединений соотечественников, проживающих в других странах [29]. Важно найти опору модернизации в отечественной культуре: если государство опекает производство культурных ценностей, то важно ограничить государственные формы поддержки культуры от ориента-

ции на критерии рыночного успеха [20].

Следует особо указать на то, что в современной Европе в связи с усиливающимися миграционными процессами формирование диаспор (а значит и их влияние на коллективную идентичность) достаточно противоречиво. В пользу противоречивой роли диаспоры в формировании коллективной идентичности такие аргументы, например, приводит О. Астафьева: «В настоящее время диаспоры не всегда выступают системным этнокультурным образованием, ибо осознание ими этнического своеобразия и базирующейся на ее ценностях субкультурной идентичности может как иметь институциональную поддержку, так и носить спонтанный или самоорганизационный характер отношений с людьми, представляющимися «коренными» («origins») жителями страны. Более того, в современных либеральных демократических государствах, испытывающих давление миграционных потоков, национальная идентичность, как правило, поддерживается разными ресурсами, но включение субкультурной идентичности в коллективную идентичность на уровне повседневности происходит в разных моделях и может иметь разные последствия (сосуществование на принципах дополнительности; мультикультурный сценарий; гибридизация и пр.)» [4, с. 268]. При этом миграции усложняют процессы идентификации (как индивидуальной, так и коллективной). Например, трудно не согласиться с таким мнением: «Гражданскую идентичность человека, родившегося в одной стране, проживающего – в другой, а работающего – в третьей, мы могли бы назвать «мерцающей идентичностью». С одной стороны, ситуация «трансграничья», в которую включены люди, обладающие этим типом гражданской идентичности, – маркер современных интегративных процессов, однако с другой – это ситуация затрудняет процесс становления гражданской идентичности» [4, с. 278].

2. *Формирование европейской идентичности в Восточноевропейском пограничье.* Как относятся белорусы, украинцы, молдаване к интеграционным процессам? Хотят ли они присоединиться к каким-нибудь международным структурам или, наоборот, выступают категорически против каких-либо союзов? Этот вопрос в последние два десятилетия постоянно находился в поле зрения социологов.

Следует отметить, что формирование европейской идентичности сегодня достаточно технологизировано не только в странах Евросоюза, но и в Восточноевропейском пограничье. Об этом свидетельствует ряд мер, программ, которые активно реализуются в странах Пограничья. Так, в Украине на протяжении мно-

гих лет успешно проходят Дни Европы. В Беларуси с конца 2013 г. стартовал проект «Схема мобильности для целевых контактов между людьми (MOST)» в рамках Ежегодной программы действий ЕС для Беларуси (правительство Беларуси и Европейская комиссия подписали соглашение о финансировании данного проекта). Соглашение предусматривает привлечение средств технической помощи ЕС в объеме 5 млн. евро для расширения межличностных контактов между Беларусью и ЕС в сферах культуры, образования, молодежи и научных исследований. Реализация проекта будет способствовать обмену опытом и знаниями между гражданами Беларуси и стран – членов Евросоюза [21]. Такие проекты носят массовый и мобилизационный характер.

Рассмотрим одну из актуальных сфер коллективных действий по массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье – *безвизовый режим с Европейским Союзом.* Этот путь к новому качеству межкультурных коммуникаций и социального пространства данного пограничья вызывает дискуссию. Так, общественность активизируют планы отменить визовый режим для граждан Молдавии, у которых есть биометрические паспорта. Возможность ездить в страны ЕС без визы облегчит контакты между людьми и укрепит бизнес, социальные и культурные связи между ЕС и Молдавией. Характерна такая оценка: «Безвизовый режим с Евросоюзом не решит внутренние проблемы Молдовы, такие как бедность, безработица, контроль государственных институтов и проблемы в сфере юстиции. Безвизовый режим с ЕС выгоден тем, у кого есть деньги, чтобы ездить за границу на отдых. На поездки граждан на работу в страны ЕС либерализация визового режима не повлияет. Этот «там-там» вокруг возможности безвизового режима не изменит ситуацию в Молдове. Скандалы, с которых начался этот год, крайне негативно влияют на имидж Молдовы в глазах зарубежных партнеров. Молдова не получит безвизовый режим в 2014 г. Если и будет принято решение о введении безвизового режима ЕС-РМ, то оно будет исключительно политическим», – отметил в январе 2014 г. политический аналитик, бывший посол Молдовы в ООН и Совете Европы Алексей Тулбуре [6].

3. *Формирование коллективной идентичности на основе регионального объединения стран.* В частности, ряд исследователей (П. Тамаш, Л. Титаренко) такое развитие событий считает жизненной стратегией Пограничья. Аргументом служит то, что этим странам приходится решать «... общие проблемы существования между двумя полюсами силы. Поскольку Пограничье имеет много субъектов действия и общий контекст, постольку

различные конфигурации этих субъектов действия могут стать успешными игроками в поиске новых компромиссов между Востоком (Россией) и Западом (Евросоюзом), осуществляя функции коммуникации» [24, с. 33-34].

Между тем региональная специфика Восточноевропейского пограничья представляется не столь очевидной, если исходить не только из критерия общности границ между Украиной, Беларусью и Украиной, но даже из общности ментальных характеристик и проявлений коллективной идентичности. Они отличают эти страны, несмотря на шлейф исторических событий, в ходе которых их территории были в одном государственном образовании или в разных. В целом следует согласиться с мнением о том, что «сугубо формальный критерий, а именно государственные границы этих стран, не представляется достаточным: в эпоху бурного развития трансграничных информационных потоков и глобализации границы утрачивают свое прежнее сдерживающее значение» [24, с. 37].

Если продолжить изучение темы в русле данной логики, то коллективная идентичность в Восточноевропейском пограничье становится зависимой от коммуникативных технологий, которые реализуются в данном социальном пространстве, и от тех коммуникативных барьеров (лингвистических, технических и т. д.), которые возникают на этом пути. Поскольку «границы идентификационных матриц коллективных идентичностей в той или иной степени подвижны, независимо от того, будет ли это политическая, этнокультурная, национально-культурная, транснациональная идентичности и др.» [4, с. 258], коммуникативное воздействие на процесс формирования коллективной идентичности в Восточноевропейском пограничье имеет шанс быть продуктивным, т. е. сформировать у населения в процессе коммуникации осознание общности региональных проблем. Хотя возможен и другой сценарий, а именно: взаимное обвинение в возникновении первопричины проблемы, если это транслируется через каналы масс-медиа.

Таким образом, условием массовой мобилизации становится коллективная идентичность, которая в Восточноевропейском пограничье формируется в особой ментальной среде, где патерналистские настроения пронизывают социальную жизнь, в т. ч. диаспоральную политику. Это проявляется в доминирующей роли государства в ходе ее проведения. Причем такое положение санкционируется научной общественностью. Например, белорусские исследователи, считая программы по сотрудничеству с диаспорой чрезвычайно затратными, исходят из того, что «инициативы по взаимодействию с диаспорой должны сходить от государства в лице самих высоких

его представителей, быть гласными и широко рекламироваться. ... Это вызывает доверие к ним» [3, с. 371]. Однако в этих условиях может нарушиться баланс между горизонтальными и вертикальными коммуникациями в ходе массовой мобилизации, вплоть до подавления или полного государственного контроля взаимодействий с диаспорой по вертикали. Кроме того, может подвергнуться деформации идея и конкретные проекты формирования европейской идентичности в Восточноевропейском пограничье, предполагающее как раз диффузные, множественные, взаимопроникающие и свободные формы коммуникаций в рамках европейского сотрудничества.

Коллективная солидарность в массовой мобилизации

Остановимся на теоретических вопросах социологической диагностики коллективной солидарности как особого типа социального действия [28]. В классической социологии социальная солидарность рассматривалась в качестве одного из параметров социального порядка и выступала характеристикой интегрированности общества, следствием особого социального положения групп и качества коллективных взаимодействий. Хотя, как считают многие исследователи, тема солидарных отношений благодаря Э. Дюркгейму вошла в разряд классических проблем гуманитарных наук, конструирование понятия «солидарность» остается неоднозначным. Его трактовки, распространенные в прошлом, не соответствуют современным реалиям, которые требуют более глубокого познания этого феномена и более четкой его интерпретации, которая бы выходила за пределы акцентирования внимания на том, что солидарность является неперенным условием существования общества [26, с. 5-7]. Коллективная солидарность в XXI в. приобретает новые черты, связанные как с экспансией новых информационно-коммуникативных технологий, так и с появлением новых акторов коллективного действия. В наши дни социологическое знание о коллективной солидарности имеет не только академический интерес, но и практически востребовано в процессе проведения социологической диагностики процесса и результата разнообразных по своему репертуару коллективных действий.

Социальное конструирование солидарности в процессе развертывания коллективного действия учитывает повседневные социальные обмены на микро-, мезо- и макроуровне. Солидарность в открытом демократическом обществе может придавать коллективным социальным отношениям, коллективному поведению организационное единство и эффективность в плане достижения уравниваемости, сбалансированности социальных отношений, относительной ста-

бильности. В то же время трудно не согласиться с таким мнением: «Солидарность не повсеместная, она находится под угрозой, ее существование не является первоочередной заботой, но ее отсутствие более чем ощутимо во всей социальной жизни. ... Лучше проблематичность солидарности ощущается тогда, когда ее не оказывается там, где, как предполагалось, ее не может не быть, в ситуациях, где взаимопомощь или взаимная поддержка, доверие, лояльность людей друг другу являются предпосылками нормального хода событий» [26, с. 4]. В дезинтегрированном, кризисном социуме потребность в солидарности (особенно органической, как ее назвал Э. Дюркгейм) особенно насущная, а ее поиски активизируются. На протяжении последних лет происходит ряд социальных изменений, связанных с коллективными солидарными действиями, которые оформляются в коллективную солидарность. Это ставит на повестку дня новые исследовательские задачи.

Во-первых, меняются механизмы социальной солидарности, что особенно наглядно проявилось в последние годы в ходе глобального массового солидарного протеста, охватившего мир в ответ на снижение жизненных стандартов населения на фоне усилий государств Европы и США по спасению финансовых институтов [34].

Во-вторых, меняется соотношение между различными видами солидарности (групповой, локальной, этнической, общественной и др.).

В-третьих, возникают новые типы солидарности (например, внутри виртуальных сообществ, коллективные солидарные действия которых способны выходить за пределы виртуальной реальности и не поддаются традиционным способам изучения, диагностики и регулирования).

Коллективная солидарность – особый тип коллективного действия, которое разворачивается по правилам солидарности и диктует необходимость осознания и защиты общих интересов участников коллективного действия. Этот конструкт недостаточно изучен, несмотря на длительную историю исследования феномена солидарности. Социологическая диагностика коллективной солидарности как особого социального действия не может не учитывать, на наш взгляд, такие теоретические обобщения.

1. Прежде всего целесообразно исходить из того, что коллективная солидарность в поликультурном и сложно структурированном мире не выступает гомогенным образованием, она существует в пространстве, где разворачиваются многочисленные «круги солидарности». Последние способны вносить в социальные отношения противоречия, конфликты. Вместе с тем, коллективная солидарность придает устойчивую мотивацию на кол-

лективные действия (например, протестные). Мотивированное коллективное действие, как правило, более организовано и в определенной степени поддается рациональным способам регулирования.

2. Целесообразно также учитывать наличие в «обществе риска», каким является современное общество, так называемых риск-солидарностей. По мнению, А. Яницкого, диапазон последних чрезвычайно широк. Однако в любом случае, по мнению ученого, основу составляет солидарность производителей риска и солидарность жертв риска, перечень которых неустоявшийся, динамичный. Кроме того, есть потребность в идентификации положительных и отрицательных риск-солидарностей, имеющих разные истоки, механизмы развития и мотивацию участников [33; 34, с. 53, 57].

3. В ходе социологической диагностики в поле зрения эксперта (исследователя) может попасть особый класс так называемых «ложных коллективных солидарностей». Они, как правило, являются следствием манипулирования коллективным сознанием, когда средствами масс-медиа начинают артикулироваться коллективные потребности и интересы, которые не имеют объективного основания, а базируются на вымышленных, специально сконструированных общих чертах и проблемах.

Солидарность является универсальной ценностью, однако известно, что «в глобальном мире все или почти все, что имеет отношение к нормам местной лояльности, не встраивается в общий контекст как угодно абстрактных, но универсальных правил лояльности, а универсальные элементы глобальной культуры не могут быть однозначно переведены в местные правила солидарности» [26, с. 14-15]. Поэтому социологическая диагностика состояния солидарности в локальном территориальном пространстве (например, в мегаполисе) концентрирует внимание на социокультурных и иных локально обусловленных факторах, в частности на состоянии межэтнических отношений, уровне самоорганизации национальных меньшинств.

Феномен солидарности служит устойчивому развитию различных социальных общностей и групп, которые через коллективную солидарность укрепляют свои позиции. Однако механическое вмешательство в этот процесс государственных институтов может оказаться деструктивным. Так, Н. Шульга, основываясь на результатах всеукраинского социологического мониторинга, пришел к выводу, что Украина пытается достичь межгрупповой, межклассовой консолидации путем организации усилий (например, путем внедрения коллективно-договорной практики в рамках трипартизма), но консолидация, которая организуется, неэффективна по нескольким причинам: «во-первых, потому, что сектор ее

влияния в украинском обществе является ограниченным. Он направлен только на занятое население. Все другие группы – они составляют более половины населения – даже теоретически под его влияние не попадают. Во-вторых, эффективность этой модели в нашем обществе невелика. ... В условиях тотального недоверия в обществе говорить о ростках организованной консолидации, не говоря уже о социальной солидарности, крайне трудно» [32].

Изменения социального контекста диктуют уход от представлений о социальной солидарности, которые сложились в классической социологии. Между тем современное видение феномена солидарности предполагает изучение его в рамках дальнейшей разработки теории коллективного социального действия. «Неуловимая субстанция солидарности» [25], в условиях глобального мира может стать основой формирования нового типа общественных отношений, особенно когда конструктивный смысл приобретет коллективная солидарность, реализуемая как на локальном, так и на глобальном уровнях.

Доверие и реакция на недоверие в массовой мобилизации

Идея доверия в различных социальных отношениях чрезвычайно популярна в силу ее эвристических возможностей. Изучением сущности и типологии доверия занимались многие исследователи (Ф. Теннис, Г. Зиммель, Ф. Фукуяма, П. Штомпка и др.). Эмпирические исследования показали, что доверительные отношения являются условием и признаком сплоченности группы, а недоверие – источником конфликтов. Условно выделяют три уровня существования типологии доверия: 1) Социетальный (на этом уровне доверие изучается в различных сферах общественной жизни, а именно: доверие к власти; доверие общества различным социальным институтам). 2) Организационный (на этом уровне различают доверие внутри какой-либо организации между ее членами по вертикали и горизонтали; доверие человека организациям и группам; доверие между организациями, группами). 3) Межличностный (проявляется как доверие Другому) [2, с. 135].

Массовая мобилизация и тема доверия связаны тем, что коллективные действия в процессе мобилизации зависят от степени доверия между их участниками. При этом результативность взаимодействия субъекта с объектом доверия во многом определяют ситуативные факторы доверия. Эти факторы, как отмечает Р. Гоч, по-разному трактуются исследователями, а именно: В. Зомбарт к ним относил репутацию коммерческой солидности объекта доверия, Э. Гидденс – снижение порога безопасности, насыщение повседневности элементами риска; Н. Луман – «психическое заражение» доверием;

У. Бек – успех/неудачу объекта как фактор доверия/недоверия к нему; Н. Соболева – эффект харизмы объекта доверия; Е. Богданова – восприятие надежности объекта доверия; Ю. Левада – политико-технологические средства мобилизации доверия [12, с. 69].

Понятие «доверие» активно используется в социологических, экономических, политических, антропологических и иных исследованиях, однако его определение остается проблемой из-за неоднозначности интерпретации. Считается, что примерно с 90-х годов XX в. доверие стали рассматривать в качестве ключевого элемента социальных отношений в силу перехода к миру «гибких» социальных отношений и возобновления интереса к моральным связям. Доверие в социальной системе выражается по отношению к индивидам и их действиям (продуктам деятельности) и проявляется, согласно Ф. Фукуяме, в виде «радиусов доверия» – от максимально близких межличностных отношений к более абстрактным ориентациям применительно к социальным объектам [27]. Отметим четыре наиболее распространенные трактовки доверия, которые отражают основные подходы к его концептуализации: доверие как ожидание (trust as expectation); доверие как готовность (trust as willingness); доверие как уверенность или как убеждение (trust as confidence / as belief); доверие как социальная установка (trust as attitude) [1, с. 31].

В настоящее время востребованность доверия позволяет ученым утверждать: «растущая глобальная взаимозависимость, сети связей, контактов, вненациональной кооперации приводят к тому, что доверие является более необходимым, чем когда-либо. Оно становится функциональным императивом глобального общества» [31, с. 424]. Однако такая вера в силу доверия не подтверждается на практике, анализ результатов исследования стран в разных регионах мира привел исследователей к выводу о том, что «ни социальное доверие, ни нормы взаимности не стали универсальным явлением в условиях глобализации» [23, с. 72].

Культура доверия трактуется нами как способ обеспечения согласия с конститутивным порядком событий в контексте ожиданий, обеспечивающих взаимопонимание в конкретной деятельности в определенной сфере. Чем более комплексными становятся сети отношений индивидов, тем более возрастает потребность в доверии и важность самого доверия.

Переход к современному обществу означает возникновение доверия к абстрактным системам, то есть символическим знакам и экспертным системам. Отмечается постепенное расщепление символического капитала доверия к различным социальным институтам. Это относится также к доверию к социальным институтам в странах Восточноевропейского пограни-

чья, где власть и народ все еще разделены глубоким недоверием, а потребность в консолидации общества не реализуется в полной мере из-за тотального горизонтального (между равно расположенными институтами, акторами) и вертикального (к органам власти и управления) недоверия. Недоверие населения к государственным институтам и власти не позволяет государству играть позитивную роль в качестве третьей стороны, которая способствует росту взаимного доверия между членами общества, что особенно остро проявляется в поликультурных обществах, где позитивное влияние государства на социальное доверие проявляется неравномерно по отношению к различным этническим группам (мажоритарным и миноритарным) [36]. В Восточноевропейском пограничье массовая мобилизация начинает концентрироваться вокруг реализации права граждан на отказ от доверия власти, которая дискредитировала себя коррупцией и невыполнением своих обещаний перед народом: «Государство в духе либеральной традиции стреляться поставить на служебное, подчиненное нуждам конкретных людей, место в общей системе социальных отношений» [18, с. 104]. Впрочем, этот процесс десакрализации государства в странах Пограничья проходит неравномерно, с разной степенью солидарности участников массовых протестных выступлений. Однако уровень социального доверия, особенно к власти, остается низким. Примечательно, что трем ветвям власти доверяет порядка 16 % граждан Молдовы: правительству – 16 %, системе юстиции – 15,5 %, а парламенту 14,3 %. Опрос населения проводился с 6 по 15 ноября 2013 г. В нем приняли участие 1 144 респондента в возрасте от 18 лет из 85 населенных пунктов Молдовы. Погрешность составляет ± 3 % [10]. Население республики не доверяет исполнительной, законодательной и судебной власти. Об этом свидетельствуют данные опроса общественного мнения, представленного в среду Институтом маркетинга и опросов (IMAS). Так, согласно данным опроса, в парламенте уверены 23 % респондентов, в правительстве – 22 % опрошенных, в системе юстиции – 21 % населения, а в работе Генпрокуратуры – 18 % опрошенных. При этом большим доверием граждан республики пользуется церковь – 76 % опрошенных, средства массовой информации – 54 % и органы местного публичного управления – почти половина опрошенных. Опрос проводился в период с 19 октября по 11 ноября 2013 г. В нем приняли участие 1 126 человек из 76 населенных пунктов. Погрешность составляет +3 % [17].

Заключение

Коллективная идентичность в Восточноевропейском пограничье нестабильна, проявляется во множестве гибридных форм, выступает следствием распространения

новых информационно-коммуникативных технологий, новых моделей и паттернов социального поведения. Это не может не отразиться на процессах массовой мобилизации в различных сферах жизнедеятельности. Глобализационный контекст задает новые методологические рамки для осмысления социокультурных проблем массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье.

Высокая культура доверия в процессе массовой мобилизации предполагает а) структурные возможности, которые поощряют доверие между участниками коллективного действия; б) агентурные ресурсы (готовность и желание воспользоваться этими возможностями); в) проведение массовой мобилизации и конкретных коллективных действий на принципах научности, открытости, объективности. Доверие в процессе массовой мобилизации включает, с одной стороны, доверие к системе мобилизации (к критериям подбора субъектов коллективного действия, формам контроля за их коллективными действиями, к процедуре и инструментам коллективного действия), а с другой – доверие к организатору (лидеру) массовой мобилизации, уверенность в его высокой профессиональной компетентности, грамотности и личной ответственности за коллективные действия.

Характеристики и перспективы массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье обусловлены особенностями этого Пограничья: социальным составом его жителей, их ментальными чертами, институциональными и социокультурными факторами. Конструктами массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье становятся, во-первых, коллективная идентичность, которая задает пределы коллективного действия, отличает его участников и не участников; во-вторых, коллективная солидарность, которая предоставляет устойчивую мотивацию на коллективные действия; в-третьих, доверие, которое в коллективном социальном действии призвано интегрировать его участников.

Появляются формы массовой социальной мобилизации, которые рассматриваются как копияльный эксперимент в Восточноевропейском пограничье. Гей-парады, социальные движения в защиту прав лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, за свободное распространение оружия и наркотиков – это примеры неоднозначно интерпретируемых акций массовой мобилизации, которые получают распространение в Восточноевропейском пограничье и требуют социологического изучения.

Література

1. Алексеева А. Ю. Основные элементы и структура межличностного доверия / А. Ю. Алексеева // Социологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 22 – 40.
2. Андрущенко А. Н. Анализ и систематизация научных подходов к формированию типологии доверия (опыт библиографического анализа) / А. Н. Андрущенко // Социологические исследования. – 2013. – № 8. – С. 126 – 135.
3. Артюхин М. И. Научная диаспора как ресурс развития белорусской науки / М. И. Артюхин, О. А. Мееровская // Социологический альманах. – 2012. – Вып. 3. – С. 362 – 371.
4. Астафьева О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том 4. – С. 255 – 281.
5. Бедность – проблема, которая больше всего тревожит население Молдовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsmoldova.ru/society/20121121/192533242.html>.
6. Безвизовый режим с Евросоюзом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsmoldova.ru/newsline/20140131/195080388.html>.
7. Белорусская община Молдовы добилась значимых результатов в сохранении и развитии культуры и традиций Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/society/Beloruskaja-obschina-Moldovy-dobilas-znachimых-rezultatov-v-soxranenii-i-razvitii-kultury-i-traditsij-Belarusi---Osipenko_i_655446.html.
8. Бредникова О. Е. Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) / О. Е. Бредникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 12. – Вып. 4. – С. 492 – 497.
9. Большинство граждан Молдовы считают, что страна развивается в неправильном направлении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsmoldova.ru/vote/20131121/194694540.html>
10. Главным источником информации граждане Молдовы считают телевидение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsmoldova.ru/society/20131121/194694684.html>
11. Глостанова М. В. Пограничное (со)знание/мышление/эстетизм на пути к транс современному миру / М. В. Глостанова // Общественные науки и современность. – 2012. – №6. – С. 155 – 165.
12. Гоч Роксолана. Чинники довіри: концептуалізація та гіпотези / Роксолана Гоч // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2013. – № 3. – С. 45 – 72.
13. Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая: Партикуляризм и вытеснения прошлого / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2003. – № 1 (67). – С. 28 – 44.
14. Дубин Б. Массовые коммуникации и коллективная идентичность / Б. Дубин // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. – № 1 (67). – С. 17 – 27.
15. Клеман К. Появление социальных движений нового типа в России / К. Клеман // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. – М. : ИСП РАН, 2006. – С. 229 – 264.
16. Кузнецова Марина. Трансформации профессиональных идентификаций белорусского учительства в постсоветский период / Марина Кузнецова // Перекрестки. – 2012. – № 1-2. – С. 120 – 144.
17. Население Молдовы не доверяет всем ветвям власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsmoldova.ru/society/20131119/194680974.html>
18. Оболонский А. В. Гражданское недоверие к власти как предпосылка политического развития / А. В. Оболонский // Общественные науки и современность. – 2012. – № 5. – С. 101–111.
19. Поляков Л. В. «Меньшинства» и «массы» в социальной структуре позднего Модерна / Л. В. Поляков // Социологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 39-52.
20. Плискевич Н. М. Тупики инструментальной модернизации / Н. М. Плискевич // Общественные науки и современность. – 2010. – № 2. – С. 78 – 85.
21. Правительство Беларуси и Еврокомиссия подписали соглашение о финансировании проекта «MOST». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/society/Pravitelstvo-Belarusi-i-Evrokromissija-podpisali-soglasenie-o-finansirovanii-proekta-MOST_i_655373.html.
22. Римский В. Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей / В. Римский // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 1. – С. 86 – 96.
23. Сасаки М. Сравнительный анализ доверия в различных странах / М. Сасаки, В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина, В. В. Воронов // Социологические исследования. – 2013. – № 3. – С. 73.
24. Титаренко Л. Г. Теории Пограничья / Л. Г. Титаренко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Том XXVI. № 2 (67). – С. 28 – 48.
25. Филиппов А. Ф. Неуловимая субстанция солидарности / А. Ф. Филиппов // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – С. 231 – 247.
26. Филиппов А. Мобильность и солидарность. Статья первая / А. Филиппов // Социологическое обозрение. – Том. 10. – № 3. – 2011. – С. 4 – 20.
27. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию; пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
28. Хижняк А. В. Коллективная социальная солидарность: теоретические проблемы социологической диагностики / А. В. Хижняк // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс] : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РГ, ИСППИ. – М. : РОС, 2012. – С. 8788 – 8792.
29. Черник В. Новая госпрограмма о белорусах зарубежья должна помочь наладить диалог с диаспорой [Электронный ресурс]. / В. Черник. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/person/interview/Vasilij-Chernik_i_514460.html
30. Что думают белорусы о жизни и о стране? Ответы социологов. 29 Ноября 2011 г. Игорь Котляров. Директор Института социологии НАН Беларуси. Online конференция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/conference/i_235.html (дата: 2 января 2014 г.)
31. Штомпка П. Доверие – основа общества : пер. с пол. / П. Штомпка. – М. : Логос, 2012. 440 с.
32. Шульга М. О. Дрейф на узбіччя. Двадцять років суспільних змін в Україні / М. О. Шульга. – К. : ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011. – 448 с.
33. Яницкий О. Н. Новая волна глобального социального движения [Электронный ресурс]. / О. Н. Яницкий. – Режим доступа : http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=756
34. Яницкий Олег. Риск-солидарности: российская версия / Олег Яницкий // ИНТЕР. – 2004. – № 2-3. – С. 52 – 61.
35. Яницкий О. Н. Элементы теории социальных движений [Электронный ресурс] / О. Н. Яницкий // Официальный сайт ИС РАН. – 2012. URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=2429>.
36. Herreros F., Criado H. The state and the development of social trust // Avenel (NJ). – 2008. – Vol. 29. – N 1. – P. 53 – 71.

Наталія Коваліско*доктор соціологічних наук, професор кафедри історії та теорії соціології
Львівського національного університету імені Івана Франка***Natalia kovalisko***Doctor of Social Sciences, Professor at Department of History and Theory of Sociology,
Ivan Franko National University of Lviv*

СОЦІАЛЬНИЙ ЛІФТ ЯК ЧИННИК СТРУКТУРУВАННЯ СУЧАСНОГО УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

У статті проаналізовано елементи, функції та параметри функціонування соціальних ліфтів у реаліях сучасного українського суспільства. Соціальний ліфт розглянуто як важливий соціальний механізм, відповідальний за переміщення у вищі соціальні страти найбільш соціально активних, здібних до праці у тій чи іншій сфері осіб, які мають реальні можливості досягти успіху і підвищити свій статус у соціальній ієрархії суспільства. Зазначено, що ефективність функціонування соціальних ліфтів залежить від стану суспільства, специфіки його соціально-економічного розвитку, рівня соціальної напруженості та соціального самопочуття різних статусних груп, характеру політичної системи, ситуації у системі освіти тощо. Підкреслено значущість дослідження соціальних ліфтів у сучасному українському суспільстві. Схарактеризовано специфіку соціальних ліфтів для нижчих, найменш захищених груп населення. Зроблено висновок, що успішне функціонування соціального ліфту є стрижневим чинником не лише структурних змін, але й соціальної стабільності та розвитку українського суспільства.

Ключові слова: соціальний ліфт, структурування суспільства, ринок праці, освіта, соціальна активність.

The article deals with the elements, functions and parameters of functioning of social elevators in contemporary Ukrainian society. The social elevator is considered as an important social mechanism responsible for the selection to the higher strata of most socially active and talented people, who have real opportunities to succeed and improve their social status in the social hierarchy of society. The efficiency of social elevators depends on stability of the society, the specificity of its socio-economic development, state of social well-being and the level of social tension of different status groups, the situation of the political system, the real state of the educational system, and etc. The importance of the research of social elevators in contemporary Ukrainian society have been highlighted. The specificity of social elevators for the lowest, the most vulnerable groups of population has been determined. Thus, the social elevator is considered not only as a system of employment and social adaptation of youth, but also as a core factor of social stability, functioning and survival of Ukrainian society.

Keywords: social elevator, structuring of society, labor market, education, social activity.

В статье проанализированы элементы, функции и параметры функционирования социальных лифтов в реалиях современного украинского общества. Социальный лифт рассмотрен как важный социальный механизм, ответственный за перемещения в высшие социальные слои наиболее социально активных, способных к труду в той или иной сфере лиц, имеющих реальные возможности добиться успеха и повысить свой статус в социальной иерархии общества. Отмечено, что эффективность функционирования социальных лифтов зависит от состояния общества, специфики его социально-экономического развития, уровня социальной напряженности и социального самочувствия различных статусных групп, характера политической системы, ситуации, сложившейся в системе образования и т.д. Подчеркнута значимость исследования социальных лифтов в современном украинском обществе. Охарактеризована специфика социальных лифтов для низших, наименее защищенных групп населения. Сделан вывод, что успешное функционирование социального лифта является стержневым фактором не только структурных изменений, но и социальной стабильности и развития украинского общества.

Ключевые слова: социальный лифт, структурирование общества, рынок труда, образование, социальная активность.

Громадська апатія, низький рівень життя, зростання радикальних настроїв, протестного потенціалу – всі ці проблеми сучасного українського суспільства мають, у тому числі, одну загальну причину – непрацюючі соціальні ліфти, або різке послаблення їхньої дії, що зумовлено все ще значною роллю хабарництва, родинних і кланових зв'язків у кар'єрному просуванні людини. Успішно функціонуючий соціальний ліфт – неодмінна умова нормального функціонування суспільства. Скористатися соціальним ліфтом мають право всі без винятку групи населення. Відсутність у нашому суспільстві впевненості в тому, що професіоналізм та соціально відповідальна поведінка будуть винагороджені, веде до соціальної апатії населення, озлобленості проти багатих і недовіри до влади. Результат непрацюючого соціального ліфта – зниження соціального самопочуття, зростання соціальної напруженості, протестів, поява різного роду радикальних угруповань, загострення міжнаціональних відносин тощо. В економічному житті «зламаний» соціальний ліфт викликає стагнацію продуктивності праці, відсутність інновацій, низьку активність малого і середнього бізнесу. Ця симптоматика є характерною для сучасного українського суспільства.

В соціологічній літературі розглядаються різноманітні проблеми функціонування соціальних ліфтів. Опрацюванням даної тематики займався, зокрема, П. Сорокін, який – виділив вісім соціальних ліфтів: армія, церква, школа (освіта), політика, мистецтво, засоби масової інформації, бізнес, сім'я. До проблеми соціальної мобільності, в тому числі соціальних ліфтів як засобів її актуалізації, звертались у своїх роботах такі науковці, як Т. Парсонс, Е. Гідденс, С. Ліпсет, Дж. Мід та ін.

Серед російських та вітчизняних дослідників, які аналізують функціонування соціальних ліфтів, слід назвати таких, як С. Агабабян, М. Абрамова, А. Рубцов, А. Акіндінова, І. Попова, О. Чупров, В. Новіков, Ю. Ковбасюк, Л. Ільчук, В. Балащенко, О. Давидюк та інші.

Метою даної статті є з'ясування особливостей функціонування соціальних ліфтів в сучасному українському суспільстві, а також їхньої ролі в його структуруванні.

Реалізуючи цю мету, перш за все зазначимо, що соціальний ліфт ми визначаємо як суспільний механізм, відповідальний за переміщення у вищі соціальні страти та верстви найбільш придатних осіб.

Сучасні соціологи визначають п'ять основних механізмів вертикальної мобільності, тобто п'ять соціальних ліфтів [2, с. 183-184]:

- економічну активність, яка може проявлятися, в тому числі у наполегливій повсякденній праці, нелегальній трудовій діяльності тощо;

- шлюбне партнерство на раціональних засадах;

- підвищення освітнього та професійного рівня;

- політичну активність, зокрема використання політичних механізмів тиску для вирішення життєво важливих проблем певних соціальних груп;

- «керування враженнями» – механізм демонстрації власної привабливості та маніпулювання статусними символами, під якими розуміють їхні зовнішні ознаки: колір, емблема, значок, слово, книга, автомобіль тощо. Символи статусу виконують низку важливих функцій у суспільстві. Так, за їхньої допомоги індивіди ідентифікують статуси – чужі й власні, а також належність до відповідної страти чи соціальної групи. Тому контроль за символами є водночас контролем за поведінкою індивідів та груп, а нагородження символами – позитивною санкцією за виявлену активність.

Досліджуючи роль соціальних ліфтів у житті російської молоді, С. Агабабян аналізує показники та чинники функціонування соціальних ліфтів:

1. Зростання середнього класу, який став багатшим, але кількісно не збільшився. Автор акцентує на тому, що держава має подбати про те, щоб середній клас збільшився, адже лише за цієї умови можливе нормальне функціонування соціальних ліфтів. Даний клас має домінувати у великих містах, де є більше можливостей реалізувати себе і, відповідно, є більша потреба у кваліфікованих працівниках;

2. Агресія молоді, яка зумовлена нездоровим станом російського суспільства, що спричинений великим розривом між багатими та бідними. Люди не мають можливості реалізувати власний потенціал, ніхто не цікавиться молоддю як такою;

3. Молодь має конформістські життєві установки, хоче будувати кар'єру, але держава не сприяє цьому [3, с.12].

На важливості освіти як соціального ліфту наголошує М. Абрамова. При цьому вона зазначає, що за сучасних умов мають значення такі чинники, як місце здобуття середньої освіти, додаткові заняття з репетиторами, обрання престижного університету, факультету чи соціальності тощо [4].

Політичні соціальні ліфти аналізує у своїх публікаціях А. Рубцов. Якщо влада у суспільстві узурпована, то для того, щоб піднятися, потрібно не тільки не перечити, а «прогнутись» під неї, зазначає дослідник. У такому випадку, на його думку, соціальні ліфти перетворюються у «висхідний сміттєпровід». Це так званий особливий кадровий патро-

наж: ти місцем праці зобов'язаний тим, хто нагорі, і без патронажу не здатний ні на що. «Розкупорка» каналів соціальної мобільності, особливо у великій політиці, важлива для припливу нових кадрів і ротації, без яких неможливий розвиток. Коли вертикальні канали «закупорені» для людей, вони перекриті і для інформації. Виникають ідеальні умови для різного роду маніпуляцій. Держава може стати абсолютно недієздатною в плані реалізації будь-яких стратегічних ініціатив [5].

Механізм вертикальної соціальної мобільності не можна називати соціальним ліфтом, якщо той не характеризується постійністю функціонування й масовою доступністю. Візьмемо для прикладу США, де соціальний ліфт працює найефективніше, забезпечуючи легендарну американську мрію. Цьому сприяють не лише відповідні соціальні інститути, а й наявність мислячої еліти, котра чітко й давно усвідомила, що її власне виживання залежить від перманентного притоку високоосвіченої молоді. Американцям вдалося (хай не стовідсотково, але все ж з досить рідкісними винятками) забезпечити основний принцип функціонування соціального ліфта: просування вгору має відбуватися завдяки особистісним якостям, а не зовнішнім ресурсам. Якщо цим принципом нехтувати, то ніколи не вдасться забезпечити потрапляння в еліту найефективніших кадрів. За таких умов здібні люди, відчуваючи несправедливість системи, накопичуватимуть протестний потенціал, який поступово руйнуватиме систему.

У цьому контексті необхідно підкреслити, що соціальний ліфт – це не просто система працевлаштування й соціальної адаптації людини, в тому числі та перш за все молоді. Це серйозний (а можливо, навіть стрижневий) чинник суспільної стабільності, функціонування й виживання держави. У нестабільній системі образ ліфта сам по собі дуже показовий – вгорі є те, до чого прагнуть майже усі люди: влада, гроші, високі посади. Для того, щоб піднятися туди, потрібний той механізм, який забезпечить переміщення по соціальним сходинкам суспільства вгору. Результати ж досліджень свідчать про те, що українці стали мобільнішими, проте ця мобільність в більшості є низхідною.

Значущість соціальних ліфтів у сучасному українському суспільстві останнім часом актуалізувалася завдяки низці причин. Для соціальної стабільності суспільства є важливим соціальне відтворення та створення нових робочих місць і функціонування соціальних ліфтів. Особливо важливим це є для молоді, адже сьогодні у нашої молоді немає належних умов, за яких вона могла б реалізувати

свій творчий потенціал відповідно до відомої «піраміди потреб» А. Маслоу, що можуть зробити її однолітки в Америці чи Європі. Не слід забувати той істотний факт, що наші співвітчизники порівнюють рівень і якість життя з європейськими нормами і еталонами життя. Більше того, молодь перестала бути об'єктом пильної уваги з боку суспільства і держави, з боку виховних інститутів. В більшості вона віддана сама собі, тому, як правило, замикається на собі, у своєму субкультурному світі або ж йде в різного роду кримінальні структури, які дають можливість підвищити самооцінку і відчутти приналежність до певної соціальної групи і свою значущість у ній.

Зростання значення соціальних ліфтів у житті молоді зумовлюється ще й тим, що в сучасній Україні, відбувається погіршення соціального самопочуття населення, зростання невдоволення тих, хто прагне змін, модернізації суспільства. Для молоді реформування різних сфер соціального життя є важливим чинником самоактуалізації і побудови кар'єри. Реформи, що запроваджуються в нашій країні, мають сприяти розширенню каналів вертикальної і горизонтальної соціальної мобільності. У разі стагнації, якщо соціальні ліфти для молоді так і не «запрацюють», то це призведе до ще більшого відтоку освіченої і талановитої молоді на роботу і проживання за кордоном.

За сучасних умов найбільш дієвим соціальним ліфтом є освіта. Завдяки системі безкоштовної освіти талановиті діти (навіть якщо вони походять з нижчих верств суспільства) дістають можливість зайняти більш привілейоване становище, ніж їхні батьки. Але на даний час багато навчальних закладів (у тому числі найбільш престижні вищі навчальні заклади) стали платними соціальними ліфтами. Наростання такої тенденції в нашому суспільстві різко зменшує можливості одного з головних каналів соціальної мобільності. Стан сучасної вітчизняної освіти, починаючи з середньої школи і закінчуючи системою підвищення кваліфікації, свідчать про те, що освіта перестає бути визначальним чинником просування вгору по соціальним сходинкам. Причин тому багато. Тут і невідповідність освіти потребам виробництва та суспільства в цілому, і перенасиченість підготовки спеціалістів з певних фахів, і брак спеціалістів, які б забезпечували соціальний та економічний розвиток країни.

Дисфункція соціального ліфту зумовлює серйозну проблему сучасного ринку праці. Численні дослідження засвідчують, що привабливість та престиж професії практично тотожні прибутковості. Тому молодь обирає ті сфери, які, за її уявленнями, дадуть найбільші мож-

ливості для заробітку в майбутньому. Держава, що декларує прагнення до рівних стартових можливостей для усіх громадян країни, на практиці проводить політику, спрямовану на стимулювання економіки «низьких переділів».

Бізнес-спільнота, здавалося б, найбільш зацікавлена в активній роботі соціальних ліфтів, що забезпечують їй необхідну робочу силу, зазвичай не долучається до підготовки потрібних їй фахівців. Задля справедливості зазначимо, що окремі корпорації створюють власну систему підготовки кадрів. Окрім того, вони проводять серйозну селекцію в провідних профільних ВНЗ, зокрема надають корпоративні стипендії здібним студентам, забезпечують місця практики, сплачують навчання чи стажування за кордоном. Поки вони обходяться селекцією, але на якомусь етапі ці ресурси будуть вичерпані.

Роль комерційних структур як замовників високоосвічених фахівців має суттєво змінитися: вони мають стати інвесторами і партнерами в проектах модернізації навчання. Зацікавлені компанії, роботодавці мають бути долучені до формування програм підготовки фахівців разом з ВНЗ. Це єдино можливий спосіб отримати кваліфікований персонал з актуальними знаннями і навичками. Бізнес завжди переслідуватиме свої інтереси. У певних умовах ці інтереси можуть стимулювати бізнес до створення дієвих механізмів соціального ліфту.

Соціальна мобільність має першочергове значення для маргінальних верств у їхньому прагненні подолати свій маргінальний стан. Однак в умовах соціальних трансформацій, що переживає українське суспільство, фактично перестали діяти основні ланки механізму соціальної мобільності. Для представників малозабезпечених верств, у тому числі для тих, хто має високий рівень освіти, професійної підготовки і соціальної активності, використання соціальних ліфтів є надзвичайно складною проблемою. Внаслідок цього в маргінали попали не ті, хто не пройшов «тестування», а працівники цілих галузей, як правило, високого науково-технічного рівня, що не «вписувалися» в нові вимоги до суспільного розподілу праці. Ці неомаргінали складають, за оцінками експертів, близько 40 % трудового потенціалу України. Їхня доля є однією з найбільш гострих соціальних проблем. Вона може бути вирішена лише шляхом економічного розвитку, який забезпечить використання освітнього, професійного і особистісного потенціалу цих верств. Важке становище зберігається у найменш захищених груп населення, так званих «групах соціального ризику» (багатодітні сім'ї, люди з особливими потребами, пенсіонери, безробітні).

Гострою соціальною проблемою є значне падіння статусу багатьох інтелектуальних професій (учителі, лікарі, інженери), інтелектуальної праці в цілому, включаючи наукову діяльність. Це змушує багатьох людей висококваліфікованої розумової праці відмовитися від спеціальності і займатися діяльністю, яка не вимагає високого рівня освітньої кваліфікації. Актуальною залишається також проблема «відтоку мізків» за кордон. Сьогодні на міжнародному ринку праці Україна посідає одне з провідних місць серед країн-донорів з інтелектуального ресурсу та фактично бере участь в економічному розвитку країн світу. Нинішня криза вітчизняної науки є основною причиною інтелектуальної міграції та еміграції, що негативно впливає на розвиток національної економіки, на якість людського капіталу, продуктивність праці, рівень доходів населення [6].

В Україні на проблему неефективності соціального ліфту накладається ще й проблема дефіциту трудових ресурсів. Слід виділити декілька об'єктивних причин збільшення розриву між попитом і пропозицією на ринку праці. По-перше, це зниження числа молодого працездатного населення: приплив нових кадрів не відповідає зростаючим потребам економіки нашої країни. По-друге, деякі галузі недоотримують фахівців окремих професій і кваліфікацій, тому що їхній випуск у системі вищої освіти скоротився. Це особливо помітно в реальній економіці, де, за оцінкою експертів, кількість фахівців з вищою освітою суттєво зменшилася. Нестача кадрів посилюється і тим, що тільки близько половини випускників після закінчення ВНЗ працює за обраним фахом.

Експерти визначають основні чинники непрацюючих соціальних ліфтів: корупція, клановість (непотизм), кадровий голод та приватизація окремими особами державних функцій. Це переконливо свідчить про кризу управління на всіх рівнях влади, практично у всіх ключових сферах суспільного життя – економіці, аграрній сфері, освіті, охороні здоров'я, науці, соціальній сфері тощо. У свою чергу, це зумовлює такі негативні явища, як низька якість кадрового потенціалу, в тому числі управлінських кадрів, незадовільний рівень їхньої професійної підготовки, перепідготовки та підвищення кваліфікації тощо [7].

На сьогодні більш-менш ефективно працюють соціальні ліфти у спорті і шоу-бізнесі. Олімпіади, змагання з різних видів спорту (від місцевого до континентального рівня) підвищують соціальний статус спортсменів – переможців олімпіад чи світових чемпіонатів. Правда, горизонтальна мобільність у спортивній сфері – явище не дуже розповсюджене.

Не так часто, скажімо, футболіст, який досяг великих успіхів у своєму виді спорту, продовжує реалізовувати себе як тренер, директор команди чи інший функціонер.

Більш різноманітні соціальні ліфти існують у шоу-бізнесі. Продюсери як сучасні «соціальні ліфтери» роблять все, щоб їхні підопічні набували високого статусу, популярності у публіки, засобів масової інформації, були затребуваними в кіно, на радіо і телебаченні. Для цього організовуються різноманітні фестивалі, конкурси, турне, шоу-програми, змагання на кшталт «Фабрики зірок», «Україна має талант», «Голос країни» тощо. Проте спорт та шоу-бізнес занадто специфічні сфери, щоб існуючі там соціальні ліфти могли суттєво змінити соціальну структуру суспільства.

Тому вкрай необхідним є пошук нових соціальних ліфтів, зокрема таких, як активна громадська діяльність, бізнес-практики тощо. Але для цього потрібний механізм, який би забезпечив можливість функціонування кожного конкретного ліфту.

Зазначимо, що соціальні ліфти не можуть виникнути в суспільстві самі по собі. Пусковим механізмом для їхньої появи мають бути об'єктивні передумови, зокрема соціальна політика держави, спрямована на підтримку мобільності населення.

Основним суб'єктивним чинником, що сприяє висхідній соціальній мобільності, є особистісні якості людини, які забезпечили б її конкурентоздатність на ринку праці. Вдалих шлюб чи політична діяльність виступають, на наш погляд, радше, зовнішніми ресурсами підвищення соціального статусу, адже чоловік/дружина чи політична партія можуть цьому посприяти.

Для того, щоб соціальні ліфти були ефективними, вони мають бути організованими, чітко продуманими, а не спонтанними. Дослідники даної проблеми визначають необхідні параметри для функціонування соціального ліфту [1]:

1. Максимально чітко прописана процедура соціального просування, яка мінімізує вплив носіїв зовнішнього ресурсу;

2. Наявність суб'єкта, зацікавленого у функціонуванні такої процедури, який гарантує її реалізацію. В іншому випадку еліта, яка намагається зберегти своє становище, швидко обеззброїть цю процедуру;

3. Наявність механізму доступу кожного достойного (в ідеалі – кожного бажаного) до участі в процедурі та до ресурсів, які необхідні для цієї участі;

4. Соціальний ліфт повинен мати свого роду пропагандистський характер, створюючи віру людей в те, що будь-який достойний отримує заслужене місце, а той, хто не отримує, є недостойним.

Отже, соціальні ліфти є необхідним механізмом відтворення структури суспільства. Цей механізм є складним і суперечливим, він тісно пов'язаний з конкретно-історичними умовами. Кожна форма соціального ліфту перебуває під тиском соціальних сил. Тому рано чи пізно руйнується або демонтується, що призводить до деградації еліти, а в кінцевому підсумку – всього суспільства. Тому найважливішим завданням збереження соціальної структури суспільства є модернізація старих і створення нових соціальних ліфтів. Причому в сучасних умовах не слід покладатися на їхнє автоматичне виникнення. Необхідно їх свідомо конструювати та впроваджувати.

До недавнього часу, людина, народжена в певному соціальному середовищі, могла розраховувати на певний сценарій власного життєвого розвитку, могла скористатися єдиною моделлю соціального ліфту, характерною для представника тієї або іншої соціальної верстви суспільства. «Висота підйому» цього ліфту була дуже обмежена. Обмежені можливості соціальних ліфтів дали поштовх створенню і розвитку так званих «переходів», які дозволяють переміщуватися з одного ліфту в інший, тим самим забезпечуючи стійке кар'єрне зростання. Окрім того, соціальні ліфти перестають бути жорстко структурованою даністю. Розвиток інформаційного суспільства і доступ до різного роду знань дозволяють людині власними силами конструювати соціальні ліфти. Людина стає «господарем» своєї долі в пошуках місця праці, яке можна здобути в конкурентних умовах ринку праці.

Підсумовуючи, слід зазначити, що аналіз наукового доробку з означеної нами проблеми свідчить, що на сьогодні немає єдиної усталеної позиції щодо функціонування соціальних ліфтів. Одні науковці стверджують, що соціальні ліфти у нас не працюють і необхідно їх створювати, інші – соціальні ліфти працювали і будуть працювати в будь-якому суспільстві незалежно від того, помічаємо ми їх чи ні. На нашу думку, соціальні ліфти працювали і будуть працювати завжди, але ними користуються не всі, хто цього хоче і достойні підвищення соціального статусу, а передусім ті, хто має можливості, різного роду ресурси (зв'язки, гроші тощо).

Можна погодитися з тезою, що однією з основних умов оптимального функціонування соціального ліфту є наявність «соціального ліфтера», який би впускав до ліфту тільки необхідного для держави, суспільства прогресивного та гідного претендента [8]. Соціальні ліфти треба не запускати, а організувати їхнє функціонування для найбільшої державної і суспільної користі. Деякі соціальні ліфти конче потребують втручання держави в за-

лежності від їхніх механізмів, наприклад, заборона каналів кар'єрного просування за корупційними технологіями, не прийнятними у суспільстві, і, навпаки, створення сприятливих умов і можливостей для просування талановитих людей, особливо молоді, у різ-

них сферах суспільного життя. Проте слід також відзначити, що ефективність функціонування соціального ліфту значною мірою залежить від обраної людиною стратегії досягнення персональної службової, професійної чи суспільної кар'єри.

Література

1. Социальный лифт как защитный механизм общества. [Электронный ресурс] – М. : Институт региональных проблем, 2011. – Режим доступа : <http://irpr.ru/2011/08/09/socialnyj-lift-kak-zashhitnyj-mexanizm-obshhestva/>
2. Бергер П. Личностно-ориентированная социология / Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р. – М. : Академический проект, 2004. – 608 с.
3. Агабабян С. Р. Социально-психологические особенности личности, потерявшей престижный социальный статус : Автореферат дис. ...канд. психолог, наук., Ростов-на Дону, 2002. – 17 с.
4. Абрамова М. А. Роль образования в социальной стратификации. // Социальная стратегия российской системы образования: Материалы международной научной конференции – Третьих Санкт-Петербургских социологических чтений, 14–15 апреля 2011 г. / Отв. ред. А. В. Воронцов. / М. А. Абрамова – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. — С. 192 – 200.
5. Рубцов А. Власть в России: люди, лифты, коридоры [Электронный ресурс] // Рубцов А. Отечественные записки, 2012. – № 5 (50). – Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2012/5/vlast-v-rossii-lyudi-lifty-koridory->
6. Бараник З. Интеллектуальна міграція як об'єкт статистичного дослідження [Електронний ресурс] / З. Бараник., І. Романенко // Ефективна економіка. – № 6. – 2014. – Режим доступу : <http://www.economy.nayka.com.ua/?op=1&z=3096>
7. Ковбасюк Ю. Українська освіта сьогодні переставати грати роль реально працюючого соціального «ліфта» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://dialogs.org.ua/ru/dialog/page144-2210.html>
8. Ільчук Л. І. Умови та інструменти запуску «соціального ліфта» в Україні / Ільчук Л. І., Балащенко В. М., Давидюк О. О. – К. : Центр перспективних соціальних досліджень Міністерства соціальної політики НАУ, 2013. - [Електронний ресурс] – Режим доступу : http://cpsr.org.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=284:-q-q-&catid=29:2010-06-15-18-48-34&Itemid=35.

Екатерина Михайлева*доктор соціологічних наук, професор, професор кафедри соціології
Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія»***Ekaterina Mihaileva***Doctor of Social Sciences, Full Professor, Professor at Department of Sociology
Kharkiv University of Humanities «People's Ukrainian Academy»*

ИНТЕГРИРУЮЩАЯ РОЛЬ КЛАССИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Статья посвящена классическим университетам как ведущим субъектам образовательного пространства Украины. Целью статьи является выявление интегрирующей роли классических университетов в современных условиях. Для достижения цели использованы методы систематизации и классификации. Показано, что в западной классификации такой тип университетов отсутствует; в отечественной же практике сохраняется позиционирование классических университетов для их номинального отличия от других типов университетов, подчеркивания первичности их появления и особой роли в отечественном образовательном поле. На основе анализа различных классификаций высших учебных заведений, критериев выделения классических университетов сделаны выводы о базовых признаках данного типа университетов и возможностях их эффективного использования в университетском секторе отечественного образования. Выявлены и проанализированы некоторые проблемные зоны в реализации классическими университетами функции социальной интеграции. Определен потенциал данного типа учебных заведений в консолидации современного украинского общества.

Ключевые слова: университет, классический университет, функции университета, интеграция.

The article is devoted to presenting classical universities as the key players in the educational space of Ukraine. The aim of the article is to identify the integrating role of classical universities today. To achieve the goal methods of systematization and classification are used. It is shown that in western classifications this type of universities is absent; in domestic classification the same practice of positioning the classical universities for nominal distinguishing them from other types of universities, for emphasizing the primacy of their appearance and special role in the domestic field of education, is maintained. Based on the analysis of the various classifications of higher education institutions and selection criteria of classical universities the conclusions about the basic features of this type of universities and their effective use in the national university education sector are done. Some problem areas in the implementation of integration functions of classical universities are formulated. The potential of this type of educational establishment in the integration of Ukrainian society at the present stage is determined.

Keywords: university, classical university, functions of university, integration.

Стаття присвячена класичним університетам як провідним суб'єктам освітнього простору України. Метою статті є виявлення інтегруючої ролі класичних університетів в сучасних умовах. Для досягнення мети використані методи систематизації та класифікації. Показано, що в західній класифікації такий тип університетів відсутній; у вітчизняній же практиці зберігається позиціонування класичних університетів для їхньої номінальної відмінності від інших типів університетів, підкреслення первинності їхньої появи і особливої ролі у вітчизняному освітньому полі. На основі аналізу різних класифікацій вищих навчальних закладів, критеріїв виокремлення класичних університетів зроблено висновки щодо базових ознак даного типу університетів та можливості їхнього ефективного використання в університетському секторі вітчизняної освіти. Виокремлено і проаналізовано деякі проблемні зони в реалізації класичними університетами функції соціальної інтеграції. Визначено потенціал даного типу навчальних закладів у консолідації сучасного українського суспільства.

Ключові слова: університет, класичний університет, функції університету, інтеграція.

Современное украинское общество вновь вступило в фазу нестабильности. Сегодня, как никогда, активизировались векторы социального взаимодействия, взрывающие доминирующие социальные нормы и правила, влекущие за собой как интеграцию новых социальных сил, так и их дезинтеграцию со старыми социальными субъектами.

В таких условиях естественным процессом в обществе – процессом своего рода самосохранения – выступает поиск мощных социальных структур, способных выполнять интегрирующую роль. Очевидно, что политические и экономические социальные институты сегодня не обладают соответствующим потенциалом; семья как социальный институт находится в состоянии поиска ответов на так быстро появляющиеся вопросы и т.д. В этом контексте институт образования в силу своей консервативности, сохраняя свою функциональную ценность в любых социальных условиях, может быть рассмотрен как лидер в накоплении и реализации интеграционного потенциала общества.

Система образования сегодня достаточно сильно диверсифицирована, но исторически сложилось так, что в ее структуре наиболее устойчивым элементом выступает университет и прежде всего классический университет. В современном социальном и академическом дискурсе он вызывает особый интерес. С одной стороны, классический университет ассоциируется с постоянством и стабильностью, с другой стороны, от него ожидают инновационные продукты, включая самого выпускника (в соответствии с социальным заказом). Как бы то ни было, современный классический университет – это единство универсальных констант (миссия, функции и др.) и уникальных переменных (формы, виды, направления деятельности и др.), которые сохраняют общую идею университета и одновременно позволяют ему быть на острие социального развития. Первая из указанных составляющих связана с его сущностными характеристиками, в соответствии с которыми университет рассматривается как особый социальный институт, являющийся механизмом социальной кооперации, находящийся над социальными группами и отдельными личностями и определяющий правила и стереотипы их поведения. Как показывает исторический опыт, университеты в этом качестве гораздо более стабильны, чем государства, их создавшие [6, с. 92].

Вторая составляющая определяется разнообразием практик современных университетов, их новыми образами и задачами. На рубеже XX–XXI веков меняются сущность и функции университетского образования. Если в начале 70-х годов прошлого века На-

тан Глазер считал, что «легче изменить мир, чем университет» [8, р. 82], то сегодня мы становимся свидетелями широкомасштабных изменений в высшем образовании, которые полностью опровергают его тезис. Социальные изменения настолько динамичны, что развитие университетского образования в последние годы носит, скорее, революционный, чем эволюционный характер. В результате «современный университет – сверхсложная система: число его подразделений многократно возросло; в нем представлены самые разные возрастные группы учащихся, связи с внешним миром стали чрезвычайно многообразными, а простое повторение известных модулей в традиционных рамках исчерпало свои возможности» [1, с. 30].

Для классического университета такая ситуация является также отражением двух векторов социального развития, описанных выше, – интеграционного и дезинтеграционного. Именно поэтому анализ потенциала университета в данном отношении представляет особый научный интерес.

Внимание к проблемам университета как элементу, во многом конструирующему образовательное поле, сегодня достаточно большое. Можно отметить работы Астаховой В., Бакирова В., Жилинской О., Московкина В., Муравьевой М., Полякова М., Прокопьева В. П., Савчук В., Сокурской Л. и других. Однако обновление социальной ситуации требует внимания к интегрирующей роли классических университетов, выделение которой и является целью данной статьи.

Современные классические университеты составляют достаточно стабильный сегмент отечественного образовательного пространства. Однако его трактовки остаются разными. Как следствие, например, ЮНЕСКО выделяет 13 классических университетов в Украине; на образовательных отечественных сайтах указано 15 университетов [9], а в мировом рейтинге высших учебных заведений (например, Academic Ranking of World Universities) Украина отнесена к странам с ограниченными ресурсами с четырьмя классическими университетами (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара, Киевский национальный университет имени Т. Г. Шевченко).

Сразу сделаем акцент на том, что в западной классификации такой тип университетов (классический) не обозначен. Это является свидетельством равных статусов университетов разных видов при соблюдении ними необходимых требований по критериям диверсификации. В отечественной же практике сохраняется

позиционирование классических университетов как для их номинального отличия от других типов университетов (политехнических, педагогических и других), так и для подчеркивания первичности их появления и особенностей функционирования в отечественном образовательном поле. При этом данный статус иногда используется в качестве аргумента для более высокого позиционирования университета. Однако, как показывает практика, в силу относительности данного аргумента на него «наращивается» дополнительная система статусных характеристик, усиливающих позиции университетов в образовательном поле и обществе в целом (например национальный, исследовательский). Поэтому, говоря о классическом университете, мы будем иметь в виду первичный статус университетов.

Попытки определить сущность классического университета (поскольку именно его сущностные характеристики, с нашей точки зрения, могут дать почву для рассуждений о его интеграционном потенциале) приводят ученых к его пониманию как «высшего учебного заведения, имеющего определенные специфические черты, особые механизмы и формы функционирования. основополагающими качественными признаками таких учебных заведений являются, в частности, высокий, можно сказать элитный, уровень подготовки специалистов, который базируется на фундаментальной методологической основе; возможности приобретения студентами не просто базовых, а фундаментальных знаний из разных отраслей науки при оптимальном соединении естественных и гуманитарных дисциплин; способность к формированию и распространению извечных морально-культурных ценностей, преобладание в научной работе доли фундаментальных, креативных исследований. Кроме того, классический университет является основным источником пополнения научно-педагогических кадров для системы высшего образования и выступает генератором изменений в сфере организации образования» [4, с. 9].

Данное определение, на наш взгляд, является, с одной стороны, своеобразной данью указанной выше тенденции в отношении позиционирования классических университетов, а с другой – описанием реальной ситуации. Однако и тот, и другой аспект не позволяют определить сущность данного типа университета. Ведь уровень подготовки специалистов, фундаментализация исследований и образовательной подготовки, ценностное воздействие на студента – атрибуты не только классических университетов.

Можно говорить о том, что многозначность интерпретаций классического университета

связана с тем, что правовой статус классического университета Украины не определен. В частности, в ст. 25 «Типы высших учебных заведений» Закона Украины «О высшем образовании» 2002 года только упоминалось о функционировании классических университетов, но критерии «классичности» указаны не были: «университет – многопрофильное высшее учебное заведение четвертого уровня аккредитации, которое осуществляет образовательную деятельность... Могут создаваться классические и профильные технические, технологические, экономические, педагогические, медицинские, аграрные, искусствоведческие, культурологические и т. д. университеты...» [2, с. 134]. В Законе 2014 года (ст. 28) классический университет обозначен как разновидность многоотраслевых университетов [3].

С правовой неопределенностью классического университета связано несколько моментов, влияющих на его восприятие в обществе. Прежде всего некоторое смещение его с другими типами университетов. В данном случае образовательное сообщество должно определиться с потребностями в сохранении такого статуса в отечественном образовательном пространстве или отказом от него. В первом случае классический университет должен перестать быть абстрактной единицей, а превратиться в активного участника социально-экономических процессов и в современных условиях максимально реализовать свой интеграционный потенциал.

В описанной выше ситуации с определением сущности классического университета актуализируются попытки (характерные прежде всего для Украины и России) разработки критериев данного типа университетов. Так, Ассоциация классических университетов России выделяет следующие критерии (для отнесения к категории классического университета вуз должен соответствовать минимум восьми критериям):

1. Становление учебного заведения как классического университета на протяжении не менее 20 лет.

2. Часть образовательных программ, которые принадлежат к общенаучным и гуманитарно-социальным специальностям и направлениям, должна составлять не менее 60% от общей численности образовательных программ, лицензированных в вузе.

3. Доля образовательных программ по естественно-научным и математическим специальностям и направлениям должна составлять не менее 25%.

4. Контингент студентов, которые обучаются по образовательным программам по естественно-научным и гуманитарно-социальным специальностям и направлениям, должна со-

ставлять не менее 70% от контингента студентов очной формы обучения.

5. Совокупность специальностей аспирантуры вуза по группам физико-математических, химических, биологических, геолого-минералогических, географических и медицинских наук должна составлять не менее 10% от всех специальностей аспирантуры, указанных в лицензии вуза, при условии, что контингент аспирантов составляет не менее 30% от контингента аспирантов вуза в целом.

6. Совокупность специальностей аспирантуры вуза по группе исторических, экономических, философских, филологических, юридических, психологических, социологических, политических наук, искусствоведения и культурологии должна составлять не менее 10% от всех специальностей аспирантуры, указанных в лицензии вуза, при условии, что контингент аспирантов составляет не менее 30% от контингента аспирантов вуза в целом.

7. Количество общенаучных и гуманитарно-социальных специальностей в докторантуре вуза должно быть не менее пяти.

8. Количество общенаучных и гуманитарно-социальных специальностей в специализированных ученых советах по защите докторских диссертаций должно составлять не менее трех.

9. Количество общенаучных и гуманитарно-социальных специальностей в специализированных ученых советах по защите кандидатских диссертаций должно составлять не менее десяти.

10. Доля докторов наук по общенаучным и гуманитарно-социальным специальностям – не менее 10% от общего контингента преподавателей.

11. Доля преподавателей с учеными степенями и званиями должна составлять не менее 50%.

12. Общий фонд научной библиотеки должен составлять не менее 1 млн. томов.

Похожие критерии предлагаются рядом авторов (см., например, [7]), активно обсуждаются такие признаки, как объем финансирования, а также объем, характер и результативность научных исследований.

По мнению экспертной группы Евразийской ассоциации университетов [5], важнейшими признаками этих вузов являются, в частности такие, как высокий уровень подготовки специалистов, возможность получения студентами базовых знаний в различных областях науки при оптимальном сочетании естественно-научных и гуманитарных дисциплин, способность к формированию и распространению нравственных и культурных ценностей, преобладание в научной работе доли фундаментальных исследований.

Большинство предлагаемых на постсоветском пространстве критериев несут достаточно конкретный характер, не привязаны к количественным показателям студенческого контингента и форме собственности, что потенциально делает статус классического университета открытым для высших учебных заведений. Однако, безусловно, соответствовать критериям, рассмотренным выше, достаточно сложно, особенно учитывая относительно узкую, специализированную направленность новых образовательных структур, в том числе и частных.

По мнению отечественных ученых, наряду с обозначенными критериями, классический университет должен соответствовать и определенным требованиям [4, с. 18]:

1. Срок функционирования вуза как классического.

2. Наличие в лицензии разрешения осуществлять обучение по программам высшего, среднего, начального, послевузовского профессионального образования, дополнительного и общего среднего образования, что является предпосылкой рассмотрения вуза как университетского комплекса.

3. Многолетнее эффективное сотрудничество со структурами Национальной академии наук.

4. Наличие в составе университета учебно-научных центров и комплексов НИР, уникальных учебных и научных подразделений, в том числе таких, которые созданы по решению высших органов управления, а также финансируются из иностранных финансовых источников.

5. Наличие уникальных научно-педагогических школ, уникального исследовательского оборудования.

6. Выполнение вузом функции регионального (межрегионального) научно-методического центра.

7. Возможность вуза реализовывать программу непрерывного образования: от школьного до докторантуры и повышения квалификации.

8. Наличие магистратуры.

9. Выполнение университетом воспитательной и культурно-просветительской функции в регионе.

Данные требования уже менее объективизированы, основное внимание в них сосредоточено на научном потенциале университетов, их роли в жизни региона, а также на возможности отвечать на вызовы современности.

Сегодня, по мнению отечественных исследователей, классический университет является соединением разных элементов моделей высшего образования, его деятельность направлена не только на расширение, но и на активное создание новых научных, культурных и обще-

ственных ценностей [4, с. 10]. Но так же, как и в определениях классического университета, данные параметры, скорее, следствия, а не причины классического статуса университета.

Возможно, такая ситуация с определением классического университета стимулирует формирование соответствующей сети, корпорации, представляющей интересы этих учебных заведений. Данная корпорация невелика, но ее функциональное значение принципиально важно. Например, «в России функционирует Ассоциация классических университетов России (с 2002 года), в которую входят 28 университетов во главе с Московским государственным университетом, функционируют ассоциации классических университетов Поволжья и Урала. В таких университетах осуществляется подавляющая часть фундаментальных исследований (в США – 60%, Японии – 54,9%, Франции – 90%, Великобритании – более 95%), результаты которых способствуют росту национального дохода» [4, с. 11]. Таким образом, подчеркивается функциональная нагрузка классического университета, которая во многом определяется его структурой и масштабами подготовки, а также наличием соответствующих кадров и лабораторий.

Сегодня от классического университета ожидается высокая активность не только в свя-

зи с его учебной и научной деятельностью, но и в связи с его социальными функциями, которые в контексте современных дискуссий об университетах, к сожалению, уходят на второй план. К ним относится и функция интеграции, которая предполагает формирование социально ответственной позиции личности, поиск и предложение социально значимых решений, развитие инноваций с учетом перспектив развития общества. По-видимому, включение подобного рода критериев в основу определения понятия «классический университет» практически невозможно в силу их значительной неопределенности. Однако в современных условиях игнорирование таких критериев можно рассматривать как гражданскую незрелость или попытку ограничения роли классического университета лишь научно-образовательной функцией.

Сегодня это может стать катастрофой для общества, ведь, как отмечалось выше, социальные институты политики и экономики не способны решить задачу интеграции в силу собственной нестабильности. Поэтому именно классические университеты, независимо от научных критериев их выделения, должны принять на себя роль интегратора социума.

References

1. Дакснер М. Есть ли будущее у университетов? / М. Дакснер // «Alma mater» («Вестник высшей школы»). – 2005. – № 3. – С. 29 – 34.
2. Закон України «Про вищу освіту» від 17.01.2002 №2894-III // Відомості Верховної Ради. – 2002. – № 20.
3. Закон України «Про вищу освіту» від 01.07.2014 № 1556-VII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vnz.org.ua/zakonodavstvo/111-zakon-ukrayiny-pro-vyschu-osvitu>
4. Класичні університети України: світовий досвід, українські реалії // Вища школа. – 2007. – № 6. – С. 9 – 18.
5. Концептуальные вопросы развития университетского образования. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993.
6. Неборский Е. В. Исследовательские университеты США: противоречие между «академическим капитализмом» и поиском «истины» / Е. В. Неборский // Педагогика. – 2011. – № 2. – С. 92 – 100.
7. Прокопьев В. П. О признаках классического университета [Электронный ресурс] / Виталий Павлович Прокопьев // Университетское управление. – 2000. – № 2(13). – С. 35 – 39. – Режим доступа : <http://www.ecsocman.edu.ru/univman/msg/145147.html#4>.
8. Glazer N. Remembering the Answers: Essays on the American Student Revolt / N. Glazer. – N. Y., 1970. – 312 p.
9. Класичні університети України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://univer.in/vuzy-ukrainy>.

Роман Борисов

аспирант кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Roman Borisov

Postgraduate Student at Department of Sociology, V.N. Karasin Kharkiv National University

Ирина Шеремет

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Irina Sheremet

Ph.D., Associate Professor at Department of Sociology, V.N. Karasin Kharkiv National University

УЧЕБНЫЕ ПРАКТИКИ ШКОЛЬНИКОВ ХАРЬКОВЩИНЫ: ПОКАЗАТЕЛИ, ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ

В статье анализируется феномен учебных практик школьников Харьковщины. Используя наработки современных исследователей в области образования, авторы приводят собственное определение понятия «учебные практики», выделяют показатели и факторы актуализации соответствующего феномена. Акцентируется внимание на таких факторах учебных практик, как ценностные ориентации, мотивация учебной деятельности, отношение подростков к учебе, в том числе к отдельным учебным дисциплинам. Среди идентитетов учебных практик рассматриваются посещаемость занятий и выполнение домашних заданий. Особое внимание уделяется такому ключевому показателю (не)эффективности учебных практик, как академическая успеваемость школьников. Приводятся результаты сравнительного анализа данных, полученных в ходе исследований, проведенных среди школьников Харькова в 1999 г. и 2013 г. Подчеркивается, что такой анализ позволяет прийти к выводу о трансформации структуры мотивационных установок учебной деятельности современных школьников, что находит свое отражение в показателях их учебных практик.

Ключевые слова: учебные практики, факторы актуализации учебных практик, показатели учебных практик, мотивация учебной деятельности.

The article discusses the phenomenon of educational practices of schoolchildren of Kharkiv region. Authors use the achievements of another researchers in the sphere of education and produce their own definition of educational practices, distinguish and characterize the factors of actualization of educational practices. Among the factors of educational practices the authors examine value orientations, motivations of learning activities, attitude of teenagers to learning, including attitude toward individual academic disciplines. Among the identities of educational practices are attendance and making homework. Particular attention is paid to such key indicator of (non-)efficiency of educational practices as academic performance of schoolchildren. The results of comparative data analysis of sociological researches conducted in 1999 and 2013 among Kharkiv schoolchildren are provided. It is stressed that such analysis allows to make a conclusion about transformation of the structure of motivational attitudes in educational activity of contemporary schoolchildren that are mirrored in indicators of their educational practices.

Keywords: educational practices, the factors of actualization of educational practices, indicators of educational practices, motivation of educational activities.

У статті аналізується феномен навчальних практик школярів Харківщини. Використовуючи розробки сучасних дослідників у галузі освіти, автори надають власне визначення поняття «навчальні практики», виокремлюють показники та чинники актуалізації відповідного феномену. Акцентується увага на таких чинни-

ках навчальних практик, як ціннісні орієнтації, мотивація навчальної діяльності, ставлення до навчання, в тому числі до окремих навчальних дисциплін. Серед ідентитетів навчальних практик розглядаються відвідування занять та виконання домашніх завдань. Особлива увага приділяється такому ключовому показнику (не) ефективності навчальних практик, як академічна успішність школярів. Наводяться результати порівняльного аналізу даних, що були отримані у ході досліджень, здійснених серед школярів Харкова у 1999 р. та 2013 р. Підкреслюється, що такий аналіз дозволив дійти висновку щодо суттєвої трансформації структури мотиваційних установок навчальної діяльності школярів, що знаходить своє відображення в показниках навчальних практик сучасних школярів.

Ключові слова: навчальні практики, фактори актуалізації навчальних практик, показники навчальних практик, мотивація навчальної діяльності.

Комплексная и глубокая модернизация отечественной системы образования невозможна без реформирования такого её ключевого звена, как среднее образование. При этом успех реформирования школьной системы образования, как и реформирования высшей школы, в значительной мере зависит от научного, в том числе социологического, обеспечения этого процесса. Это актуализирует необходимость социологического изучения феноменов модернизации образования, в частности среднего, что обуславливает наше обращение к опыту эмпирических исследований данной проблемы, представленному в трудах классиков мировой социологии и современных ученых-социологов.

В контексте сказанного выше подчеркнем, что образование давно находится в исследовательском фокусе социологов. Такие классики социологической мысли, как Б. Бернстайн, П. Бурдьё, М. Вебер, А. Грамши, Э. Дюркгейм, Д. Дьюи, К. Мангейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, П. Сорокин посвятили тематике образования немало своих работ. Их проблематика отличается невероятным своеобразием – от анализа функций образования как социального института до мотивации получения образовательных услуг на индивидуальном уровне. В отечественном социологическом дискурсе последних 40 лет особое внимание уделялось (и уделяется) проблемам функционирования такого важнейшего элемента системы образования, как высшая школа. При этом исследовались не только и не столько вопросы жизнедеятельности данной институциональной подструктуры, сколько студенчество как особая социально-профессиональная группа и социокультурная общность (см. работы В. Арбениной, В. Астаховой, Ю. Вишневого, Д. Константиновского, В. Лисовского, Л. Рубиной, М. Руткевича, Л. Сокурской, М. Титмы, Ф. Филиппова, В. Шубкина, И. Шеремет, Е. Якубы и др.). В то же время проблемам средней школы и жизнедеятельности школьников уделялось (и сегодня уделяется) значительно меньше внимания. С нашей точки зрения, такой дисбаланс в исследовании различных элементов образовательной системы нельзя признать правомерным. Утверждая это,

мы исходим из того, что научный, в том числе социологический, анализ особенностей функционирования средней школы является в высшей степени важной и актуальной задачей, без реализации которой невозможно определить главные проблемы и недостатки не только школьной образовательной среды, но и качественно реформировать национальную систему образования Украины в целом. Эффективность функционирования средней школы напрямую влияет на уровень подготовки абитуриентов и успешность их дальнейшего обучения в стенах вузов. В этом контексте подчеркнем, что кризисные явления в системе среднего образования обуславливают ряд проблем в деятельности высших учебных заведений, поскольку последним зачастую приходится восполнять пробелы школьной подготовки студентов в ущерб выполнению собственных функций. Понять, насколько качественно и полноценно справляется школа со своими функциями, можно, в том числе, благодаря изучению учебных практик школьников, а также факторов их актуализации и динамики.

Целью данной статьи является определение динамических характеристик и факторов актуализации учебных практик современных подростков (на примере школьников Харькова и Харьковской области).

Реализуя эту цель, прежде всего обратимся к дефинитивному анализу основного понятия данной публикации – «учебные практики». Начнём с интерпретации такой составляющей этого понятия, как категория «практики». Подчеркнем, что эта категория находится в фокусе внимания многих социологов, среди которых необходимо прежде всего назвать Л. Болтански, П. Бурдьё, Г. Гарфинкеля, Э. Гидденса, М. Де Серто, Б. Латура, А. Макин-тайра, М. Мосса, М. Полани, Г. Райла, Л. Тевено, Ч. Тейлора, Т. Шацки, Н. Элиаса. В своем понимании категории «практики» мы базируемся прежде всего на теоретико-методологических положениях конструктивистско-структуралистской концепции П. Бурдьё. Согласно этой концепции, практики определяются как рутинизированные, неосознанные, повторяющиеся во времени акты, направленные на реализацию стратегий целедостижения в ка-

кой-либо сфере социальной действительности. Данное понятие стало результатом попыток отказаться от традиционного для социологии конца XIX - начала XX века противопоставления объективных структур на макроуровне измерения общества и субъективных действий акторов на микроуровне оно. Отметим, что практики, согласно данной концепции, являются результатом, с одной стороны, позиций, которые агент занимает в силу совокупности собственных социальных статусов, с другой стороны – диспозиций, которые П. Бурдьё определяет «как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и неперенное овладение необходимыми операциями по ее достижению» [2, с. 43]. Существенным при продуцировании практик является чувство игры, которое представляет собой способность неререфлексивно совершать акты согласно определенным схемам, сформированным и усвоенным в процессе длительного участия в социальной деятельности. Наличие чувства игры позволяет агенту не проблематизировать каждое свое последующее действие, но формировать устойчивые практики, основанные не столько на их повторяемости, сколько на знании об их содержании, приобретенном ранее в процессе игры – дефиниции, синонимичной понятию социальной деятельности (см. [2]).

Формулируя определение понятия «учебные практики», мы, с одной стороны, руководствовались изложенными выше положениями концепции П. Бурдьё, с другой – основывались на определении учебных практик студентов, сформулированном С. Щудло [3, с. 230] и уточненном В. Арбениной и Л. Сокурянской [1, с. 30]. Таким образом, учебные практики школьников мы определяем как их хабиализированные (опривыченные) действия, направленные на овладение знаниями из различных отраслей науки, которые обусловлены ценностным отношением к образованию, мотивацией и нормами учебной деятельности, эмоциональным отношением к учебе в школе.

Что касается эмпирической базы нашей статьи, то её составляют результаты исследования, проведенного кафедрой социологии социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в апреле-мае 2013 года среди учащихся 7-ых, 9-ых и 11-ых классов школ Харькова и Харьковской области. По репрезентативной выборке были опрошены 1909 подростков: 986 школьников всех районов Харькова (54% юношей и 46% девушек) и 923 школьника восьми районов Харьковской области (41% юношей и 59% девушек). Анализ результатов данного исследования проводился по массиву

в целом, а также по группам, выделенным по гендерным характеристикам, классу обучения и месту проживания.

С целью изучения динамики учебных практик школьников мы провели сравнительный анализ данных, полученных в ходе исследования среди подростков Харькова, проведенного в 1999 году тем же творческим коллективом. В рамках этого исследования по репрезентативной выборке было опрошено 1274 респондента (из них: 50,6% девушек и 49,4% юношей). Данные, полученные в 1999 году, мы сравнили с подмассивом данных исследования 2013 года, полученных в ходе опроса школьников г. Харькова (N=986 человек).

В ходе анализа учебных практик школьников мы сосредоточились на изучении, во-первых, их основных элементов, во-вторых – на таком показателе эффективности учебных практик подростков, как их академическая успеваемость, в-третьих, на факторах их актуализации. Среди основных элементов учебных практик мы рассмотрели такие, как посещаемость школьных занятий и выполнение домашних заданий. К факторам актуализации учебных практик мы отнесли ценностные ориентации школьников, мотивацию их учебной деятельности, отношение к учебе, настроение, с которым подросток идет в школу, характер взаимоотношений школьников с одноклассниками и учителями.

Начнем с анализа основных элементов учебных практик школьников. Прежде всего рассмотрим такую составляющую учебных практик, как посещаемость школьных занятий. Согласно результатам исследования 2013 г., практически никогда не пропускали занятия в школе 58% школьников в целом по массиву, 61% подростков, проживающих в области, и 55% городских школьников (для сравнения: в 1999 году таких подростков было 42%). Редко пропускали занятия 37% школьников (в 1999 г. – более 43%), достаточно часто 4% (в 1999 г. – 2%), очень часто – 1% (в 1999 г. – более 12%). Отметим в целом высокую долю школьников, пропускающих занятия.

Интересной оказалась корреляция между такими признаками, как посещаемость занятий и отношение к учебе (см. табл. 1). Как видим, чем чаще подростки посещают занятия, тем больше им нравится учиться. С другой стороны, именно интерес наших респондентов к учебе обуславливает более высокий уровень посещаемости ними школьных занятий. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что половине из тех, кто практически не пропускает занятия, *нравится учиться*, в то же время среди часто пропускающих занятия таковых лишь 20%.

Затруднения с ответом на вопрос о том, нравится ли подростку учиться, свидетель-

ствуует об индифферентном отношении к учебе, неукорененности ценности образования даже среди тех, кто практически никогда либо достаточно редко пропускает занятия.

Анализ такой составляющей учебных практик, как выполнение домашних заданий, показал, что показатель времени, затраченного на выполнение домашних заданий, также коррелирует с показателем отношения подростка к обучению (нравится ли ему учиться) (значимость на уровне 1%, коэффициент Спирмена равен 0,135). Так, среди тех, кому нравится учиться, 53% затрачивают на выполнение школьных заданий 2-3 часа, а 12% - приблизительно 4-5 часов. Среди тех, кому не нравится учиться, 23% опрошенных заданий не выполняют, 42% занимаются приблизительно 1 час.

Сказывается ли объем времени, затрачиваемый подростками на выполнение домашних заданий, на эффективности их учебных практик, главным показателем которой является успеваемость? Как свидетельствуют результаты корреляционного анализа, чем больше школьники затрачивают времени на домашние задания, тем лучше они учатся. Так, среди тех, кто тратит на выполнение домашних заданий по 4-5 часов, доля отличников и хорошистов достигает 55%, среди тех, кто тратит не более часа – 28%. Вызывает тревогу достаточно высокая доля «отличников» (8%) и «хорошистов» (около 13%) среди тех, кто, по их словам, вообще не выполняет домашние задания. Безусловно, среди таких подростков есть определенная часть тех, кому учеба дается легко, кто схватывает и усваивает учебный материал что называется «на лету». Однако такие результаты вызывают сомнения относительно критериев оценивания знаний этой части респондентов учителями и актуализируют вопрос о коррупции в учительской среде, в частности о материальном стимулировании таких действий со стороны родителей подростков.

Анализируя такой показатель эффективности учебных практик подростков, как их академическая успеваемость, мы выявили, что абсолютное большинство школьников как

города, так и области, учится преимущественно на «хорошо» и на «хорошо и удовлетворительно». В области несколько больше тех, кто учится на «хорошо и отлично». По сравнению

Таблица 1

Взаимосвязь между посещаемостью занятий и отношением школьников к учебе (% к ответившим)

Учиться...	Пропускают занятия...		
	...практически никогда	...достаточно редко	...достаточно часто
...нравится	51,0	40,4	20,0
...не нравится	9,6	10,5	40,0
Не смогли дать однозначный ответ	39,4	49,1	40,0
Всего	100,0	100,0	100,0

с юношами, среди девушек в 1,5 раза больше тех, кто учится только на «отлично». «Отличник» и «хорошистик» – 40,5%, а среди юно-

Таблица 2

Взаимосвязь между объемом времени, затрачиваемым на выполнение подростками домашних заданий, и их академической успеваемостью (% к ответившим)

	Задания не выполняют	Около 1 часа	Около 2-3 часов	Около 4-5 часов
Только на отлично	8,5	4,8	6,1	11
На «хорошо» и «отлично»	12,8	23,7	34,7	44,2
Преимущественно на «хорошо»	29,9	37,8	34,2	28,2
На «хорошо» и «удовлетворительно»	29,1	26,3	20,1	11,7
Преимущественно на «удовлетворительно»	19,7	7,4	4,9	4,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

шей их – 30,2% (см.табл.3). Более высокую успеваемость девушек, на наш взгляд, можно объяснить их большей ответственностью, усидчивостью и дисциплинированностью.

Существенные различия в академической успеваемости зафиксированы в зависимости от класса обучения: к 11 классу доля отличников увеличивается почти в 3 раза (с 4% до 11%). Такие результаты в определенной степени можно объяснить тем, что в 10-й класс идут подростки с более высоким уровнем успеваемости, планирующие продолжить свою учебу в высшей школе (так, 83% одиннадцатиклассников планируют в будущем продолжить обучение в вузе).

Результаты нашего анализа также показали, что академическая успеваемость учащихся

Таблица 3
Успеваемость школьников в зависимости от места жительства, пола и класса обучения (% к ответившим)

Учатся...	2013 год								1999 год
	В целом по массиву	Город	Область	7 класс	9 класс	11 класс	Мужской	Женский	Город
...только на «отлично»	6,6	6,4	6,8	4,2	6,2	10,5	4,8	7,7	13,0
...на «хорошо» и «отлично»	29,9	28,3	31,6	31,5	29,0	28,9	26,4	32,9	30,0
...преимущественно на «хорошо»	34,3	35,8	32,7	35,6	31,8	35,9	36,4	36,4	31,0
...на «хорошо» и «удовлетворительно»	22,3	23,0	21,7	21,4	24,8	20,2	23,8	21,7	21
...преимущественно на «удовлетворительно»	6,9	6,5	7,2	7,3	8,2	4,5	8,6	5,3	5

ся связана с их эмоциональным отношением к учебе. Так, 26% «отличников» идут в школу с удовольствием и радостью, в то время среди троечников таковых не более 14%. Более половины школьников, вне зависимости от успеваемости, идут в школу без особых чувств. Отметим и то, что затруднения с ответом возникли прежде всего у тех подрост-

циplin также привлекает большую часть школьников, однако, по отношению практически к каждой из этих дисциплин (за исключением биологии) антипатия проявляется чаще (в 1,5-2 раза), чем симпатия. Оценка предметов гуманитарного цикла более однозначна, и разница между симпатиями и антипатиями к ним положительная.

Таблица 4
Взаимосвязь между академической успеваемостью и отношением школьников к учебе (% к ответившим)

Идут в школу...	Учатся...				
	...только на «отлично»	...на «отлично» и «хорошо»	...только на «хорошо»	...на «хорошо» и «удовлетворительно»	...преимущественно на «удовлетворительно»
...с удовольствием, радостью	26,2	23,9	18,4	14,5	13,5
...без особенных чувств	55,7	55,7	60	62,9	48,4
Необходимость идти в школу угнетает	10,7	7,3	11,6	11,7	20,6
Другое	4,9	4,5	3,3	3,1	4,8
Не смогли ответить	2,5	8,6	6,8	7,9	12,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ков, которые учатся преимущественно на «удовлетворительно» (около 13%), в то время как среди отличников таковых 2,5%. Высока доля подростков-отличников, которых практика посещения школьных занятий угнетает (около 11%). Именно на эту группу учащихся следует обратить особое внимание, поскольку она представляется нам наиболее уязвимой вследствие того, что ее представители могут снизить свою успеваемость (см. табл. 4).

Важным показателем учебных практик школьников является их увлеченность учебными предметами. Согласно результатам исследования, самым любимым предметом опрошенных нами школьников является физкультура (этот предмет назвали 41% респондентов). Блок естественно-научных дис-

Приведенные данные свидетельствуют о значимости гендерного фактора в дифференциации школьников на «гуманитариев» и «естественников». Так, если юношам больше нравятся предметы естественно-научного цикла (математика, физика, информатика), а также физкультура, то девушки предпочитают предметы, связанные с изучением языков и литературы (украинский язык и литература, иностранный язык, русский язык и литература, мировая литература) (см. табл. 5).

Обратимся к анализу факторов актуализации учебных практик. В ходе исследования мы проанализировали отношение школьников к образованию как к ценности. Согласно полученным данным, эта ценность занимает одно из доминирующих мест в ценностном со-

Таблица 5

Отношение подростков к учебным предметам (% к ответившим)

	Нравятся больше всего			Нравятся меньше всего
	В целом по массиву	Юноши	Девушки	
Физическая культура	41,1	56,7	29,5	5,5
Математика	30,0	34,7	26,5	44,4
Украинский язык и литература	20,3	11,6	27,3	10,2
Иностранный язык	20,2	14,8	24	13,4
Биология	17,4	10,8	10,8	7,7
История	17,4	19,3	16,2	10,8
Физика	13,9	18,3	10,3	23,9
Химия	12,6	10	15	26,7
География	9,7	10	9,6	6,9
Русский язык и литература	9,2	5	12,2	7,6
Мировая литература	8,5	5,5	10,8	4,2
Правоведение	7,7	5,9	9	1,6
Информатика	4,5	6,2	3,2	2,2
Экономика	1,9	1,3	1,3	0,6
Человек и общество	0,6	0,5	0,6	0,4

знании учащихся (вне зависимости от места их проживания и класса обучения): третья ранговая позиция после таких ценностей, как *семья* и *здоровье*. Сравнение данных, полученных в 1999 г. и 2013 г., показало рост значимости *образования*: оно переместилось с 7-го на 3-е место в иерархии ценностных ориентаций школьной молодежи. Подобные изменения, с нашей точки зрения, свидетель-

Одним из наиболее существенных факторов актуализации учебных практик является мотивация к обучению, которая выступает импульсом к реализации стратегий целеполагания подростка. Следует иметь в виду, что в силу психологических особенностей современный подросток исходит прежде всего из потребностей собственной личности. Не случайно в мотивации учебы на первом месте сто-

Таблица 6

Мотивы учебной деятельности школьников (% к ответившим)

	2013 год			1999 год
	В целом по массиву	Город	Область	Город
Интерес к изучаемым предметам	56,0	55,4	56,6	47,0
Требовательность учителей	19,1	19,3	19,0	30,0
Желание стать высокообразованным, культурным человеком	61,6	60,9	62,4	-
Чувство собственного достоинства - не хочется быть в числе отстающих	37,2	38,1	36,2	38,0
Стремление лучше подготовиться к дальнейшему обучению (в специализированной школе, лицее, вузах, в том числе за рубежом)	46,5	44,8	48,2	31,0
Контроль со стороны родителей	23,1	23,5	22,7	26,0
Плата, внесенная за обучение	1,7	2,7	0,8	3,0
Что еще?	1,3	1,6	0,9	-

ствуют о трансформации требований рынка труда к соискателям. Так, большую значимость в условиях информационного общества приобретает, в терминологии П. Бурдьё, институционализированный культурный капитал. Зачастую, при выборе между несколькими кандидатами на должность работодатель предпочитает сотрудника с дипломом о наличии высшего образования.

ит *стремление к саморазвитию, самореализации*. 62% ответивших указали, что мотивом их учебной деятельности является *желание стать высокообразованным, культурным человеком*. *Интерес к изучаемым предметам* манифестируют 56% подростков, *стремление лучше подготовиться к дальнейшему обучению (в специализированной школе, лицее, вузе, в том числе за границей)* – 46%.

Исследование показало, что стремление к достижению успеха, саморазвитию и удовлетворению познавательных потребностей оказывает на действия подростка сравнительно большее влияние, нежели так называемая «негативная мотивация», основанная на стремлении избежать воздействия санкций (со стороны учителей – в виде неудовлени-

школьников с более низкой успеваемостью.

Как подчеркивалось выше, важным фактором актуализации учебных практик является отношение подростков к учебе. Проведенный нами анализ показал, что в целом по массиву исследования нравится учиться 46% опрошенным, не нравится – 11%. Вызывает тревогу наличие высокой доли тех, кто не определился в своем отношении к учебе (43%). Это может свидетельствовать о низком уровне адаптированности подростков к школьной среде, что, в свою очередь, чревато неэффективной социализацией подрастающего поколения.

Отметим различия в отношении к учебе школьников города и области. Больше нравится учиться подросткам области, чем школьникам Харькова (50% и 41%, соответственно). Харьковчане, в свою очередь, отличаются большей неопределенностью своего отношения к учебе (46% и 40%, соответственно) (см. табл. 7). Следует отметить, что в последние годы отношение подростков к учебе практически не изменилось.

Таблица 8

Таблица 7
Отношение школьников к учебе (% к ответившим)

Учиться...	2013 год			1999 год
	В целом по массиву	Город	Область	Город
...нравится	45,5	41,4	50,2	43,0
...не нравится	11,3	12,2	10,3	14,0
Не смогли дать однозначный ответ	43,2	46,4	39,5	43,0

тельной оценки, со стороны родителей – вербального либо физического наказания).

Если сравнить данные исследований 2013 г. и 1999 г. (см. табл. 6), то можно увидеть, что, значимость такого мотива, как *интерес к изучаемым предметам*, повысилась. Одновременно практически в 1,5 раза снизилась значи-

мости такого фактора, как *требовательность преподавателя* (с 30% до 19%).

Мотивации учебной активности достаточно тесно коррелируют с академической успеваемостью учащихся. Так, мотив *желание стать высокообразованным и культурным человеком* отмечают 71,5% «хорошистов» и 66,4% отличников. Среди «троечников» на него указали только 37,2% опрошенных. *Интерес к изучаемым предметам и стремление лучше подготовиться к дальнейшему обучению* наиболее значимы для школьников, демонстрирующих наилучшие показатели успеваемости, а *требовательность учителей и контроль со стороны родителей* – для

что свидетельствует о безразличном отношении значительной части подростков к учебному процессу.

Как свидетельствует проведенный анализ, школьники в области чаще идут в школу с *удовольствием, радостью* (25% против 14% школьников в Харькове). *Угнетенное состояние*, обусловленное *необходимостью идти в школу*, чаще испытывают школьники Харькова, чем подростки школ области (12% и 9,5%, соответственно). Следует отметить высокий уровень апатии школьников по отношению к учебе: *идут в школу без особых чувств* до 55% в обеих группах респондентов, что вызывает глубокую обеспокоенность, поскольку свиде-

Таблица 8
Взаимосвязь между отношением школьников к учебе и настроениями, с которыми они идут в школу (% к ответившим)

Идут в школу...	Учиться...		
	...нравится	...не нравится	Не смогли однозначно ответить
... с удовольствием, радостью	33,6	8,0	7,8
... без особых чувств	55,5	46,2	63,6
Необходимость идти в школу угнетает	3,5	34,0	12,9
Другое	2,9	6,6	4,1
Трудно ответить	4,4	5,2	11,6

тельствует об отсутствии интереса к получению знаний – необходимого условия формирования успешной стратегии целеполагания. Анализ гендерных различий в эмоциональном восприятии школы показал, что девушки чаще определяются со своим отношением к школе (доля тех, кто идет в школу *без особых чувств*, меньше аналогичной доли среди юношей – 57% и 61%, соответственно). Девушки чаще, чем юноши, идут в школу с *удовольствием, радостью* (23% и 15%, соответственно), эта практика реже их *угнетает* (14% юношей и 8% девушек).

Подчеркнем, что старшеклассники гораздо реже испытывают *радость* от пребывания в школе, чем семиклассники, а *необходимость идти в школу* угнетает их больше, чем учащихся 7 класса.

Отношение к учебе в значительной мере предопределяет эмоциональную составляющую учебных практик школьников. Так, тем, кому нравится учиться, чаще идут в школу с удовольствием и радостью, чем те, кому учиться не нравится (см. табл. 8).

Эмоциональное отношение подростка к школе во многом зависит от его взаимоотно-

возрасте (особенно на его ранних этапах) ученик редко проявляет инициативу в овладении знаниями, которые он получает в школе. Формирование учебной мотивации, привитие подростку интереса к получению знаний, изучению тех или иных предметов, с нашей точки зрения, во многом зависит от учителя, а именно от его способности вести за собой

Таблица 9

Интенсивность конфликтов подростков с учителями
(% к ответившим)

Вступают в конфликт...	В целом по массиву	Город	Область	Девушки	Юноши
...практически никогда	57,0	55,8	58,4	65,7	46,8
...редко	36,2	36,8	35,6	29,7	44,4
...часто	6,8	7,4	6,0	4,6	8,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

учеников, противодействовать возможному отчуждению, от умения разрешать возникающие в ходе учебного процесса конфликты.

Таблица 10

Интенсивность конфликтов подростков с одноклассниками в зависимости от их пола и места проживания семьи (% к ответившим)

Вступают в конфликт...	В целом по массиву	Город	Область	Девушки	Юноши
...практически никогда	38,0	38,1	37,9	39,3	36,6
...редко	54,5	55,2	53,9	53,4	55,9
...часто	7,5	6,7	8,2	7,3	7,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Наше исследование показало, что конфликты учащихся с учителями чаще отличаются юношей: более половины (55,2%) из них с той или иной степенью регулярности вступают в конфликтные отношения со своими учителями. Городские школьники и подростки

Таблица 11

Взаимосвязь между частотой конфликтов подростков с одноклассниками и их эмоциональным восприятием школы (% к ответившим)

Идут в школу...	Вступают в конфликт...					
	...практически никогда		...редко		...часто	
	с одноклассниками	с учителями	с одноклассниками	с учителями	с одноклассниками	с учителями
...с удовольствием, радостью	24,7	24,4	16,7	13,2	12,2	8,7
...без особых чувств	56,2	58,7	60,9	58,9	46,7	50,1
...необходимость идти в школу угнетает	9,1	6,5	10,3	15,6	25,9	23,8
Другое	3,5	2,8	3,9	4,9	5,8	7,1
Затруднились с ответом	6,5	7,6	8,2	7,4	9,4	10,3

шений со своими сверстниками и учителями. Как правило, в средних учебных заведениях реализуется субъект-объектная модель преподавания, в которой решающее значение имеет деятельность учителя. В подростковом

области конфликтуют со своими учителями примерно в равной степени (см. табл. 9).

Конфликты с одноклассниками, наряду со взаимоотношениями с учителями, также являются важным фактором учебных практик.

Согласно результатам исследования, в целом разногласия между подростками бывают чаще, нежели между учеником и учителем. Так, около 8% опрошенных часто вступают в конфликт со своими одноклассниками, 55% редко конфликтуют с ними (для сравнения: редко конфликтуют с учителями около 37% учеников). При этом юноши отличаются повышенной конфликтностью по сравнению с девушками. Различий в уровне конфликтности школьников города и области зафиксировано не было (см. табл. 10).

Как показал корреляционный анализ, уровень конфликтных отношений школьников со своими одноклассниками и учителями в определенной мере детерминирует их эмоции в восприятии школы. Те, кто практически никогда не конфликтует ни с учителями, ни с одноклассниками, в 2-3 чаще ходят в школу с удовольствием и радостью, и, напротив, часто конфликтующие выражают угнетенные чувства в связи с необходимостью идти в школу в 3-4 раза чаще своих сверстников (см. табл. 11).

Анализ особенностей учебной мотивации подростков, конфликтующих с учителями, показал, что они чаще своих сверстников отмечают значимость такого мотива, как требовательность преподавателей (29,1% среди тех, кто часто конфликтует, 22,4% – редко, 15,2% – кто практически не вступает в конфликт). При этом часто вступающие в конфликт подростки учатся хуже, чем их сверстниками.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о достаточно существенной динамике основных показателей учебных практик школьников Харькова и области за последние 15 лет. Претерпели изменения и факторы актуализации учебных практик подростковой молодежи. Так, значительно повысилась ценностная значимость образования: в иерархии ценностей подростков образование поднялось с 7-го места на 3-е. Среди факторов, стимулирующих учебную активность школьников, все больший удельный вес стали

приобретает такие, как интерес к изучаемым предметам и стремление продолжить свою учебу в вузе. Менее значимым фактором стал такой, как требовательность учителей. Сравнительный анализ данных, полученных в 1999 г. и 2013 г. позволил выявить парадоксальную ситуацию: несмотря на повышение уровня посещаемости занятий, более высокий интерес к учебным дисциплинам, академическая успеваемость школьников за прошедшие 15 лет резко упала: отличников стало в 2 раза меньше: (13% в 1999 г., 6% в 2013 г.). Более того, несмотря на стремление большинства опрошенных подростков (62%) стать высокообразованными, культурными людьми, только 45% нравится учиться и лишь каждый пятый посещает школьные занятия с удовольствием и радостью. Это свидетельствует о том, что далеко не во всех школах сформировавшийся морально-психологический климат удовлетворяет современных подростков. Их повседневные интересы, как свидетельствует исследование, актуализированы прежде всего в досуговых практиках, что совершенно естественно в подростковом возрасте. Учебные практики школьников, проанализированные нами в данной публикации, становятся все менее мотивированными, точнее мотивация обучения приобретает более прагматичный характер и связана не столько с его образовательной ценностью, сколько с меркантильными задачами. Как свидетельствуют материалы исследования* проведенного социологами Харьковского университета имени В. Н. Каразина в 2008-2009 гг., абсолютное большинство выпускников средней школы поступают в вуз в основном для того, чтобы получить диплом [4, С. 16]. Как изменить ситуацию, что нужно сделать для того, чтобы и в школе и в вузе ребята учились не ради оценок и баллов, а ради знаний. Ответы на эти вопросы – важная теоретическая, главное, практическая задача, решение которой требует дальнейших социологических исследований факторов актуализации учебных практик подростковой молодежи.

Литература:

1. Арбеніна В. Л. Стан навчальних практик сучасного студентства як соціокультурний бар'єр модернізації вищої школи України / Віра Арбеніна, Людмила Сокурянська // Український соціологічний журнал. – № 1-2. – 2012. – С. 27 – 47.
2. Бурдые П. Логика практики / Пьер Бурдые // Практический смысл. – СПб.: Алетей, 2001. – С. 156 – 192.
3. Щудло С. Вища освіта у пошуку якості: quo vadis: монографія / Світлана Щудло. – Харків – Дрогобич: Коло, 2012. – 340 с.
4. Українське суспільство у пошуках ідентичності: монографія / за ред. В. Л. Арбеніної, Л. Г. Сокурянської. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. – 520 с.

* Имеется в виду международное социологическое исследование «Проблемы формирования гражданской идентичности украинской молодежи: роль образования как фактора консолидации общества», проведенное кафедрой социологии социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2008-2009 годах под руководством проф. Л. Г. Сокурянської (по репрезентативной выборке в ходе исследования были опрошены 3058 студентов 32 вузов Украины; 628 студентов вузов России и 300 студентов вузов Белоруссии (выборка по России и Белоруссии нерепрезентативная)).

Анатолій Шатохін*доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри соціально-гуманітарних і правових дисциплін Уманського національного університету садівництва***Anatoliy Shatokhin***Doctor of Social Sciences, Full Professor, Head of the Department of Social-Human and Legal Disciplines, Uman National University of Horticulture***Марина Вуйченко***доктор економічних наук, професор кафедри менеджменту Кримського гуманітарного університету (м. Ялта)***Marina Vuychenko***Doctor of Economics, Professor at Department of Management, Crimean University for the Humanities (Yalta)*

СОЦІАЛЬНО-ПРОФЕСІЙНА КАР'ЄРА ВИПУСКНИКІВ УМАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ САДІВНИЦТВА: ДОСЯГНЕННЯ НА РУБЕЖІ ЕПОХ

У статті викладено результати соціологічного моніторингу соціально-професійної кар'єри випускників Уманського національного університету садівництва 1950-2010 років. Визначено відмінності в професійній самореалізації випускників університету 1950-1990 років (радянського періоду) та 1991-2010 років (періоду незалежності). Підкреслено, що ці відмінності головним чином полягають у суттєвій зміні сфери працевлаштування колишніх університетських вихованців. Так, якщо випускники радянського періоду досягли найбільших успіхів у сфері сільського господарства, то випускники періоду незалежності – у сферах, не пов'язаних із отриманою в університеті освітою. Акцентовано значне зниження значущості спеціальних знань, вмінь та навичок, отриманих випускниками університету, для їхньої соціально-професійної кар'єри водночас підвищення впливу кар'єрне зростання інших чинників, зокрема таких, як особиста ініціатива та підприємливість. Зазначено, що результати моніторингу засвідчили високі оцінки випускників Уманського національного університету садівництва рівня своєї професійної підготовки у порівнянні із випускниками інших вищих навчальних закладів, сільськогосподарського профілю.

Ключові слова: вища освіта, соціально-професійна кар'єра, самореалізація особистості.

The results of the sociological monitoring of the social-professional career of the graduates 1950-2010 year of the Uman' national university of horticulture are presented. It is established that there are significant differences in professional career of the university graduates from 1950-1990 («Soviet period») and 1991-2010 («the period of independence») years. They consist mainly in the fact that the graduates of «Soviet period» have reached the greatest successes in the sphere of agriculture, but the graduates «of the period of independence» have reached it in other spheres, not connected with the obtained at the university speciality. In this case the influence on the graduates' social-professional career of the knowledge of special disciplines and skills, obtained at the university, has noticeably decreased and the influence of other factors, especially personal initiative and enterprise, has increased. As a whole the graduates highly evaluate the level of their professional training in comparison with other educational institutions.

Keywords: higher education, social career, self-realization.

В статье представлены результаты социологического мониторинга социально-профессиональной карьеры выпускников Уманского национального университета садоводства 1950-2010 годов. Определены отличия в профес-

сиональної самореалізації випускників університета 1950-1990 років (советського періода) і 1991-2010 років (періода незалежності). Підкреснуто, що ці відмінності головним чином складаються в суттєвих змінах сфери трудоустроювання колишніх університетських вихованців. Так, якщо випускники радянського періода досягли найбільших успіхів в сфері сільськогосподарського господарства, то випускники періода незалежності – в сферах, не пов'язаних з отриманим в університеті освітнім рівнем. Акцентовано увагу на значній зменшенні значимості спеціальних знань, умінь і навичок, отриманих випускниками університета для їх соціально-професійної кар'єри і одночасно підвищенні впливу на кар'єрний ріст інших факторів, зокрема таких, як особиста ініціатива і підприємливість. Підкреснуто, що результати моніторингу зафіксували високі оцінки випускників Уманського національного університету садівництва рівня своєї професійної підготовки порівняно з випускниками інших вищих навчальних закладів, сільськогосподарського профілю.

Ключеві слова: вища освіта, соціально-професійна кар'єра, самореалізація особистості.

Проблема соціально-професійної кар'єри особистості є однією з провідних тем сучасних соціологічних досліджень. Її актуальність для українського суспільства зумовлюється багатьма причинами, насамперед проблематизацією працевлаштування та подальшого кар'єрного зростання, в тому числі фахівців з вищою освітою, в умовах кризових явищ в економіці (зокрема незбалансованості ринку праці), політичної нестабільності, соціальної напруженості. Крім того, суттєві зміни, що відбулися в останні десятиліття у сприйнятті кар'єри та засобів її досягнення на індивідуальному рівні.

З огляду на зазначене вище, метою цієї публікації є визначення факторної зумовленості професійної кар'єри різних поколінь випускників Уманського національного університету садівництва (УНУС).

Реалізуючи цю мету, ми звернулись до порівняльного аналізу даних соціологічних досліджень, здійснених нами протягом останніх 20 років серед випускників нашого вишу, а також до матеріалів аналогічних досліджень вітчизняних та зарубіжних науковців.

Визначимо, що у визначенні основного поняття нашого дослідження – «кар'єра» (франц. *carrier* – віз та італ. *carriera* – біг, життєвий шлях) ми виходимо із його тлумачення як процесу і результату просування особистості в професійній, службовій, науковій, громадській та інших сферах діяльності, як «шлях до успіху» [1, с. 225-226]. В межах наших дослідницьких студій ми також звертались до понять «висхідна кар'єра», «низхідна кар'єра», «зигзагоподібна кар'єра», «нормальна кар'єра», «стрімка кар'єра», «повільна кар'єра» [2, с. 170].

Ефективність соціально-професійної кар'єри індивіда залежить від багатьох об'єктивних і суб'єктивних факторів: рівня і якості освіти, умов професійної соціалізації, стажу і досвіду роботи, цілеспрямованості

особистості, її здатності досягати поставленої мети, долати життєві перешкоди, вміння встановлювати гарні стосунки з колегами і керівництвом тощо. Останнім часом набувають важливого значення такі умови самореалізації особистості, як кардинальні соціально-політичні трансформації нашого суспільства, зовнішня загроза його цілісності тощо. Водночас, як і раніше, велику роль у кар'єрному зростанні відіграють родинні зв'язки (вдалий шлюб, кумівство), знайомства з «впливовими людьми» та «його величність» випадок, щасливий збіг обставин. Врешті-решт, відсутність умов для соціально-професійної кар'єри веде до плинності кадрів, падіння трудової дисципліни, байдужості в ставленні до праці та її результатів.

Українське суспільство, як і будь-яке інше, зацікавлене у соціально-професійній кар'єрі індивідів, оскільки це є необхідною умовою спадковості поколінь, підтримки трудового потенціалу на належному рівні, створення умов для поступального розвитку економіки та суспільства у цілому. Проблеми кар'єрного росту особистості розглядаються представниками різних галузей наукового знання: соціології, психології, економічної науки тощо. У цьому контексті особливе значення мають праці Т. Заславської, Р. Ривкіної, П. Сорокіна, С. Фролова, Я. Щепанського, У. Х'юза. Ці та інші науковці зосереджують свою увагу на соціальних переміщеннях індивідів, їхніх шансах на кар'єру, а також на їхньому усвідомленні, оцінках, цілях і мотивах трудової кар'єри, на типологічному аналізі соціальної кар'єри, діагностуванні професійної спрямованості і перспектив розвитку професійних здібностей особистості, виборі оптимального для неї типу соціальної і трудової кар'єри [2, с. 171]. Так, П. Сорокін досліджував індивідуальну групову соціальну мобільність в економічній, політичній і професійній сферах, оперуючи такими поняттями, як «професійне просуван-

ня», «просування службовими сходінками», «професійне зростання», а також «внутрішньогенераційна соціальна мобільність» (навод. за:[1, с. 225]). У західній соціології вживається також термін «посадова кар'єра» як послідовний прогрес у статусі та доходах, що є важливою умовою функціонування «середнього класу». Вивчається й непрофесійна кар'єра («девіантна кар'єра», «моральна кар'єра») (навод. за:[3, с.277]).

Американський соціолог Росс А. Вебер, досліджуючи шляхи становлення кар'єри в різних сферах суспільного життя, дійшов висновку, що вона має сім фаз, залежно від віку людини. Перша фаза (16-22 роки) – вихід з-під надмірної опіки сім'ї, батьків. Таку можливість дає праця. Це підготовка до кар'єри. Друга фаза (22-29 років) – становлення соціальної зрілості особистості. Формуються соціальні зв'язки, вдосконалюється кваліфікація, створюється сім'я. Третя фаза (29-32 роки) – період пошуку і змін. Четверта фаза (32-39 років) – фаза стабілізації. Людина вже добре знає, на що вона здатна. Більшість людей «знаходять себе», частина продовжує пошуки. П'ята фаза (39-43 роки) – період вичікувань. Для більшості людей це період припинення пошуків «журавля в небі», лише найбільш амбітні продовжують шукати свій шанс. Шоста фаза (43-50 років) – період нового розквіту. Навіть ті, хто досяг бажаного, прагнуть бути корисними в умовах наступу молоді. Сьома фаза (після 50 років) – використання набутого досвіду і життєвої мудрості. Ветерани – основа монолітності трудових колективів (навод. за:[4, с. 218-219]).

Наш власний стаж дослідження професійної кар'єри випускників Уманського національного університету садівництва налічує понад два десятиріччя. За цей період були проведені численні анкетування випускників, які приїжджали на традиційні зустрічі, а також комплексні дослідження студентів та випускників УНУС.

Як свідчать отримані нами дані та соціальна практика, за радянських часів трудова кар'єра випускника аграрного ВНЗ в значній мірі залежала від соціального походження студентів. У середині 80-х років минулого століття три чверті студентів Уманського сільськогосподарського інституту (нині Уманського національного університету садівництва) були вихідцями з сімей колгоспників і працівників радгоспів, а також спеціалістів сільського господарства, переважна більшість яких теж закінчили наш інститут. Продовження хліборобських традицій батьків було важливим мотивом обрання сільськогосподарського вишу.

У 1990-х роках ситуація помітно змінилася, що стало результатом трансформації соціальної структури українського суспільства. На межі тисячоліть, як свідчать наші дослідження, лише половина батьків абітурієнтів працювала у сільському господарстві. Решта представляла інші соціальні групи: службовців, підприємців, працівників торгівлі, освіти, охорони здоров'я [5, с. 129-130].

На початку другого десятиріччя XXI століття, як показують останні дослідження, прагнення сільської молоді продовжити справу батьків-хліборобів ледь помітні [5, с.252]. Зміни в стартових соціальних позиціях позначилися на результатах реалізації життєвих стратегій спеціалістів. За даними опитування 472 випускників 1950-1985 років, 30% з них працювали в колгоспах і радгоспах, 27% – у керівних органах Агропрому, 18% – у сільськогосподарських ВНЗ і технікумах, 14% – у сільськогосподарських НДІ та лабораторіях, 7% – у державних адміністраціях. Третина респондентів обіймала посаду головних і провідних спеціалістів, 12% були головами колгоспів, 10% працювали в інших державних та сільськогосподарських органах на керівних посадах [6, с. 236].

Останні опитування випускників УНУС були проведені у 2011-2014 рр. (n=226). Результати анкетного опитування та аналіз інших особистих документів випускників дають підстави вважати, що наш навчальний заклад готує висококваліфікованих спеціалістів, переважна більшість яких досягла значного рівня соціально-професійної самореалізації. У цьому контексті зазначимо, що Уманський національний університет садівництва заснований у 1844 р., тобто 170 років тому. Серед наших випускників 23 Герої соціалістичної праці, Герой Радянського Союзу, Герой України, кавалер усіх ступенів Ордена «Слави», тисячі випускників нагороджені орденами і медалями, мають почесні та наукові звання.

Тільки серед тих випускників, які заповнили анкети, такі відомі в Україні та за її межами фахівці, як В. К. Рябчун – доктор біологічних наук, професор, лауреат Державної премії в галузі науки і техніки, заступник директора Інституту рослинництва НААНУ (випускник 1974 р.); А. П. Ісаєв – доктор сільськогосподарських наук, професор, Заслужений діяч науки Кубані, завідділом НДІ в Краснодарі (випускник 1955 р.); орденосці Ю. Г. Ворожчук – головний агроном сільгоспідприємства в Уманському районі (випускник 1961 р.); І. Ф. Горячок – голова колгоспу в Кам'янець-Подільському районі (випускник 1956 р.); Л. А. Гаврилюк – про-

фесор УНУС (випускник 1961 р.); А. Д. Кучер (випускник 1960 р.); О. Д. Пшеничний (випускник 1956 р.); А. С. Оніщенко – голова колгоспу (випускник 1961 р.); заслужені працівники сільського господарства А. В. Белюк (випускник 1984 р.); В. І. Поліщук – директор СТОВ (випускник 1976 р.).

1,3% – у політичній діяльності. Майже кожен п'ятий респондент (18,8%) найбільших успіхів досяг у сімейно-побутовій сфері, вихованні дітей.

Наше дослідження виявило помітні відмінності у соціальній кар'єрі та самореалізації випускників 1950-1990 років (радянських часів) та 1991-2010 років (часів незалежності) (див. табл. 1).

Як бачимо, найбільш суттєві відмінності стосуються самореалізації наших випускників у сільськогосподарському виробництві (54,1% проти 32,8%), в управлінській (19,4% проти 29,0%) та науково-педагогічній діяльності (13,3% проти 6,9%), у розв'язанні сімейно-побутових проблем (16,3% проти 20,6%). Тобто представники старшого покоління досягли більших успіхів у виробничій та науково-педагогічній діяльності, а молодого покоління – в сімейно-побутовій та управлінській сферах.

Це підтверджують й результати професійного просування випускників нашого ВНЗ. Кожен четвертий (25,5%) випускник радянського періоду працював на посаді голови колгоспу, КСП, директора радгоспу; майже половина (41,5%) – головним спеціалістом управлінь сільського господарства та сільськогосподарських підприємств; кожен п'ятий (19,2%) керував відділенням або бригадою; 14,3% випускників працювали у ВНЗ та НДІ; 5,1% – головою адміністрації і сільською головою. Для порівняння: серед випускників періоду незалежності керівників сільгоспідприємств – 14,5%, головних спеціалістів – 38,9%, приватних підприємців – 15,0%.

Більше половини наших випускників (58,1%) вважають свій життєвий шлях досить

Таблиця 1
Сфери суспільного життя, в яких випускники університету, за їхнім визнанням, досягли найбільшого успіху
(%* до опитаних)

	Випускники	
	1950-1990 рр.	1991-2010 рр.
У сільськогосподарському виробництві	54,1	32,8
В управлінській діяльності	19,4	29,0
У науково-педагогічній діяльності	13,3	6,9
У політичній діяльності	-	2,3
У сімейно-побутовій сфері	16,3	20,6
Інше	1,0	9,2
Немає відповіді	9,2	8,4

*можна було дати декілька варіантів відповіді

Таблиця 2
Самооцінки респондентів результативності своєї професійної діяльності
(% до опитаних)

	Випускники	
	1950-1990 рр.	1991-2010 рр.
Змогли повністю реалізувати свій професійний і творчий потенціал	24,6	15,3
В основному досягли того, чого прагнули	40,8	37,4
Не повністю реалізували свої плани і можливості	23,5	37,4
Професійна кар'єра не вдалася	3,1	3,8
Немає відповіді	8,2	6,1

Таблиця 3
Чинники, які, на думку респондентів, сприяли їхньому професійному і життєвому успіху (% до опитаних)

	Випускники	
	1950-1990 рр.	1991-2010 рр.
Професійні знання, одержані на заняттях із спеціальних дисциплін	67,3	54,2
Гуманітарні знання, одержані на кафедрах соціально-політичних дисциплін	11,2	3,8
Знання, одержані на кафедрах загальноосвітніх дисциплін	12,2	12,2
Участь у творчих колективах на факультеті громадських професій	9,2	9,2
Власна ініціатива і наполегливість	33,7	40,5
Дружні зв'язки із впливовими людьми	4,1	7,6
Вдалий шлюб, родинні зв'язки	15,3	7,6
Випадок	-	6,9
Інше	-	4,6

За отриманими нами даними, майже 42% випускників зробили успішну кар'єру в сільському господарстві, 24,9% – в управлінській діяльності, 9,6% – у науково-педагогічній,

вдалим, решта – в чомусь вдалим, в чомусь ні. Однак по виділеним нами групам розбіжності дуже значні: якщо серед випускників 1950-1990 років задоволені своїми досягненнями дві третини (65,4%), то серед випускників 1991-2010 років – лише 39,7%. Серед тих, хто вважає свою професійну кар'єру не зовсім вдалою або зовсім невдалою, випускників радянських часів дещо більше чверті (26,6%), часів незалежності – 41,2%. Оцінки випускниками своєї професійної самореалізації представлені в таблиці 2.

Зрозуміло, що у цих двох когорт не однакова дистанція життєвої самореалізації, проте, на наш погляд, можна констатувати, що випускники минулих років мали помітно кращі умови для цього, ніж випускники останнього двадцятиріччя.

Відрізняються відповіді випускників різних років щодо основних чинників їхнього професійного успіху (або невдачі). Головний чинник – це професійні знання, одержані зі спеціальних дисциплін (на це вказали – 59,8% опитаних). Однак, якщо серед випускників 1950-1990 років на це вказують дві третини респондентів (67,3%), то серед випускників 1991-2010 років – лише половина (54,2%). Позитивне значення для кар'єри, на думку опитаних, мали також знання з загальноосвітніх (12,2%) та соціально-політичних дисциплін (7,0%), знання, отримані на факультеті громадських професій (9,2%), дружні зв'язки з впливовими людьми (6,1%), вдалий шлюб, родинні зв'язки (10,9%), щасливий випадок (3,9%). Водночас значна частина (37,6%) наших респондентів дякують власній ініціативі та наполегливості (33,7% та 40,5%, відповідно) у досягненні соціально-професійної кар'єри (див. табл. 3).

Наші випускники в цілому задоволені якістю одержаної освіти. Як високу або вище середньої оцінюють якість підготовки фахівців у нашому університеті (у порівнянні з іншими ВНЗ) 78,6% випускників. Кожний десятий (9,6%) з опитаних вважає якість підготовки, яку вони отримали в УНУС, як середню або нижче середньої, стільки ж (11,8%) ухилилися від відповіді (див. табл. 4). Особливо часто випускники нарікають на недостатній рівень практичної підготовки, недостатню вимогливість викладачів тощо.

Таким чином, здійснене нами дослідження дозволило дійти таких висновків.

1. Проблема соціально-професійної кар'єри полягає у відсутності умов для ефектної професійної соціалізації та самореалізації особистості, для забезпечення спадковості та поступального розвитку трудового по-

тенціалу країни. Вирішення цієї проблеми залежить від низки об'єктивних і суб'єктивних чинників, перш за все від подолання кризових явищ в економічній та політичній сферах життєдіяльності нашого суспільства, а також від розвитку власної ініціативи та підприємливості випускників вишів.

2. Як свідчать результати здійснених нами соціологічних досліджень, за радянських часів трудова кар'єра випускника аграрного ВНЗ в значній мірі залежала від соціального походження студентів. Продовження хліборобських традицій батьків було важливим мотивом обрання сільськогосподарського вишу. У 90-х роках ситуація помітно змінилася, що стало результатом трансформацій

Таблиця 4

Оцінка респондентами якості підготовки фахівців в УНУС у порівнянні з іншими аграрними ВНЗ
(% до опитаних)

	Випускники	
	1950-1990 рр.	1991-2010 рр.
Висока	59,2	55,0
Вище середньої	20,4	22,9
Середня	6,1	11,4
Нижче середньої	-	0,8
Немає відповіді	14,3	9,9

соціальної, у тому числі професійної, структури українського суспільства. На межі тисячоліть лише половина батьків студентів Уманського національного університету садівництва працювала у сільському господарстві. За сучасних умов лише незначна частина сільської молоді прагне продовжити справу батьків-хліборобів.

3. Зміни в стартових соціальних позиціях позначилися на результатах реалізації життєвих стратегій фахівців з вищою сільськогосподарською освітою. За отриманими нами даними, майже половина випускників УНУС змогла зробити кар'єру в сільському господарстві, кожен четвертий - в управлінській діяльності, кожен десятий - у науково-педагогічній діяльності, майже кожен п'ятий респондент самореалізувався у сімейно-побутовій сфері.

4. Дослідження виявило суттєві відмінності соціально-професійної самореалізації випускників радянського періоду (1950-1990) та періоду незалежності (1991-2010), які перш за все пов'язані зі сферою кар'єрного росту. Так, представники старшого покоління досягли більших успіхів у виробничій та науково-педагогічній діяльності, а випускники часів незалежності – в управлінській та сімейно-побутовій сферах.

5. Більше половини всіх опитаних випускників вважають свій життєвий шлях вдалим. Що стосується виокремлених нами груп, то се-

ред випускників 1950-1990 років задоволених своєю кар'єрою дві третини, серед випускників 1991-2010 років – менше половини. Серед тих, хто вважає свою професійну кар'єру не дуже вдалою, випускників радянських часів дещо більше чверті, випускників часів незалежності – близько половини.

6. Відрізняються думки випускників різних років й стосовно основних чинників їхнього професійного успіху (або невдачі). З погляду наших респондентів, головний чинник досягнення професійних висот – це якісна освіта, високий рівень отриманих фахових

знань, вмінь та навичок. Цей чинник серед випускників 1950-1990 років зазначили дві третини опитаних, серед випускників 1991-2010 років – лише половина.

7. Опитані нами випускники в цілому задоволені якістю освіти, яку вони отримали в університеті. Це перш за все стосується їхньої теоретичної підготовки. Проте є чимало нарікань на недостатній рівень практичної підготовки до реалізації професійних функцій, що потребує суттєвого поліпшення змісту, форм і методів навчально-виховної роботи з підготовки фахівців аграрного профілю.

Література

1. Соціологія: короткий енциклопедичний словник / Укл. : В. І. Волович, В. І. Тарасенко, М. В. Захарченко та ін. за заг. ред. В. І. Воловича. – К. : Укр. центр духовн. культури, 1998. – 736 с.
2. Соціологічна енциклопедія / Укл. В. Г. Городяненко. – К. : Академ-видав, 2008. – 456 с.
3. Большой социологический словарь (Collins) / Д. Джері, Дж. Джері. Т.1 (А-О). [пер. с англ.]. М. : Вече-АСТ, 2001. – 544 с.
4. Герасимчук А. А. Соціологія: навч. посібник / А. А. Герасимчук, Ю. А. Палеха, О. М. Шиян. – 4-е вид., випр. й доп. – К. : Вид-во Європейського ун-ту, 2004. – 246 с.
5. Шатохін А. М. Соціологія села / А. М. Шатохін. – К. : Науковий світ, 2000. – 271 с.
6. Шатохін А. М. Як змінилось студентство аграрних ВНЗ за чверть століття: нові цінності та пріоритети / Шатохін Анатолій Миколайович // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2011. – №941. Вип. 27: Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. – С. 251 – 256.

Jil Owczarzak*Department of Health, Behavior, and Society, Johns Hopkins Bloomberg School of Public Health (Baltimore, USA);***Sarah Phillips***Department of Anthropology, Indiana University (Bloomington, USA);***Olga Filippova***Department of Sociology, V.N. Karazin Kharkiv National University (Kharkiv, Ukraine)*

NONGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS AS AGENTS OF HIV-PREVENTION SERVICE PROVISION IN UKRAINE

Nongovernmental organizations constitute the only significant source of HIV prevention services in Ukraine. Many of these organizations were founded by and continue to be staffed by members of the populations most at-risk for HIV infection, particularly injection drug users. As these agencies develop and mature since their founding in the 1990s and early 2000s, their founders, directors, and staff increasingly occupy a liminal space in which they struggle to define themselves as HIV professionals with expertise in both the risks their clients face and their everyday needs, and the globalized world of HIV prevention financing and program development. This paper explores the ways in which HIV prevention service providers in Ukraine work to define this liminal space as one that enables them to traverse two seemingly disconnected worlds – one of international donors and national monitors and another of marginalized and vulnerable substance users. They formulate themselves not as elites but as experts through trainings, certifications, and networking with other similarly liminal service providers through national and international conferences, and continued expansion and refinement of services for their clients. At the same time, they remain cut off from the «inside knowledge» and decision-making power of the «true» elite, represented by AIDS clinic physicians, pharmacists, and other medical providers who control access to substitution therapy, antiretroviral medications, and other critical services and resources.

Key words: NGO, HIV prevention, HIV professionals, expertise, experts, elites.

В статье анализируется деятельность неправительственных организаций (НПО), которые являются одним из важнейших ресурсов услуг по профилактике ВИЧ в Украине. Подчеркивается, что в последнее время НПО в странах Восточной Европы часто классифицируются как принадлежащие к классу «элит», которые действуют как «агенты западных метрополий в своих странах» и характеризуются как высокооплачиваемые профессионалы с космополитическими взглядами, моделями потребления и образа жизни. Такой предполагаемый «элитарный» характер сектора НПО приводит к предположениям, что они не могут адекватно удовлетворять потребности самых уязвимых групп населения. Акцентируется внимание, что в Украине многие из неправительственных организаций, занимающиеся ВИЧ-проблемами, были созданы и продолжают включать сотрудников из числа групп населения, наиболее подверженных риску инфицирования ВИЧ, в частности потребителей инъекционных наркотиков. Показано, что учредители, директора и сотрудники этих организаций занимают лиминальное пространство, в котором они борются за то, чтобы определить себя как ВИЧ-профессионалов, имеющих экспертный опыт как в области рисков, с которыми сталкиваются их клиенты в повседневной жизни, так и в глобализованном мире финансирования профилактики ВИЧ-инфекции и разработки программ вмешательств. Исследуются способы, которые используют в своей работе поставщики услуг по профилактике ВИЧ в Украине для того, чтобы определить это лиминальное пространство как такое, что позволяет им пересечь два, казалось бы, несвязанных мира – мир международных доноров и национальных мониторингов и мир маргинальных и уязвимых потребителей психоактивных веществ. На основе результатов полевого исследования обосновывается идея о том, что сотрудники НПО определяют себя не в качестве «элит», а как экспертов, осуществляющих тренинги, сертификации и взаимодействие с другими такими же поставщиками услуг через национальные и международные конференции и дальнейшее расширение и уточнение услуг для своих клиентов. В то же время, они остаются «отрезанными» от «внутренней информации» и полно-

мочий по прийняттю рішень «істинної елітой» в лице клінічних лікарів по боротьбі со СПИДом, фармацевтів і других медичних працівників, які контролюють доступ до замісної терапії, антиретровірусним препаратам і другим важливим послугам і ресурсам. Аналізується, в якій ступені розгляд НПО в якості еліт і в отрыве от локального контекста являється методологічним артефактом, свого роду продуктом співпраці НПО і міжнародних дослідників, а не відображенням реальної, дуже складної роботи, яку продовжують здійснювати НПО, виконуючи роль «моста» між усіма зацікавленими сторонами в боротьбі з ВІЧ.

Ключевые слова: НПО, ВІЧ-профілактика, ВІЧ-професіонали, експертиза, експерти, еліта.

У статті аналізується діяльність неурядових організацій (НУО), які є одним з найважливіших ресурсів послуг з профілактики ВІЛ в Україні. Підкреслюється, що останнім часом НУО в країнах Східної Європи часто класифікуються як такі, що належать до класу «еліт», що діють як «агенти західних метрополій у своїх країнах» та характеризуються як високооплачувані професіонали з космополітичними поглядами, моделями споживання і способу життя. Такий передбачуваний «елітарний» характер сектору НУО призвів до припущень, що вони не можуть адекватно задовольняти потреби найуразливіших груп населення. Акцентується увага на тому, що багато неурядових організацій, що займаються ВІЛ-проблемами в Україні, були створені і продовжують включати співробітників з числа груп населення, найбільш схильних до ризику інфікування ВІЛ, зокрема споживачів ін'єкційних наркотиків. Показано, що засновники, директори та співробітники цих організацій, займають лімінальний простір, в якому вони борються за те, щоб визначити себе як ВІЛ-професіоналів, які мають експертний досвід як в області ризиків, з якими стикаються їхні клієнти у повсякденному житті, так і в глобалізованому світі фінансування профілактики ВІЛ-інфекції та розробки програм втручання. Досліджуються способи, які використовують у своїй роботі постачальники послуг з профілактики ВІЛ в Україні для того, щоб визначити цей лімінальний простір як такий, що дозволяє їм перетинати два, здавалося б, незв'язаних світи – світ міжнародних донорів і національних моніторингових та світ маргінальних і вразливих споживачів психоактивних речовин. На основі результатів польового дослідження обґрунтовується ідея про те, що співробітники НУО визначають себе не в якості «еліт», а як експертів, які здійснюють тренінги, сертифікації та взаємодії з іншими такими ж постачальниками послуг через національні та міжнародні конференції та подальше розширення і уточнення послуг для своїх клієнтів. У той же час, вони залишаються «відрізнаними» від «внутрішньої інформації» та повноважень щодо прийняття рішень «істинною елітою» в особі клінічних лікарів з боротьби зі СНІДом, фармацевтів та інших медичних працівників, які контролюють доступ до замісної терапії, антиретровірусних препаратів та інших важливих послуг і ресурсів. Аналізується, якою мірою розгляд НУО в якості еліт і у відриві від локального контексту є методологічним артефактом, свого роду продуктом співпраці НУО та міжнародних дослідників, а не відображенням реальної, дуже складної роботи, яку продовжують здійснювати НУО, виконуючи роль «мосту» між усіма зацікавленими сторонами в боротьбі з ВІЛ.

Ключові слова: НУО, ВІЛ-профілактика, ВІЛ-професіонали, експертиза, експерти, еліта.

Introduction. This research¹ draws on interviews and field notes collected as part of a larger study² on the development of effective HIV prevention programs for NGOs that work people who inject drugs in Ukraine. Both HIV and substance use are significant public health problems in Ukraine. Annual HIV cases have doubled each year since 2000. In 2011, 38.4% of new infections

occurred among people who inject drugs [3; 4]. The rapid increase in HIV and substance use in the region has been attributed to economic decline, decreased police controls and increased drug availability, stigma and lack of support of substance users and people living with HIV/AIDS, and lack of a robust public health response to the epidemic. The inadequate government response to HIV is compounded by the continued criminalization of drug users, police interference in the work of NGOs, and mistreatment of people who have HIV and people who use drugs by medical and other professionals. In fact, the Ukrainian government's response to the epidemic has been so poor and mired in fiscal and other mismanagement that major international donors, including the Global Fund, no longer give money to the government for

¹ Support for this project comes from the United States' National Institutes of Drug Abuse (R01DA033644).

² For more information about the research see: «Collaborating with Ukrainian NGOs: through Researching and Training to Develop Effective, Evidence-Based HIV Prevention Programs for Drug Users» [1] and «A novel, bottom-up approach to promote evidence-based HIV prevention for people who inject drugs in Ukraine: protocol for the MICT ('Bridge') HIV prevention exchange project» [2].

HIV-related programs. Instead, the Global Fund partnered with several national nongovernmental organizations, including the International HIV/AIDS Alliance and the Network for People Living with HIV/AIDS, and then distributed funds to regional and local sub-grantee NGOs. Yet, the 2013-2014 events that have been called the 'Ukrainian Crisis', and subsequent armed conflict in Ukraine brought new challenges to the NGOs working on HIV issues [5].

It is from this cadre of local and sub-grantee NGOs that we recruited agencies to participate in our study. We work with 8 organizations from cities³ in Ukraine with the highest HIV and substance use rates in the country, particularly the eastern and southern regions. We purposely recruited NGOs to reflect real-world variability in terms of agency history, size, mission, and context. In May and June 2013, we conducted a total of 39 in-depth interviews with staff and directors at the organizations, and conducted multi-day site visits at each agency. The interviews explored the history of the NGO, current and future agency goals, the interviewee's personal history of involvement in HIV prevention, and experience working with drug users. During the site visits, researchers accompanied staff on street-based outreach efforts, mobile van trips with the purpose of needle exchange and other harm reduction related activities, and spent time at agency community centers.

Methodological point of departure. NGOs in Eastern Europe are frequently categorized as belonging to a class of «elites that act as «agents of Western metropolises in their countries [6] characterized as highly paid professionals affiliated with cosmopolitan attitudes, consumption patterns, and lifestyles. The use of NGOs to address health problems has been criticized for funneling resources primarily to elites and undermining already atrophied public sector health systems and solutions [7; 8]. The presumed «elite» nature of the NGO sector has led to suggestions that it cannot adequately meet the needs of the most vulnerable populations [7].

Based on our preliminary field data, we question the extent to which the vision of NGOs as elite and removed from the local context is a methodological artifact—a product of the type of NGOs that may engage with international researchers—rather than a reflection of the real, challenging work NGOs continue to do and the important role of «bridge» they serve between key stakeholders in fighting HIV. As we illus-

trate below, the skills required to successfully reach and engage with difficult clients contrast with those necessary for success if NGOs are viewed as an «elite formation» In this paper, we use the areas of personal backgrounds, training and certification, and collaboration to challenge a model of NGOs as elite structures. We highlight the ways in which these agencies' founders, directors, and staff increasingly occupy a liminal space and work to define this space as one that enables them to traverse two seemingly disconnected worlds – one of international donors and national monitors and another of marginalized and vulnerable substance users.

Preliminary research findings. In this paper we focus on two issues that are important for the reflection of the NGO's role in HIV prevention service provision, and which have been underestimated in other research and policy-making: personal background and education and certification. We regard personal background and certification as individual and institutional factors that shape who gets involved in HIV prevention service provision and how their involvement is legitimized. Inclusion of these factors in our analysis allows us to explore how NGO staff define their own self-positioning in a liminal space of encounters of disconnected worlds – one of international donors and national monitors and another of marginalized and vulnerable substance users.

Personal Backgrounds. The directors, staff, and volunteers of Ukrainian HIV prevention and substance use organizations come to work in this field and for HIV-focused NGOs from diverse work, life, and educational backgrounds and for myriad motivations. While some are current or former drug users, many others are not. As one program director suggested, people do not work in HIV service organizations «by accident» (Mykolaiv, Interview with IDU director). In general, staff and directors came to work in these organizations and on these topics not as stepping stone to higher paying⁴ or more prestigious work but through personal connections to and experiences with HIV or substance use issues. In fact, a good number of agency personnel we interviewed had left more prestigious and better-paid professional positions to pursue NGO-based advocacy. In the context of working with and developing programs for substance users and people living with HIV, being close to the community and understanding their lives and problems – particularly based on personal experience – is a highly valued asset.

The staff at one HIV service NGO in a mid-sized industrial city invited us to ride along

³ Dnipropetrovsk, Kyiv, Mykolaiv, Odesa, Poltava, Simferopol, Slavyansk, Zaporizhia. The first phase of the research have been conducted in 2012 – 2013, before the annexation of Crimea, and Simferopol has been included as an Ukrainian city.

⁴ In fact, however, some did come to NGOs for better pay (Mykolaiv coordinator interview; Simferopol resource center director).

with them on the mobile outreach route, a bus from which social and medical workers offered a range of services to the NGOs clients. That day the destination was the city's ring road, where rendezvous had been scheduled with two groups of commercial sex workers, many of whom also were injecting drug users. At the first rendezvous spot, our guide Alina bounded out of the van and invited clients into the van one-by-one to receive services, including needle exchange, condom distribution, and HIV/STD testing. We asked Alina what is most challenging about outreach work. She said, «It's really hard when clients are high, and not in a state of mind to absorb the information they are getting». She admitted that working in HIV prevention services is physically and emotionally taxing, and said the most rewarding aspect is when clients begin to change their lives, and their health improves. As we approached the second agreed-upon stop, Alina noticed that the highway police were hanging about. Fearing for clients' safety, Alina aborted the stop and we returned instead to the agency's office.

When we resumed our interview with Alina later that day, we learned that although Alina had begun her tenure at the NGO as a social worker, now she was «coordinator of prevention programs», a role that meant she coordinated all of the NGO's projects. She characterized herself as «sort of the public face of the organization's project activities». Although Alina was not expected to work in the mobile clinic herself, she explained that she often did so because remaining involved in the lives of CSWs is still very rewarding for her. Alina explained that she enjoyed the opportunity to do different kinds of work, including oral surveys with injection drug users as part of research projects and participating in and developing trainings to build new programs for the agency. Alina and others traversed a broad 'territory' of activist duties. During our site visits, we witnessed staff working «in the trenches» with injecting drug users during outreach activities and then returning to the agency to finish organizational duties such as project administration and training development. The staff we interviewed did not see such outreach as incongruent with their other organizational duties but rather as integral to them.

Legitimization through certification. In addition to HIV-related training, staff, directors, and volunteers can be trained and certified in a wide range of topics and skills, including harm reduction strategies, management, program evaluation, advocacy for drug users, group facilitation, legal issues, case management, and publishing (Mykolaiv IDU director; Odessa, HIV prevention director).

Importantly, countering previous critiques [9; 10; 11], these trainings should not be viewed

as top-down information dissemination programs in which information and knowledge flows from the «elites» to the «non-elites.» Indeed, it was not uncommon to hear of training programs in which doctors, law enforcement, and other elite personnel were the initiates, and HIV service providers, including former and current commercial sex workers and drug users and their advocates, were the experts. In general, we were struck by the extent to which agency staff genuinely value these trainings, for a variety of reasons. On the one hand, training, skill-building, and programming innovation are seen as ways to improve an agency's grant proposals and help them achieve or maintain stable funding for their programs. Similarly, trainings are valued as a way for agencies to stay up-to-date on the newest approaches to HIV prevention and substance abuse. On the other hand, trainings are an important venue through which NGOs share their own ideas, information, and experiences with others working in the field and learn different approaches being used by other agencies (Mykolaiv IDU director interview).

Perhaps more powerful is the way in which NGOs use certification and professionalization to legitimize their work with some of the most marginalized and neglected populations in Ukraine. The HIV prevention sphere is decidedly marginalized due to the stigma associated with people who have the disease and the populations at greatest risk. As the HIV prevention director of one organization (Odessa) lamented, state and local governments do not value their work and social workers are not respected, primarily evidenced by the low pay of social workers (Kyiv MIO interview). Legitimizing their work is important given that medical providers – and others who control necessary resources for those populations that agencies work with, including police and other authorities – often have negative views of NGOs' clients (HIV patients, drug users, sex workers, marginally housed) (Odessa, Dnipropetrovsk director interview, Odessa). One strategy is to *conduct trainings* – in addition to *attending trainings* – to legitimize the work of NGOs and their perspective on drug users and HIV. Particularly striking was one agency that engaged active drug users and HIV-positive clients to conduct trainings with medics and other health care professionals to promote new, ethical ways of treating HIV-positive or substance-using patients (Mykolaiv Field notes 5/17/13; Mykolaiv IDU director interview).

Views from 'inside': bridging worlds. Ukrainian HIV service providing NGOs simultaneously struggle to maintain their original goals and proximity to those most in need of their services, and embrace the potential opportunities that national and international organizations,

fundings, and researchers represent. Research-derived, evidence-based programs are seen as something to enhance and improve services, and in some cases something that agencies seek out rather than as something imposed on them (Dnipropetrovsk, Interview with program coordinator). At the same time, some agencies carefully deliberate whether to submit applications for new projects or respond to calls for proposals, considering the extent to which they can connect with new target groups, continue to serve existing clients, or maintain cooperative rather than competitive relationships with other agencies in the area (e.g., Mykolaiv IDU director interview; Poltava field notes 5/24). This agency-driven model of program development, however is not true of all NGOs working on these issues. One Associate Director explained that their HIV prevention programs have always been donor driven, and even strong, innovative proposals are dismissed by funders in favor of programs that meet the funder's agenda (Simferopol interview with Associate Director).

Entities such as the Alliance are an important source of information, for example regarding epidemiological trends and programming ideas, including manualized «pre-packaged» interventions. But as potentially valuable as such information and programming guidance is, it is not always feasible to implement things in a step-by-step way (Odessa, HIV prevention director). Moreover, while national or regional initiatives may prompt agencies to focus on particular topics or strategies with clients, sometimes these efforts are more performative until the «real» work of the agency can be conducted. In one telling example observed during a street outreach program, a social worker tried to implement the «theme of the week» by asking clients about tuberculosis symptoms and hepatitis awareness. The majority of clients dismissed the hepatitis information and TB survey, making jokes at every turn and turning the whole exercise into a painful farce for the social worker. However, the social workers still held private consultations with each client under the guise of «having a cigarette» together and discussed lingering health issues, family matters, and other pressing concerns with clients (Dnipropetrovsk Field notes, 5/28). This example highlights the potential divide between donors' agendas and the real, everyday needs of agency clients, and the ways in which service providers juggle to incorporate both into their work.

Conclusion. The Ukrainian NGOs we encountered during our research bear very little resemblance to a «new elite» of English-speaking

experts or a class of «deskilled volunteers» or technocratic specialists [6]. Rather, the NGO staff and directors have very specific skills that are difficult to reproduce through trainings but that are built through first-hand experience with marginalized populations. From this perspective, perhaps it is more accurate to view NGOs' role (as it is seen from 'inside' of NGOs – by their staff) as «bridges» or «nodes,» bringing together international donors, police, clients, government, and medical providers. However, this «symbiotic» relationship (Kyiv, Associate Director interview) remains elusive, evidenced by persistent tensions over who should receive and distribute funding from international donors, which agencies should serve as the coordinating body of country and regional HIV programs, and who is best suited to deliver services to populations in need – NGOs, medical providers, or the government. Several interviewees at various agencies raised questions about who should be responsible for HIV prevention in general. They concluded that it should be the responsibility of the state but in the absence of a competent cadre of workers in the state sphere to do the work, NGOs stepped in to fill this role. Moreover, the general lack of flexibility NGO staff are given by funders – particularly the Alliance – to innovate in programs and agency focus, suggests a hierarchy of NGOs in which money is funneled to on-the-ground HIV service providing NGOs through large coordinating and monitoring organizations that have access to funding streams and the international sphere but are largely detached from clients and the messier, less glamorous aspects of HIV prevention and harm reduction.

It is important to keep in mind that while the NGOs in our study have carved out a particular niche in which they are navigate the worlds of their clients, state medical systems and bureaucracies, and national and international donors, on the whole such NGOs involved in HIV and substance use issues have little prestige due to the stigmatized nature of their clients and their problems. The role of NGOs in HIV prevention in Ukraine and their relationship to each other, the government, and national and international organizations is called into question as the Global Fund contemplates withdrawing support for HIV prevention in Ukraine in the near future. How such an abrupt disappearance of support for these organizations will affect the HIV prevention landscape in Ukraine, and which NGOs survive the withdrawal of international donor funds may provide even more answers to questions of elite versus non-elite NGOs.

References

1. Owczarzak J. Collaborating with Ukrainian NGOs: through Researching and Training to Develop Effective, Evidence-Based HIV Prevention Programs for Drug Users» / Owczarzak J., Phillips S., Filippova O. // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*. Випуск 20. – Харків. – 2014. – С. 259 – 262.
2. Owczarzak J. A novel, bottom-up approach to promote evidence-based HIV prevention for people who inject drugs in Ukraine: protocol for the MICT ('Bridge') HIV prevention exchange project» [Electronic resource] / Owczarzak J., Phillips S., Filippova O. // *Implementation Science* 2014, 9:18. – Way of access : <http://www.implementationscience.com/content/9/1/18>
3. Booth R. E. Interventions with injection drug users in Ukraine / Booth R.E., Lehman W., Dvoryak S., Brewster J.T., Sinitsyna L. // *Addiction*. – 2009. – 104. – P. 1864 – 1873.
4. Ukraine Ministry of Health. Ukraine: National Report on Monitoring Progress towards the UNGASS Declaration of Commitment on HIV/AIDS. Kyiv 2010.
5. Owczarzak J. A view from the frontlines in Slavyansk, Ukraine: HIV prevention, drug treatment, and help for people who use drugs in a conflict zone / Owczarzak J., Karelin M., Phillips SD. // *Drug Policy* 2015 Jan. 26(1). – P. 6 – 7.
6. Sampson S. Beyond Transition: Rethinking Elite Configurations in the Balkans / Sampson S. // In : Hann C, ed. *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. London: Routledge; 2002 – P. 297 – 316.
7. Pfeiffer J. Condom Social Marketing, Pentecostalism, and Structural Adjustment in Mozambique: A Clash of AIDS Prevention Messages // *Med Anthropol Q.* – 2004. – 18(1) – P. 77 – 103.
8. Pfeiffer J. The Struggle for a Public Sector: PEPFAR in Mozambique / J. Pfeiffer // In: Biehl J, Petryna A, eds. *When People Come First: Critical Studies in Global Health*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2013 – P. 166 – 181.
9. Abramson D. Civil Society and the Politics of Foreign Aid in Uzbekistan / D. Abramson // *Central Asia Monitor* 6 – 1999 – P. 1 – 12.
10. Mandel R. Seeding Civil Society / Ruth Mandel // In *Postsocialism* / ed. C. Hann. – London : Routledge, 2002 – P. 279 – 296.
11. Phillips S. D. Women's Social Activism in the New Ukraine: Development and the Politics of Differentiation / Sarah D. Phillips. – Bloomington : Indiana University Press, 2008 – P. 91 – 95.

Полина Амбарова*кандидат социологических наук, доцент**Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина***Polina Ambarova***PhD, Associate professor, Department of Sociology and Technologies of Management,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin*

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье обосновывается необходимость использования качественных методов в контексте социологического изучения социального времени. Представлена теоретическая модель и результаты эмпирического исследования темпоральных стратегий поведения бизнес-сообщества. Цель статьи – раскрыть инновационную сущность темпоральных стратегий поведения предпринимателей, менеджеров, фрилансеров, факторы их формирования и реализации. Доказывается, что в условиях усиливающейся динамики социального времени инновационная стратегия темпорального поведения способствует решению профессиональных задач и жизненных проблем, личностному росту, адаптации к социальным трансформациям, формированию позитивного социального самочувствия у представителей рассматриваемой социальной общности. Особенности темпоральных стратегий поведения раскрываются в разрезе когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов с помощью метода глубинного полуструктурированного интервью. Делается вывод о существовании в рамках инновационного типа темпоральной стратегии поведения спектра индивидуальных стилей как признака вариативности и гибкости темпорального поведения представителей бизнес-сообщества.

Ключевые слова: темпоральные стратегии поведения, нелинейное социальное время, бизнес-сообщество, фрилансеры, качественная и количественная стратегии изучения социального времени.

The article explains the necessity of using qualitative methods in the context of the sociological study of social time. The theoretical model and the results of an empirical study of the temporal behavior strategies of the business community are presented. The purpose of the article is to reveal the innovative nature of the temporal behavior strategies of entrepreneurs, managers, freelancers, and factors of their formation and implementation. It is proved that innovative temporal behavior strategy contributes to the solution of professional problems and the problems of life, personal growth, adaptation to social transformation in conditions of increasing dynamics of social time, and formation positive self-feeling among representatives of the given social community. Features of the temporal behavior strategies are shown in the context of cognitive, emotional and behavioral aspects by the method of in-depth semi-formalized interview. It is concluded that there is a range of individual styles within the innovative type of temporal behavior strategies. This is shown as a sign of variability and flexibility of the temporal behavior of the representatives of the business community.

Keywords: temporal behavior strategies, nonlinear social time, business community, freelancers, qualitative and quantitative strategies for the study of social time.

У статті обґрунтовується необхідність використання якісних методів у контексті соціологічного вивчення соціального часу. Представлено теоретичну мо-

дель і результати емпіричного дослідження темпоральних стратегій поведінки бізнес-спільноти. Мета статті - розкрити інноваційну сутність темпоральних стратегій поведінки підприємців, менеджерів, фрілансерів, фактори їх формування та реалізації. Доводиться, що в умовах посиленої динаміки соціального часу інноваційна стратегія темпоральної поведінки сприяє вирішенню професійних завдань і життєвих проблем, особистісному зростанню, адаптації до соціальних трансформацій, формуванню позитивного соціального самопочуття у представників розглянутої соціальної спільноти. Особливості темпоральних стратегій поведінки розкриваються в розрізі когнітивного, емоційного та поведінкового аспектів за допомогою методу глибинного напівформалізоване інтерв'ю. Робиться висновок про існування в рамках інноваційного типу темпоральної стратегії поведінки спектра індивідуальних стилів як ознаки варіативності і гнучкості темпоральної поведінки представників бізнес-спільноти.

Ключові слова: темпоральні стратегії поведінки, нелінійний соціальний час, бізнес-спільнота, фрілансери, якісна та кількісна стратегії вивчення соціального часу.

В условиях усиления динамики социального времени, представляющей собой переход социальных субъектов от линейного к нелинейному темпоральному режиму жизнедеятельности, особое значение приобретает исследование особенностей темпоральных стратегий поведения различных социальных общностей и социальной практики управления ними. Это позволяет более глубоко раскрыть связь темпоральных факторов социальной жизни и различных социальных процессов, характеризующих особенности развития общества: социально-политических (связанных с формированием гражданского общества), социокультурных (вызванных становлением информационного общества), социально-экономических (обусловленных возникновением виртуальных, гибких форм экономической жизни) и т.д.

Одно из социальных противоречий, актуализирующих наше исследование, заключается в том что в негражданском обществе нелинейные формы социального времени, которые составляют основу жизнедеятельности некоторых социальных общностей, в частности бизнес-сообщества, не могут быть реализованы в полной мере. Этому препятствуют господство «вертикали» власти, авторитарный режим управления, доминирование парадигмы «жесткого» управления во многих сферах общественной жизни и другие факторы, которые исключают или подавляют различные (нелинейные) траектории поведения представителей социальных общностей. В то же время формирование таких нелинейных темпоральных процессов и форм жизнедеятельности – процесс объективный, не зависящий от целей и намерений власти. Он происходит неуклонно, развивается постепенно, нередко входя в противоречие с проектами, реализуемыми управленческими структурами. Их намерения, цели и задачи в этом случае порождают конфликт между ними и социальными общностями, реализующими новые темпоральные стратегии поведения.

Актуальность проблемы исследования обусловлена также особенностями функционирования социальных общностей в условиях города. Городские социальные общности по-особому не только воспринимают и отражают социальное время в своем поведении, ориентациях и установках, но и конструируют его. Городские общности являются преобладающими по численности в структуре населения, некоторые из них наиболее активны и отличаются заметными достижениями. В городской среде формируются особые – авангардные, инновационные – общности, поведенческие стратегии которых базируются на новом восприятии и понимании социального времени, его конструктивной и эффективной роли. К ним можно отнести профессиональные группы предпринимателей, бизнесменов, менеджеров, фрилансеров и др. Вместе с тем в городе существуют социальные общности, которые придерживаются иных – традиционных – темпоральных стратегий (маргиналы, мигранты и др.). Различия в темпоральности социальных общностей порождают противоречивые отношения между ними и другими социальными субъектами городской жизни. Эти противоречия требуют социологического объяснения и далее – разработки механизмов социального регулирования, которые могли бы лечь в основу социальных проектов и программ по формированию устойчивых и конструктивных темпоральных поведенческих стратегий различных социальных общностей.

1. Научное исследование нелинейной динамики социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей – новое направление социологического изучения социального времени. Время – феномен-«невидимка» – представляет собой достаточно трудное для эмпирического исследования явление. История эмпирических исследований социального времени в российской социологии берет свое начало в далеких 1920-х гг. и связана прежде

всего с именем С. Г. Струмилина. Под его руководством в 1922–1924 гг. было проведено масштабное исследование бюджета времени рабочих и крестьянских семей [Линейный режим «Круг времени», описываемый словами «Вся жизнь идет по кругу» и «Нет ничего нового на земле».

2. Линейный режим, условно названный «Стрела времени», при котором все дела и события происходят последовательно, строго друг за другом.

3. Режим «Нелинейный порядок», в котором события и дела «наслаиваются» друг на друга, часто происходят параллельно, но при этом прослеживаются определенные порядок и закономерности.

4. Режим «Нелинейный хаос» (события и дела осуществляются хаотично, беспорядочно, время их наступления, продолжительности и окончания неопределенны).

В соответствии с этим критерием мы можем выделить традиционные темпоральные стратегии поведения, ориентированные на линейное видение темпоральной реальности, и новые (авангардные) темпоральные стратегии поведения, ориентированные на нелинейное время как ресурс общности.

Рассмотрим некоторые результаты исследования. Один из наших собеседников-информантов (А.С., 49 лет, предприниматель) произнес фразу, которая определяет, как нам кажется, смысл отношений с временем современного человека: *«Я хотел бы подружиться с временем. Я постоянно пробую это делать»*. Для него время оказалось живой материей, отвечающей на отношение к нему, реагирующей на особенности обращения с ним. Действительно, это так: время может служить для человека источником новых возможностей, а может сломать его жизнь, как карточный домик. Наш информант назвал время *основным оружием, которое наказывает большинство людей, которые делают не то и не вовремя*.

Философия времени представляет собой результат работы сознания (а, возможно, и бессознательного, например, архетипов, ментальных установок). Она отражает ту темпоральную картину мира, которая имеется в обществе, функционирует на уровне общности или складывается в индивидуальном опыте человека.

К. Д., 43 г., предприниматель: *«Время – это возможности, это невозполнимый ресурс, который нужно использовать максимально эффективно. Это ресурс моего личностного и профессионального развития. Можно согласться с тем, что время – это деньги, но вообще-то время невозможно оценить в деньгах. Например, сколько стоит вчерашний день?»*.

По мнению самих информантов, время отнюдь не часто становится предметом их размышлений. Однако в ходе интервью выяснилось реальное значение темпоральной проблематики: время постоянно присутствует в обсуждении профессиональных задач и ситуаций, личной и семейной жизни. Оно заметно в двух конкретных формах – бизнес-проектов и биографической.

П.А., 34 г., бизнесмен: *«О времени специально не думаю... Есть время абстрактное, есть время конкретное. Для меня это сроки выполнения проекта. Нет, о времени, скорее, не думаю»*.

П.О., 30 лет, фрилансер: *«Время – это основной ресурс для меня, помимо финансов. Деньги и время – два важных ресурса. Но время все же важнее, потому что, если есть деньги, но нет времени, бессмысленно задумывать проект, не будет возможности его реализовать. Раньше у меня в сутках было больше 24 часов, сейчас у меня сутки сокращаются с приходом дочери из детского сада. Мое время заканчивается, трудно заняться чем-то профессиональным или личным. Поэтому время для меня – это основной необходимый ресурс»*.

Биографическое время очень значимо для представителей бизнес-сообщества. Когда собеседникам предлагалось привести примеры темпоральных оценок или ситуаций, очень часто они были связаны с семьей – собственной или родительской.

В. П., 25 л., фрилансер: *«В один прекрасный момент ты понимаешь, как постарели родители, как выросли дети родственников, и порой думаешь, а так ли нужна мне эта работа, ведь за ней я не вижу, как живут мои близкие, ведь именно они – самое мое дорогое на этой Земле...»*

Д. Б., 43 г., бизнесмен: *«Время я начал ощущать только недавно, когда родилась моя дочь. Свое время соотношу с ней: она растет, у нее впереди еще столько-то, а у меня уже меньше»*.

На такой мировоззренческой основе у наших информантов формируются сложные диспозиционные механизмы выбора темпоральной стратегии поведения – установки, потребности, совокупность жизненных целей и задач, жизненная позиция.

Нелинейный характер времени отметили все информанты. Они не выбирали из предложенных рисунков, визуализирующих векторы линейного и нелинейного времени, какой-то один. Почти все предложили их объединить в один, который показывает, что в одной сфере время течет циклически (типичный офисный день), во взаимодействии с заказчиками время разнонаправленное и имеет раз-

ные скорости (параллельные проекты, долгосрочные и краткосрочные) и т. д.

Изменение характера общества, быстрые преобразования, происходящие в нем, вызывают различные реакции у представителей социальных общностей, выраженные в разнообразных стратегиях поведения.

С. А., 49 лет, предприниматель: *«Ускорение очень большое идет, интенсивность. Время сжимается. Сейчас неделя, как день раньше, раз в 5–6 ускорилось. И не только мы, но дети об этом говорят.»*

Сильно не успеваю участвовать в жизни детей. У них все расписано. Дочь ходит в рисовальную школу, ей нравится очень. У нее заканчиваются уроки в основной школе, и через полчаса уроки в художественной школе. За полчаса надо переодеться, поесть и доехать. И она делает это одновременно. И я подбегжаю с одеждой и едой. Она запрыгивает в машину, тут же ест, переодевается и бежит на уроки. Очень весело это. У нас такая веселая жизнь».

В сложных, противоречивых условиях российского мегаполиса представители бизнес-сообщества предпринимают различные попытки справиться с «неправильным» (а мы назовем его вслед за физиками нелинейным) социальным временем.

Е. Ш., 32 года, менеджер: *«Если кто-то говорит, что ему чего-то не хватает, – это слова неудачника. Это просто проблема, которую надо решить. Не хватает времени, значит, неправильно организовал работу, взял много на себя, не нашел помощников, которыми можно делегировать».*

А. К., 45 лет, предприниматель так оценивает свойства нелинейного времени: *«Плохо это или хорошо... трудно сказать. Действие законов физики или химии – это хорошо или плохо? Это есть. К этому надо приспособиться, подстраиваться. Иногда это не комфортно, иногда – позитивно. Вообще любые изменения – это хорошо, это возможности что-то сделать по-другому, лучше. Если изменения есть – значит, я еще живой, значит, еще могу что-то сделать».*

Еще одну грань «зеркала» времени образуют такие свойства представителей социальных общностей, как их социальное самочувствие, восприятие и социальные эмоции «темпорального характера». Приведем фрагменты интервью, иллюстрирующие данный тезис:

С. А., 49 лет, предприниматель: *«Стараясь ничего не испытывать, только спокойствие. Ко всему относиться нейтрально – и к хорошему, и к плохому. Что чувствую в ситуации стремительных изменений? Стараясь только позитивные эмоции. Негативных не испытывать. Это я стараюсь, конечно, бывает всякое.»*

В связи с будущим никаких опасений нет. А смысл-то опасений какой? Придут опасения – будем думать. Это очень сильный момент в жизни. Ждать опасностей неправильно, можно и до обеда не дожидаться. Просто от ожидания».

В. П., 25 лет, фрилансер: *«Чего опасаться? Затрудняюсь ответить... Надеюсь на мир во всем мире и на лучшее будущее».*

Представители бизнес-сообщества неодинаково воспринимают время, переживают его течение, ход, по-разному оценивают прошлое, настоящее и будущее. У одних ситуация дефицита времени вызывает тревогу, панику, у других – драйв, запал. Однако в отличие от других социальных общностей предприниматели, бизнесмены, фрилансеры занимают активную жизненную позицию и стремятся преодолеть негативные эмоции в отношении напряженности, полиструктурности, неопределенности социального времени.

П. О., 28 лет, фрилансер: *«Ситуация дефицита времени – это моя ситуация... Возникает элемент какого-то отчаяния, хочется и поддержки, и каких-то резервов, но их нет. Думаю, вот день заканчивается, а я что-то не успела сделать. Чувство отчаяния и беспомощности, может быть собственной бездарности, неполноценности, что я где-то не доделываю, не дотягиваю, не успеваю, что я не могу себя организовать, чтобы все успеть».*

С. Н., 45 лет, предприниматель: *«Я заметила, что время стало плотнее. Планирую сейчас все очень четко, и, действительно, одно дело сменяет другое очень быстро и плотно. Приходится где-то быстрее что-то делать, приходится успевать. Да, сжатие какое-то происходит... В ситуации чрезвычайной загруженности, интенсивной жизни я чувствую эйфорию»*

Остановимся на поведенческих аспектах темпоральной стратегии. Социальные субъекты, формирующие и реализующие такой тип стратегии, одинаково эффективно действуют как в условиях дефицита времени, так и отсутствия такового. Они способны к регулированию скорости, ритма времени, которое находится в их распоряжении, а также к синхронизации его в соответствии с внешними условиями, иногда – к изменению внешних условий в соответствии с собственными темпоральными потребностями. Они могут влиять на носителей иных темпоральных стратегий, адаптируя их к собственным, «заставляя» совмещать и согласовывать их. Темпоральная картина мира представителей данного типа гармонична, динамична, легко, относительно безболезненно претерпевает постоянные трансформации. В этой связи приведем отрывок из интервью.

Е. Н., менеджер: *«Моя профессия напрямую связана с выстраиванием времени. Моя работа – это управление проектами, я администрирую проекты, т.е. составляю график, и все люди поминутно-посекундно должны делать то, что я запланировала. Видимо, это профессиональная деформация, и она накладывается на семью, на пап, на мам и других людей. Я, конечно, управляю временем всех, хотя они часто не очень этому рады. Может быть, это психотип личности, а, может быть, и профессиональная деформация. Я стараюсь всегда всех построить, подравнять и объяснить, кто, что и когда должен делать».*

Темпоральная активность носителей данной стратегии (активного темпорального оптимизма) направлена в будущее и/или в настоящее и сочетается с позитивным переживанием времени. Время в его нелинейной конфигурации наполнено для них новыми возможностями и конкурентными преимуществами, которыми они уверенно могут воспользоваться. Динамизм, плотность, многоструктурность темпоральной реальности воспринимается ними как позитивное явление, соответствующее вызовам современности. Адаптируя свое поведение под эти новые темпоральные условия, «активные оптимисты» чувствуют себя современными людьми, шагающими «в ногу с веком» или даже стремящимися обогнать его.

Надежды на лучшее будущее при минимальных проявлениях негативных эмоций (страха, неуверенности, растерянности) характеризуют социально-психологическое самочувствие данной типологической группы. Активный темпоральный оптимизм в большей степени присущ людям, стремящимся к продлению своей физической и интеллектуальной жизни и молодости.

С. Н., 28 лет, предприниматель: *«Что я предпринимаю для душевной и физической молодости? У меня муж молодой (смеется). Думаю, что это мне помогает. Друзья у меня молодые, хотя хорошо общаюсь с людьми любого возраста».*

К. Л., 28 лет, менеджер: *«Жить надо весело. Грустить – это не вариант. Начинаешь грустить – сразу тебе и 30, и 40, и 60 лет и помирать можно. У меня дед у жены до последних лет, месяцев, дней был мегапозитивный человек. Он делал все, для всех, всегда. Масса у меня знакомых людей есть, которые в любом возрасте могут для других сделать все. И есть знакомые, которые в 20 лет загубили свою жизнь, непонятно зачем. Просто они так захотели. А так... живем, радуемся, пока живы».*

Глубинные интервью с представителями бизнес-сообщества позволили выявить факторы, влияющие на формирование их темпо-

ральных стратегий поведения. Наше исследование показало, что для большинства наших собеседников значимым фактором оказался личный опыт. В ряде случаев темпоральный опыт родителей не имел никакого значения для формирования взглядов, поведенческих траекторий наших информантов.

М. Н., 35 лет, предприниматель: *«У меня было желание работать с временем как ресурсом. Родители не были для меня примером. Это осознание важности времени возникло само».*

А. А., 52 года, фрилансер: *На мое понимание времени повлияло, наверно, мое философское образование, а еще искусство, прочитанные книги. Повлияли ли родители? Как сказать, мать точно нет, отец, может быть. Но вот книги по истории больше значили: хотя бы тот принцип, что история (а, значит, время) не имеет сослагательного наклонения, я приняла его как данность. А еще личный опыт переживаний».*

Определенное значение, как оказалось, имеет фактор места жительства в детстве.

С. Н., 26 лет, предприниматель: *«Начну с детства. Я все детство прожила в одном изолированном районе, и мне всегда было тяжело менять пространство, место жительства, род занятий, работу. Я консерватор, я долго решаюсь. Я изменилась, когда пожила в Израиле, который можно за небольшое время облететь или слетать за границу. Интернет помог изменить взгляды на пространство и время, там все можно сделать очень быстро. Мне тяжело даются любые переключения, но я борюсь с этим, и мне сейчас даже нравится что-то менять. Надо решиться на это, сделать шаг».*

В своем исследовании с позиций социологии мы попытались посмотреть, как влияет время на поведение и жизнедеятельность людей. Используя понятие темпоральных стратегий поведения, мы «диагностировали» отношение представителей бизнес-сообщества к капиталу времени, имеющемуся в их распоряжении.

Информанты продемонстрировали разнообразие методов планирования – от традиционных записных книжек различных форматов и сеток до современных гаджетов и делегирования функций планирования отдельных сфер и направлений работы и жизни секретарям или родным. Помимо традиционных форм планирования они постоянно подчеркивали роль интуиции.

В. П., 25 л., фрилансер: *«Время я чувствую подсознательно всегда. Люблю, чтобы под руками всегда были современные гаджеты. И стараюсь делать все в свое время, не растягивая его на несколько дней, а то и недель».*

Д. Б., 43 г., бизнесмен: «*Делаю записи каких-то действительно важных дел (чтобы не «потерять» их в потоке), а так, знаю интуитивно, сколько времени нужно*».

Д. К., 45 л., бизнесмен: «*Отдых вообще сам не планирую, так же, как и бытовые дела. Это за меня делает моя жена (смеется)*».

Таким образом, данные, полученные в нашем исследовании, подтверждают гипотезу о сформированности новых темпоральных стратегий поведения в различных слоях бизнес-общества – у бизнесменов, менеджеров, фрилансеров, которых на этом основании можно назвать представителями авангардной общности. Их темпоральные стратегии поведения конструктивны и однозначно позитивно окра-

шены. Риски, связанные с изменениями, воспринимаются как естественные. В их сознании, поведении, мироощущении время, воспринимаемое как позитивная сила, выступает явной или латентной составляющей, организующей вокруг себя многие аспекты жизнедеятельности, образа жизни, взаимодействия с окружением. Исследование показало правомерность употребления термина «темпоральные стратегии поведения» во множественном числе в анализе данной социальной общности, поскольку в рамках одного типа стратегии формируются индивидуальные стили и варианты темпорального поведения. Необходимость их изучения и задает нашему дальнейшему исследованию новый вектор.

Литература

1. Патрушев В. Д. Изучение бюджетов времени в России XX в. / В. Д. Патрушев, В. А. Артемов, О. В. Новохацкая // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 112 – 120.
2. Бюджет времени городского населения / под ред. Б. Т. Колпакова, В. Д. Патрушева. – М. : Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва, Сиб. отделение АН СССР, ЦСУ при Совете Министров РСФСР, 1971. – 245 с.
3. Внеурочное время трудящихся: сб. докл. / под общ. ред. Г. А. Пруденского. – Новосибирск : Изд-во Сиб. отд. АН СССР, 1961. – 245 с.
4. Патрушев В. Д. Бюджет времени городского населения социалистических и капиталистических стран / В. Д. Патрушев // Философия науки. – 1968. – № 5.
5. Пруденский Г. А. Время и труд / Г. А. Пруденский. – М. : Мысль, 1964. – 351 с.
6. Артемов В. А. Социальное время: Проблемы изучения и использования / В. А. Артемов. – Новосибирск : Наука, 1987. – 124 с.
7. Артемов В. А. Статистика бюджетов времени трудящихся / В. А. Артемов, В. И. Болгов, О. В. Вольская и др. – М. : Статистика, 1967. – 220 с.
8. Неценко А. В. Формирование и использование свободного времени при социализме : автореф. дис. ... канд. фил. наук / А. В. Неценко. – Ленинград, 1977. – 25 с.
9. Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1965–1998 годах / отв. ред. Т. М. Караханова. – М. : ИС РАН, 2001. – 346 с.
10. Патрушев В. Д. Жизнь горожанина (1965–1998) / В. Д. Патрушев. – М. : Academia, 2001. – 184 с.
11. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М. : ИС РАН, 1998. – 696 с.
12. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
13. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М. : Академический проект, 2003. – 528 с.
14. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М. : Логос, 2005. – 664 с.
15. Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии / С. А. Кравченко // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – с. 19 – 29.
16. Правдюк С. А. Социокультурные особенности виртуального времени: автореф. дис. ... канд. социол. наук / С. А. Правдюк. – Ростов-на-Дону, 2001. – 27 с.
17. Алюшин А. Л. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени / А. Л. Алюшин, Е. Н. Князева. – М. : ЛКИ, 2012. – 240 с.
18. Паутова Л. А. Молодые «Люди XXI»: общие черты локомотивной группы и региональная специфика [Электронный ресурс] / Л. А. Паутова. – Режим доступа : <http://rpi4web.ru/okruzhajushhij-mir/molodye-ljudi-i.html> (дата обращения 05.04.2014).
19. Харченко В. С. Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе : автореф. дисс. ... канд. социол. наук / В. С. Харченко. – Екатеринбург, 2013. – 22 с.
20. Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 560 с.
21. Ковалев Е. М. Качественные методы в полевых социологических исследованиях / Е. М. Ковалев, И. Е. Штейнберг. – М. : Логос, 1999. – 356 с. – (Сер. «Качественные методы в социальных исследованиях»).
22. Страусс А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин ; пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
23. Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования / В. И. Ильин. – СПб. : Интерсоцис, 2006. – 256 с.

Людмила Малес

*доктор соціологічних наук, доцентка, доцентка факультету соціології
Київського національного університету імені Тараса Шевченка*

Lyudmyla Males

*Doctor of Sociology Sciences, Associate Professor at Department of Sociology,
Taras Shevchenko National University of Kyiv*

РОМАНТИЧНІ ТА НЕОТРАДИЦІОНАЛІСТСЬКІ МОТИВИ КУЛЬТУРИ В РЕАКЦІЇ НА УРБАНІЗАЦІЙНІ ПРОЦЕСИ В УКРАЇНСЬКОМУ СУСПІЛЬСТВІ

У статті аналізується культурна рефлексія з приводу урбанізації українського суспільства. Акцентується проблема депопуляції українського села у другій половині ХХ століття, породженої масовою міграцією в міста. Підкреслюється, що ці процеси можуть бути досліджені не тільки за допомогою статистичних даних, але й аналізу культурних феноменів, зокрема естрадних пісень. Фокусується увага на таких пісенних сюжетах, як «вихід» молоді у міста, материнська самопожертва, ставлення дорослих синів до немічних матерів, які залишилися у покинутих ними оселях, тощо. Здійснюється критичний аналіз текстів поп-пісень, виявляються їхні неотрадиціоналістські, патріархальні та романтичні мотиви; з'ясовується роль пісенної творчості у легітимації та відтворенні нерівності та дискримінації у територіальному (місто-село) та гендерному (жінки-чоловіки) контекстах.

Ключові слова: депопуляція українського села, міграція в міста, культурна рефлексія, поп-пісні, образ сина, материнська жертвовність, неотрадиціоналізм, романтизм.

The article is devoted to the analysis of cultural reflection on urbanization of Ukrainian society. The problem of depopulation of rural areas in the second half of the twentieth century, that has led to mass migration to the cities, is stressed. It is emphasized that these processes can be studied not only by statistics, but by the analysis of cultural phenomena, including pop songs. The attention is focused on such plots as «the exodus» of youth to the cities, maternal self-sacrifice, the attitudes of the children to their infirm mothers who remained in their abandoned homes, and etc. Critical socio-cultural and gender analysis of these texts reveals the traits of neotraditionalism, patriarchal culture and romanticism inherent to these songs. The role of the songs in the legitimating and reproduction of inequality and discrimination (city-village, women-men) is shown.

Keywords: depopulation of rural areas, migration to the cities, pop songs, son's image, mother's sacrifice, neotraditionalism, romanticism.

В статье анализируется культурная рефлексия по поводу урбанизации украинского общества. Акцентируется проблема депопуляции украинского села во второй половине ХХ века, порожденной массовой миграцией в города. Подчеркивается, что эти процессы могут быть исследованы не только с помощью статистических данных, но и анализа культурных феноменов, в частности эстрадных песен. Фокусируется внимание на таких песенных сюжетах, как «исход» молодежи в города, материнское самопожертвование, отношение взрослых сыновей к немощным матерям, оставшимся в покинутых ими домах, и т.п. Осуществляется критический анализ текстов поп-песен, выявляются их неотрадиционалистские, патриархальные и романтические мотивы, а также роль в легитимации и воспроизведении неравенства и дискриминации в территориальном (город-село) и гендерном (женщины-мужчины) контекстах.

Ключевые слова: депопуляция украинского села, миграция в города, культурная рефлексия, поп-песни, образ сына, материнская жертвенность, неотрадиционализм, романтизм.

Депопуляція сільського населення України з середини ХХ століття стає надзвичайно популярною темою української публіцистики, і, якби не Майдан і військова агресія Росії, нині ця тема також посідала б чільне місце в медійних темах. Зауважимо, що суто демографічні дискусії з цього приводу ведуть переважно не у фахових, а чиновницьких та журналістських середовищах, блогерських спільнотах.

Справді, у другій половині ХХ століття кількість сільського населення більшості областей України зменшилася на 10-50% (див. рис.1). Тож у пропонованій статті ми розглянемо деякі з культурних образів цього соціального явища, а саме поставимо собі за мету виявити у цьому великому «виході» людей з села певні характерні риси та хронологічні відмінності, які можемо підслухати в естраді.

Специфіка такого аналізу полягає в тому, що цей матеріал практично не потрапляв у поле наукового дослідження, особливо у контексті запропонованої теми. На відміну від офіційно санкціонованої професійної пісенної творчості, фольклор та класичні художні твори вже мають традицію свого дослідження, в тому числі й у проблемі міграцій. Саме в них знайшла своє відображення заробітчанська еміграція ХІХ – початку ХХ століття. Це переважно романтична та реалістична література та пісенна народна творчість, збирана та записувана в цей час. Ще давніш, до активізації інтелігентської ролі в цих процесах, аналізувалися рекрутські, чумацькі думи та пісні. Проте міграційні процеси ХХ-ХХІ століття в українському суспільстві є не менш складними, вони формують окремий тематичний напрямок сучасної соціогуманітаристики, тож залучення різних текстів культури дає змогу повніше їх зрозуміти.

Одну зі спроб аналізу соціальної історії через призму сприйняття мігрантами міста здійснила Галина Бондар щодо Львова у своїй монографії [1], де засвідчила, що це питання має різні аспекти і потребує подальшого дослідження.

Тож повернемося до рисунку 1. Як видно з представлених даних, лише Івано-Франківська, Херсонська та Закарпатська області на кінець ХХ століття мали більш-менш ту ж чисельність селянства, а Автономна республіка Крим мала ще й помітний приріст сільського населення.

Проте, поєднавши цю драматичну картину із даними щодо динаміки міського населення (див.рис.2), ми отримуємо зовсім іншу, не таку занепадницьку ситуацію. Незважаючи на домінування 1-2-дітної сім'ї, вже з середини ХХ ст. населення міст починає швидко зростати. Очевидно, що це був не природній приріст, а результат міграції з сіл та містечок.

Як бачимо, навіть ті області, які зазнали депопуляції (Чернігівська, Вінницька, Житомирська, Хмельницька, Сумська), мали незрівнянно більші її масштаби в селах, а це означає, що і тут міста «живилися» мігрантськими потоками, але їх не вистачало для перекриття наслідків демографічного переходу.

Зазвичай у краєзнавчому середовищі і експертних виступах на широку публіку воліють не говорити про обставини динаміки міського та сільського населення, а натомість акцентувати, що міграційний приріст міст, зокрема столиці, мовляв, призводить до розмивання «міської культури» – якогось особливого тонкого, вищого вміння, начебто притаманного усім корінним містянкам та містянам, а золотий її вік відносять до кінця ХІХ – початку ХХ століть. Це досить дивне кліше, яке не піддається ані теоретичній, ані емпіричній інтерпретації, але активно використовується для виправдання стигматизування. Адже про так звану міську культуру (під якою, за Ентоні Гідденсом [2, с. 92], розуміють інтернальність, стриманість, «ввічливу неухважність») тут говорити не доречно, оскільки вона залежить не так від типу поселення, як від освітнього і статусного рівня. Приміром, робітництво численних заводів міста менш схильне демонструвати ґречність,

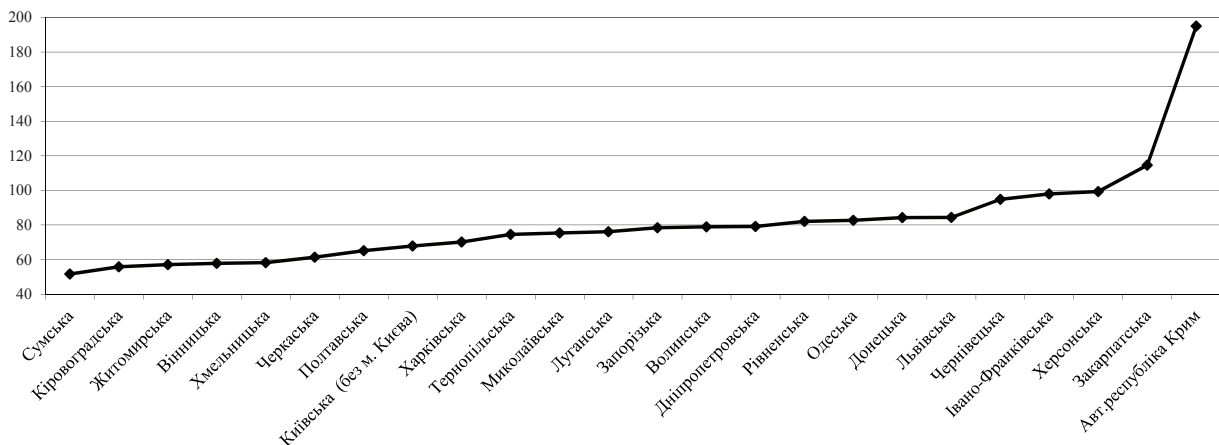

Рис. 1. Відсоток сільського населення 1993 року до 1959 року¹

1 Побудований за даними держкомстату України.

аніж сільське вчителство. Оскільки освічені верстви населення концентруються у містах, то і маємо «хибну кореляцію», яка живить русофобію.

Але, як свідчать наведені статистичні дані, більшість у цьому натовпі стигматизування і закидування камінням становили поза- та вчорашні приїжджі. Їхній вихід з культурного шоку, який передбачав, за Філіпом Боком, варіанти асиміляції, гетоїзації, колонізації [3], мав різні вибори. Так, для українського інтелігентського прошарку, що породив дисидентство, це була своєрідна гетоїзація в русифікованому місті. Для більшості ж інших груп це була форсована асиміляція з елементами агресивного цькування всіх, хто своєю ще явною сільською манерою у спілкуванні, поведженні (менша стриманість, безпосередність, українська мова і т.д.) нагадував про їхнє походження, оприявнював їхню маргінальність – не досяжність жаданого безшовного влиття в групу привілейованої російської чи давніш зросійщеної номенклатури та міщанства.

Мігранти до міст другої половини ХХ століття реалізували свої прагнення до висхідної мобільності за умов посталого тоталітарної системи із її вимогою ідеологічної лояльності, яка пильно відслідковувалася партійними органами та органами держбезпеки і була всепрониклою, особливо у місті. Приїжджі із малих містечок і сіл не були звиклі до існування в атмосфері взаємного відчуження і підозри, що нарощувалася ще зі сталінських часів [5]. Із переважно приватного, натурально-господарського, із сусідським контролем і густими мережами спорідненості світу села і містечок міграційні потоки прибували у незнайомі міста, до чужих, як ідентифікував їх Георг Зіммель, де мали вижити і конкурувати за гірших стартових умов, за майже повного знецінення свого попереднього соціального капіталу.

Як будь-яка доленосна подія, «великий вихід» з села відобразився у пісенній творчості. Оскільки він збігався з висхідним напрямом соціальної мобільності, тобто зі збільшенням як економічного чи політичного, так і освітнього, культурного, символічного капіталу, то отримав цілу плеяду професійних співців, які переважно і прислужилися легітимації та образотворенню цього явища в культурі.

Так, з 1960-х рр. паралельно з новими хвилями масової міграції (уже не як післявоєнні промислові набори, а як індивідуальні страте-

гії) відбувається її оспівування, адже в культурі в цей час панує романтичний настрій, а в республіканських мистецьких організаціях та серед шістдесятників значну частку становлять вихідці з сіл (Андрій Малишко, Дмитро Павличко, Іван Драч, Платон Майборода, Олександр Білаш та ін.).

У перших піснях подібного стибу, які

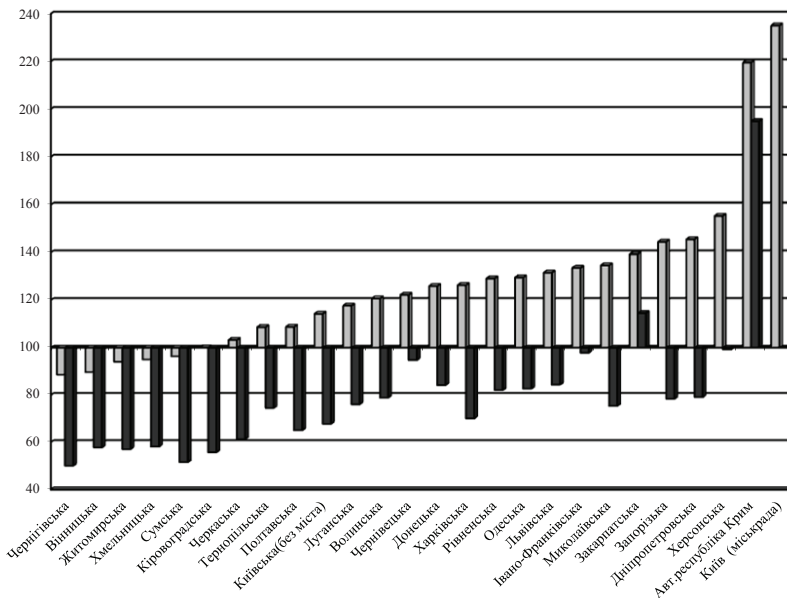

Рис. 2. Відсоток сільського та міського населення 1993 року до рівня 1959 року

з'являться з середини минулого сторіччя, присутній мотив «виходу» та акцент на долі сина. Доньки ж бо в патріархальному андроцентричному суспільстві не були в центрі уваги, тож, якщо вони і виривалися із сіл до міст за кращими умовами побуту, життя та праці, за здобуттям освіти, то рідше «вибивалися в люди», а якщо це і ставалося, то не оспівувалося.

Рідна мати моя, ти ночей недоспала
 І водила мене у поля край села,
 І в дорогу далеку ти мене на зорі проводжала,
 І рушник вишиваний на щастя дала.
Пісня про рушник (1958) (сл. А. Малишка, муз. П. Майбороди)

Як я малим збирався навесні
 Піти у світ незаними шляхами,
 Сорочку мати вишила мені
 Червоними і чорними нитками.
Два кольори (1964) (сл. Д. Павличка, муз. О. Білаша)

Вишня вдяглася в намисто,
 Мама щаслива й сумна.
 Там за село проводжала
 Долю мою молоду...
Мамина вишня (1978) (сл. Д. Луценка, муз. А. Пашкевича)

У цей струмінь романтичної лірики, дуже талановитої чи не дуже, із властивою їй однобокою і спрощеною героїкою та патетикою додається гостра критика від Миколи Руденка у триптиху *Мати* (1963), проте така лірика лишається осторонь масової культури і естрадних пісень.

За ворота виходять дебелі сини, -
І сліди замітає за ними пороша.
Материнської мови забудуть вони:
Вже та мова для них - нехороша.

Деся вимахують крани високих споруд,
Ти ж заснеш восени при нетопленій печі.
І стотисячний хор оспіває твій труд, —
Та ніхто не піддасть тобі клунок на плечі.

А ти викашлюєш старечі груди
І кажеш в ніч невидимим синам:
- От бач, виходять наші дітки в люди.
Дай бог їм щастя більшого, ніж нам.

Як бачимо, зображенням сина такі тексти не обмежуються, а дають у парі образ матері. І тут жінка постає не просто як пасивна фігура, а як одвічно страждальна.

Патріархальне пригнічення жінки, яке вимушувало йти на жертвність заради дітей (бо таким лиш чином легітимувалося її життя), в модерному суспільстві вже не є таким самоочевидним, необхідним, а тому стає елементом видимим. І тому романтично оспівується. В цьому моменті маємо логічне продовження романтичного стилю народників з возвеличенням материнських самопожертв у конструюванні образу Березини [6].

У піснях ця осанна тяжкої та невдячної праці матері проявляється в оспівуванні сліз, струджених рук, недоспаних ночей, самотності в чеканні.

Рідна мати моя, ти ночей недоспала [...] І твоя незрадлива материнська ласкава усмішка,
І засмучені очі хороші твої.

Пісня про рушник

Знаю, ви молилися за мене
Дні і ночі, сива моя нене.
Живе старенька мати у господі,
Невтомні руки, серце золоте,
Щодня і дітям, і онукам годить,
Хоч рідко хто з них дякує за те.

Росте черешня в мамі на городі (1992)
(сл. М. Луків, муз. А. Горчинського)

Таким чином, страждання, замість критичного аналізу, мов би оспівується. І як втіха подається образ Одисеї чи «Повернення блудного сина», який виявляється не більш ніж красивим міражем, бо, як ми бачили зі статистичних даних, міста стрімко розвиваються і ніякого по-

вернення за дуже малими винятками в ці часи не відбувається¹.

Мене водило в безвісті життя,
Та я вертався на свої пороги,
Мені війнула в очі сивина,
Та я нічого не везу додому,
Лиш згорточок старого полотна

Два кольори

Після довгих, далеких доріг
Ви відчули і болі, і втому.
Там зустрине вас рідне село,
Там зустрине вас батькова хата,
Після всього, що там відбуло,
На старому, як світ, полотні
Ви відчуете мамині руки,

Повертайтесь лелеки додому (2000-ні)
(сл. А. Житкевича, муз. В. Вермінського)

Попри всі закличні дієслова (повертайтесь, приїздіть, не кидайте), ці приїзди були не більш ніж короткочасними візитами. У таких піснях, скоріше, робиться акцент на ритуальному спокутуванні почуття вини через символічне вертання найціннішого – не втрачених літ, здоров'я, загублених талантів, а сенсу життя, яке жінці наказано імплантувати в сина. Сам же син вже не так тонкий митець зламу XIX-XX століть – «юноша бледный со взором горящим» (Валерій Брюсов), як переважно ситий із черевцем і портфелем службовець, чиновник, партійний працівник тощо, якого повністю влаштовує переїзд до міста поближче до цивілізаційних надбань. Має свої вигоди офірувана йому материнська доля, яка полягає в тому, щоби залишатися в селі для забезпечення екопродуктами і няньчення на природі онучок й онуків. А, головне, мати має чекати його наїздів, щоби міг розвіятися, поїсти пиріжків, покупатися у захватах матері, сусідок, їхньому захопленні – «який же ж учений»... Це, судячи з текстів культури радянського та пострадянського неотрадиціоналізму, стає патріархальним варіантом мети її фемінності.

Цьому зміщенню ролі прабатьківського покоління були і соціально-демографічні підстави. У 1970 – 1980-ті роки урбанізація призводить до домінування нуклеарних та неолокальних сімей². Водночас громадське виховання, харчування, обслуговування, яке мало би бути одним із шляхів до комунізму, засвідчило кри-

¹ За винятком пари років у 1990-х і новітніх рухів екопоселень, в Україні протягом XX і в XXI столітті спостерігаємо переважну незворотність міграційних потоків «село-місто», «периферія-центр».

² У 1979 році 2/3 подружніх пар та ще 2,5 млн. самотніх батьків із дітьми (а це 11 % сімей) жили окремо від прабатьківського покоління та інших родичів. Надалі кількість нуклеарних неолокальних сімей залишається такою ж, проте зростає частка однобатьківських сімей. До цього також варто додати ще 3 – 4 млн. однаків (дані переписів 1979, 1989, 2001 років).

тично низьку якість, що сприяло ностальгії за «домашнім» як апріорі кращим. Ця ностальгія далася взнаки у період перебудови, коли руйнування соціалістичного ладу зумовило широкую публічну критику не лише політичної, а й сімейної ідеології. Тож саме в цей черговий період трансформацій Культури-1 (згідно періодизації Володимира Паперного [6]) маємо появу ідеї реставрації патріархальних цінностей³. У 1990-ті роки – час стабілізації нової влади в Культурі-2 – вони були взяті на озброєння державною ідеологією. Неотрадиціоналізація, як це не дивно, була активно підтримана також швидко зростаючим за своєю політичною вагою ринком, який до кінця 1990-х років стає разом із державою інститутом влади [7]. Тому не дивно, що нотки про «справжність» хліба, рушників, садовини та інших результатів материнської ручної домашньої праці не зникають і в останні десятиліття.

Стану справжнім, як природа,
Як вечера на столі.

Душі криниця (1990-ті) (сл. А. Демиденка, муз. О. Морозова)

Більш того, в естраді романтичної хвилі сучасного неотрадиціоналізму маємо колективний примус, а не індивідуальний вибір таких гостин. Наїзди до батьків набувають ознак «позитивного» ритуалу (за класифікацією Еміля Дюркгайма [8, с.40]), що виконує функції соціальної згуртованості через демонстрацію зв'язку з одногрупниками: вихідцями із одного регіону, покоління, образом української нації.

Як побачу рідну хату
Завесню, наче цвіт,
Здрастуй мамо, здрастуй тату,
І мого дитинства світ.
Сяду з вами на порозі,
Поклонюся я землі,
Висиха душі криниця,
І життя як не було,
Якщо раз чи два на місяць
Не поїду у село.

Душі криниця

У піснях звучить осуд тих, хто не здійснює цього щомісячного ритуалу і не припадає до «струджених рук», «порогу», «стежини».

³ М. Горбачов у кінці 1980-х років проголосив необхідність повернути жінці „істинне покликання”, тобто повернути в сім'ю, мовляв, таким чином збільшиться народжуваність, зменшиться захворюваність населення тощо. Ці тези було втілено в «Концепції Державної програми із захисту сім'ї, материнства й дитинства» (1990). Виборені ж протягом ХХ століття права на працю та громадську активність набули негативної конотації та подавалися як надемансипація.

Ну що ж, про вдячність забувають люди,
Душа сліпа у щасті, а проте
Вони прозріють, але пізно буде:
Черешня всохне, мати оцвіте
Росте черешня в мамі на городі
І допоки, допоки живі
Не згубіться в просторах розлуки.
Повертайтесь лелеки додому

В оспівуванні сільських пасторальних ланів з престарілими працівницями на них у ХХІ столітті участь беруть уже не одинаки-поети, а цілі групи номенклатури, яка сформувалася з найспритніших із мігрантських груп. Тепер з висоти своїх крісел вони апелюють до села як до «колиски», «джерела», «криниці духовності», а далі конвертують цей риторико-естрадний популізм у політичний капітал неофітноміського та сільського електорату. Тут яскравий приклад ректора-співака М. Поплавського чи В. Цушка, О. Мороза та інших політиків, які стають уже не так співцями, як замовниками цих од. Так, сповнений задушевної лірики фрагмент зі статті у журналі Верховної Ради України «Віче» про Володимира Литвина – героя України, академіка, депутата, экс-спікера і разом з тим активного користувача селянськими гаслами у своїх передвиборчих кампаніях: «Стояв кінець жовтня, по нагідках уже було видно сліди перших приморозків. Квіти буяли за низеньким дерев'яним парканчиком. – Оце, де загороджено квіти, то ми так шануємо те місце, де стояла хата, в якій народилося четверо наших дітей, – пояснила Ольга Андріївна. Серед тих чотирьох – і Голова Верховної Ради України Володимир» [9].

З кінця ХХ – початку ХХІ століття у публіцистичних, політичних та пісенних текстах усе виразнішим стає мотив дистанційної ностальгії, а сама ситуація міграції з села у місто подається як даність, мовляв, «так історично склалося». Момент виходу, який ще 50 років тому возвеличувався суголосно із загальними модерністськими настроями покорення світу, тепер поспішно виноситься за дужки, не рефлексується і не проблематизується, не ставиться питання, чому виникає ситуація, коли діти лишаються за будьяку ціну в містах і там обзаводяться сім'ями, дітьми, а їхні старі і вже немічні батьки доживають і дотримують на собі села. Оспівування старіючого, безробітного і депресивного села продовжується у фантомних radoщах.

Забирай, що хочеш, тільки залиши
Одну калину за вікном, одну родину за столом,
Одну стежину, щоб додому йшла сама
Одна калина (2003) (сл. В. Куровського, муз. Р. Квінту)

Тим часом деконструкція цієї ситуації виводить на ширші суспільно-політичні терени.

У середині ХХ століття СРСР, запізнившись на колоніальний розподіл світу (Центрально-східна Європа – це не Азія, Африка, її так просто не визискуєш, ще й спробуй втримати у таборі), мав чималий зиск, експлуатуючи різнорівневість життя в селі та місті, різномогливість до життя жінки та чоловіка, нормування повної і незворотної самопожертви жінки через материнство, забираючи її приватність (бо ці трудодні – це капітали, не виплачені і не вкладені в соціальну сферу чи отримані іншими членами сім'ї⁴), рекреацію, захоплення та можливості на самореалізацію.

Тож здійснений аналіз демографічної ситуації другої половини ХХ – початку ХХІ століття і її відображення у естрадній пісенній творчості дозволив встановити, що сюжети, образи, форми (балади, діалог) пісні 60-70 рр. ХХ століття зумовлені романтичним впливом, тоді як мотиви, що домінують серед такого типу пісень сучасної естради – це втілення патріархальної ідеології як варіанту неотрадиціоналізму і моралізму *Культури-2*, вони наповнені риторичними питаннями і закличками, моралізаторством, огульністю.

Література

1. Боднар Г. Щоденне життя міста очима переселенців із сіл (50-80-ті роки ХХ ст.) : монографія / Г. Боднар. – Львів : Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2010.
2. Гіденс Е. Соціологія / Е. Гіденс ; пер. з англ. В.Шовкун. – К. : Основи, 1999.
3. Culture Shock - A Reader in Modern Cultural Anthropology / ed. Ph. Бокс. – Washington, D.C., 1970.
4. Хоскінг Дж. Структури доверия в последние десятилетия Советского Союза / Дж. Хоскінг ; пер. А. Захарова // Неприкосновенный запас. – 2007. – №4 [54]. Режим доступу до журн. : <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/ho5.html> [доступно: 28.08.2014]
5. Кісь О. Кого оберігає берегиня, або матриархат як чоловічий винахід / О. Кісь // «Я» (Інформаційно-освітнє видання). – 2006. – № 4(16). – С. 11 – 16.
6. Паперный В. Культура Два / В. Паперный. – М. : НЛО, 1996.
7. Males L., Sandrovych T. Exploitation of the Intimate Sphere in Socialist and Post-Socialist Ukraine / Males L., Sandrovych T. // Family and social change in Socialist and Post-Socialist societies: change and continuity in Eastern Europe and East Asia / ed. by Zsombor Rajkai. – Leiden Boston : Brill, 2014. – P. 83 – 121.
8. Дюркгейм Е. Первісні форми релігійного життя: Тотемна система в Австралії / Е. Дюркгейм. – К., 2002.
9. Кавун О. Володимир Литвин: «У рідне село як на крилах полечу» / О. Кавун // Віче. – 2011. – №7. Режим доступу до журн. : <http://www.viche.info/journal/2505> [доступ: 28.08.2014]

⁴ Приклади обрахунків таких затрат наводяться у спільноті «Финансы для женщин» <http://fem-finance.livejournal.com> [доступ: 27.08.2014].

Соціологічна освіта

УДК 316.728:004.007

Оксана Даниленко*доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина***Oksana Danylenko***Doctor of Social Sciences, Professor at Department of Political Sociology, V.N. Karasin Kharkiv National University*

ЖИЗНЕННЫЙ МИР IT-СПЕЦИАЛИСТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ВИЗУАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

В статье представлены варианты постановки и решения проблем социологического исследования жизненного мира IT-специалистов на теоретическом и эмпирическом уровнях. Обосновывается перспективность применения методов, базирующихся на ключевых принципах социологии повседневности и визуальной социологии, к измерению жизненного мира IT-специалиста.

Статья носит поисковый характер и актуализирует вопросы, связанные с исследованием повседневного жизненного мира представителей различных профессий, в том числе IT-специалистов, предлагая пути и способы его эмпирического измерения. Особое внимание уделяется интерпретации ключевых понятий феноменологической социологии, прежде всего понятия «повседневный жизненный мир» в работах А. Шютца. Анализируется операционализация этого и других понятий в имеющихся немногочисленных исследованиях феноменологии профессий. Представлены основные результаты авторской апробации индикаторов измерения жизненного мира IT-специалистов, проведенной в период с 2011 по 2015 год.

Ключевые слова: повседневный жизненный мир, жизненный мир IT-специалиста, феноменологическая социология, визуальная социология, феноменология профессий.

The article presents variants for formulating and solving the problems of sociological research of IT-specialists, both theoretically and empirically. It is grounded the perspectiveness of application of methods based on the key principles of sociology of the everyday life and visual sociology to the measurement of the life-world IT-specialist.

The article is exploratory in nature and identifies issues related to the study of the everyday life-world IT-specialists, offering ways and means of its empirical measurement. First, it focuses on interpretation of the key concepts of phenomenological sociology, in particular, «the world of daily life» in the works of Alfred Schütz. Secondly, analyzed how these concepts are operationalized in the few studies available in phenomenology profession researches. Thirdly, the author presents the main results of approbation of indicators for measuring the life-world of IT-specialists (in the period from 2011 to 2015).

Key words: the world of daily life, the life-world of IT-specialists, phenomenological sociology, visual sociology, phenomenology of professions.

У статті представлено варіанти виокремлення та вирішення проблем соціологічного дослідження життєвого світу ІТ-фахівців на теоретичному і емпіричному рівнях. Обґрунтовується перспективність застосування методів, що базуються на ключових принципах соціології повсякденності та візуальної соціології, до вимірювання життєвого світу ІТ-фахівця.

Стаття має пошуковий характер та актуалізує питання, що пов'язані з дослідженням повсякденного життєвого світу представників різних професій, у тому числі ІТ-фахівців, пропонуючи шляхи та способи його емпіричного вимірювання. Особлива увага приділяється тлумаченню ключових понять феноменологічної соціології, перш за все поняття «повсякденний життєвий світ» в роботах А. Шютца. Аналізується операціоналізація цього та інших понять в наявних нечисленних дослідженнях з феноменології професій. Викладаються основні результати авторської апробації індикаторів вимірювання життєвого світу ІТ-фахівців здійсненої в межах досліджень, що були проведені у період з 2011 по 2015 рік.

Ключові слова: повсякденний життєвий світ, життєвий світ ІТ-спеціаліста, феноменологічна соціологія, візуальна соціологія, феноменологія професій.

Актуальность социологического анализа профессий ИТ-специалистов с точки зрения исследования жизненного мира имеет несколько возможных вариантов обоснования, и поскольку тема эта достаточно новая, предлагаю рассмотреть подробно основные варианты с выходом на поисковые проблемы.

Во-первых, взгляд на профессии с позиций жизненного мира или феноменология профессий [1, с. 295-404] привлекает социологов в связи с тем, что позволяет не только рассмотреть специфику повседневных практик конкретной профессии, встроенных в определенный социальный контекст, но и увидеть механизмы организации социального порядка на микроуровне (в духе феноменологической социологии А. Шютца [2, 3, 4] и этнометодологии Г. Гарфинкеля) [5]). Во-вторых, интерес именно к ИТ-специалистам связан с тем, что информационные технологии все интенсивней проникают в различные сферы жизнедеятельности общества. ИТ-специалисты все более влияют на особенности социокоммуникативных процессов, а результаты их профессиональной деятельности влияют не только на развитие информационных технологий, но и на появление новых вариантов «конструирования социальной реальности» (в контексте идей П. Бергера и Т. Лукмана [6]). В-третьих, сегодня ИТ-специалисты оказываются одними из наиболее востребованных специалистов на рынке труда. При этом исследование жизненного мира позволяет выйти на понимание сопутствующих этому, несмотря на всю успешность и востребованность, кризисных и проблемных моментов: отчуждение от результатов труда, негативные аспекты виртуализации деятельности и др.

Кроме того, проблема эмиграции ИТ-специалистов (не только с точки зрения «утечки мозгов» из страны, но и с точки зрения дальнейшей интеграции и адаптации) мо-

жет получить новое звучание при исследовании жизненного мира (вопросы исследования жизненного мира инженеров-мигрантов были рассмотрены мной в статье [7]). Именно при феноменологическом анализе на первый план выходят проблемы, рассмотренные А. Шютцем в работах «Чужак» [8] и «Возвращающийся домой» [9]. Отдельной исследовательской проблемой является соотнесение различных «повседневных жизненных миров» при работе в аутсорсинговых компаниях.

Цель данной статьи – обозначить варианты постановки и решения проблем социологического исследования ИТ-специалистов как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне, а также обосновать перспективность применения методов, базирующихся на ключевых принципах социологии повседневности и визуальной социологии.

Поскольку сфера исследования достаточно новая, статья носит поисковый характер и выявляет вопросы, связанные с исследованием обозначенных выше направлений, предлагая пути и способы эмпирического измерения жизненного мира ИТ-специалистов, а также рассматривает проблемы социологического измерения. Для этого, во-первых, уделим особое внимание расшифровке ключевых понятий феноменологической социологии, во-вторых, проанализуем, как операционализируются эти понятия в имеющихся немногочисленных исследованиях феноменологии профессий (пусть даже это сделано не применительно к ИТ-специалистам, а в исследованиях жизненного мира других профессий, они представляют интерес как варианты эмпирического исследования и описания жизненного мира определенной профессии).

В качестве методологического фундамента для изучения обозначенных вопросов могут рассматриваться идеи А. Шютца – основателя феноменологической социологии и социоло-

гии повседневности, работы Г. Гарфинкеля, развившего идеи феноменологической социологии А. Шютца в этнометодологию как практический способ исследования повседневности и выявления механизмов установления социального порядка, а также ряд современных работ в области социологии повседневности и социологии знания: о социальном конструировании реальности (П. Бергер, Т. Лукман) [6], о взаимосвязи действий, мыслей и высказываний как генетических форм жизненного мира (И. Срубар) [10], о коммуникативном конструировании социальной реальности (Х. Кноблаух) [11], о феноменологическом анализе взаимосвязи вещей как символов с социальным неравенством и идентичностями (А. Бош) [12], об интерпретации повседневности и повседневных интерпретациях [13] (Х. Г. Зёфнер). Кроме того, следует обратить внимание на этнографические исследования профессий (например, в работах Т. Шепанской [14] и В. Шумова [15]) как с точки зрения разграничения с социологическими исследованиями повседневности, так и с позиций междисциплинарного синтеза, в частности, при анализе фольклора профессиональных групп, символических кодов, составлении тезауруса профессиональной среды и пр.

На теоретическом уровне существует проблема определения жизненного мира как ключевого понятия феноменологической социологии, в том числе соотношения понятий «жизненный мир», «повседневность» и «жизненный мир повседневности» («die alltägliche Lebenswelt», как он обозначен в большинстве текстов А. Шютца на немецком языке). С другой стороны, существует проблема эмпирической операционализации понятий «жизненный мир» и «повседневность» при осуществлении конкретных социологических исследований. В работах А. Шютца нет единого понятия, существует многообразие интерпретаций жизненного мира и повседневности и их соотношения. Х. Абельс, например, выделяет четыре основных подхода к определению понятия «жизненный мир» [16], опираясь при этом на работу А. Шютца и Т. Лукмана «Структуры жизненного мира» [17]. Приведем эти четыре определения, чтобы затем рассмотреть, какое из них наиболее эффективно при осуществлении социологического изменения жизненного мира. Первое определение, по мнению Х. Абельса, звучит весьма тривиально: этот мир является областью реальности, в которой человек принимает участие с неизбежной и регулярной повторяемостью [17], т.е. в качестве основной характеристики выделяется повторяемость. Далее, продолжая цитировать А. Шютца, он приводит

высказывание: «Только в повседневном жизненном мире возможно конституирование общей среды коммуникации» [15], что интересует нас, поскольку здесь фигурирует формулировка «повседневный жизненный мир», а также подчеркивается коммуникативная составляющая. Х. Абельс подчеркивает, что здесь А. Шютц говорит о повседневности как об одной из областей действительности, отмечая, что есть и другие области действительности. Заметим, что это характерно также и для работы А. Шютца «On Multiple Realities» [3], где А. Шютц в полной мере раскрывает эту идею, описывая, различные варианты конечных областей значения.

Второе шютцевское определение, которое приводит Х. Абельс, следующее: «Под повседневным жизненным миром понимается та область реальности, которая свойственна в качестве простой данности нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем все, что переживаем как несомненное, то есть любое положение дел, которое до поры до времени является для нас непроблематичным... В естественной установке человек находится в мире, который является для него беспроблемным [17], действительность которого является для него само собой разумеющейся». Х. Абельс подчеркивает в этом определении, что люди действуют в социальной реальности на основе естественной установки. Мне же хотелось бы обратить внимание на «непроблематичность». Современный немецкий социолог, один из лидеров в разработках по социологии повседневности И. Срубар ставит вопрос о том, действительно ли повседневность непроблематична.

Третье определение имеет особое значение с точки зрения «интерсубъективности», что связано с характеристикой повседневного жизненного мира как мира общего с другими людьми: что это не личный мир, а интерсубъективный мир, «структура которого является общей с другими людьми» [17].

Четвертое определение следующее: «Жизненный мир есть... действительность, которую мы изменяем с помощью своих поступков и которая, в свою очередь, меняет свои поступки» [17]. Основной характеристикой четвертого определения является деятельное отношение, возможность изменять действительность и изменяться.

Как измерить жизненный мир в контексте исследования какой-либо профессии? Проанализируем немногочисленные имеющиеся публикации, отображающие феноменологически ориентированные исследования профессий. Основные принципы феноменологии

профессий изложены в работе П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой «Антропологические исследования профессий» [18]. Не будем дискутировать по поводу названия и самоназвания, поскольку, как показывает анализ этой публикации, здесь представлено феноменологическое исследование профессии, т.к. ключевые понятия интерпретируются с позиции социологии повседневности, именно поэтому в более поздних работах этих авторов можно встретить название, приближающееся к рассматриваемой в данной статье сфере – «феноменология профессионализма». Приведем расшифровку ключевых понятий, поскольку это релевантно исследованию жизненного мира IT-специалиста, хотя в данной работе [18] и нет выхода на специфику именно этой сферы.

В работе «Антропологические исследования профессий» П. Романовым и Е. Р. Ярской-Смирновой предлагается рассмотрение мира определенной профессии как «относительно замкнутого и самодостаточного жизненного мира»; чтобы изучить этот мир, необходимо «детально описать содержание и структуру сознания субъектов, ухватить качественные различия в их переживаниях и выявить смысл их переживаний» [18, с. 17]. При этом профессия интерпретируется как вид занятости, «где вырабатываются особые, «свои» знания и способы их передачи, а вокруг конкретного вида работы складывается свой специфический жизненный мир, формируются стилевые особенности и габитус» [16, с. 17]. Это определение может быть использовано как базовое при анализе жизненного мира IT-специалиста. При этом в качестве критериев профессионального сообщества прежде всего выделяются «совокупность культурных кодов», наличие «стереотипов и норм поведения, форм дискурса, сложившихся в профессиональной среде, функционирующих на уровне повседневности и транслируемых посредством механизмов традиции в рамках повседневных практик, специальных ритуализированных действий» [18, с. 51]. Все эти моменты составляют основу эмпирических исследований жизненного мира представителей определенных профессий, объединенных в рубрику «феноменология профессионализма» [1, с. 295-404]: фрезеровщика, водителя маршрутки, этнографа, социолога опросных агентств и др. Проведем анализ некоторых из них, чтобы выявить, какие характеристики повседневного жизненного мира высвечиваются и как они измеряются на эмпирическом уровне. Предлагаю рассмотреть два варианта: жизненный мир водителей маршруток и жизненный мир фрезеровщиков, обратившись

к результатам исследований, предпринятых российскими социологами [1, 19, 20].

При анализе особенностей измерения жизненного мира водителя маршрутки [19], обращает на себя внимание указание на то, что исследование фокусируется на повседневном мире водителей «маршруток» (а конкретно – водителей ГАЗелей), состоящем из привычных, повседневно повторяющихся повседневных практик, что соотносится с первым из четырех приведенных выше определений повседневного жизненного мира А. Шютца с точки зрения рассмотрения повторяемости, но у А. Шютца это не сводится к практикам, а рассматривается «область реальности, в которой человек принимает участие с неизбежной регулярной повторяемостью» [15]. При этом сведение жизненного мира к повседневным практикам при описании жизненного мира водителя маршрутки представляется несколько неточным, сужает интерпретацию повседневности, но выход на рутинизированные практики в качестве одного из проявлений жизненного мира профессии представляется перспективным. Эмпирическое исследование базируется на тактике кейс-стади, реализованной на одном из маршрутов города, таким образом, как и предполагает кейс-стади, нет претензии на охват всех вариантов воплощения профессии водителя маршрутки, но предлагается описание основных характеристик выбранного случая. Методология исследования определяется как «этнография исследования профессии, ориентирующая нас на внимание к жизненному миру профессиональной субкультуры с воспроизводящимися социальными отношениями, системой статусов, стилями поведения, атрибутами, неформальными правилами и официальными нормами» [19, с. 313]. Здесь можно было бы увидеть проблему соотношения социологического и этнографического подхода и задаться вопросом, какой именно из этих двух подходов доминирует в данном исследовании, но, учитывая, что реализуемый этнографический подход очень близок к гарфинкелевской этнометодологии как методологии социологического исследования повседневности, можно рассматривать это исследование как социологическое. Основные методы сбора информации: социологическое наблюдение, фотография, глубинные интервью.

В исследовании жизненного мира водителя маршрутки представляют интерес субъективные смыслы в мире профессий, связанные с этим коды (в том числе проявляющиеся в языке), а также конкретные практики, связанные с реализацией этих смыслов и кодов. Так, например, рассматриваются особенно-

сти интерьера маршрутки как отображение жизненного мира: «предметы, которыми водитель окружает своё – в данном случае рабочее – пространство, отражают представление «газелиста» о том образе, который ценен ему как индивиду сквозь призму вещей, демонстрируя пассажирам значимые для шофера смыслы» [19, с. 317]. Как видим, именно смыслы оказываются в центре внимания (что соответствует рассмотрению «смысла» как ключевого понятия в феноменологической социологии А. Шютца), в том числе смыслы, которыми наделен мир вещей, окружающих рабочее место. С анализом смыслов связано и общение между водителями, которое также сопряжено с наличием специфических кодов, которые проявляются как в речи, так и в жестах, сигналах. Кроме того, рассматривается, как ежедневные повторяющиеся действия продуцируют развитие профессионального фольклора, выявляется специфика фольклора водителей маршрутки, что фиксируется в большей мере не благодаря интервью, а с помощью наблюдения в сочетании с фотографией (при этом неформальные объявления рассматриваются как особый фольклорный жанр). Следует заметить, что П.Штомпка в своей книге «Визуальная социология» [21] рассматривает фотографию как отдельный социологический метод, дополняющий другие методы социологии. В случае исследования жизненного мира водителя маршрутки фотография помогает зафиксировать и проявления профессионального фольклора, и особенности организации рабочего места.

Кроме того, при рассмотрении жизненного мира водителя маршрутки анализируются нормы и правила (формальные и неформальные), определяющие как взаимоотношения между водителями, основные практики их коммуникации, так и взаимоотношения водителя с клиентами, что осуществляется благодаря проведению интервью и наблюдению. Ключевыми понятиями при этом являются: «жизненный мир», «рутинные действия», «нормы и правила (формальные и неформальные)», «смыслы», «практики», «фольклор», «традиции профессионального сообщества». Эти понятия раскрывают как жизненный мир профессии, так и профессиональную субкультуру. Интервью помогает выйти на скрытые смыслы, «скрытые от глаз внешнего наблюдателя практики базового и символического потребления» [19, с. 336].

Следующий пример анализа жизненного мира профессии, контрастирующий с профессией IT-специалиста, но также и фиксирующий особенности профессионального жизненного мира, являющиеся общими для всех про-

фессий, – это профессия фрезеровщика. В исследовании жизненного мира фрезеровщика [20] внимание концентрируется прежде всего на следующих ключевых понятиях: «жизненный мир», «интерсубъективный смысл», «здоровый смысл», «опривычивание», «типизация», «повседневность», «рутина», «характерный код профессии», «опыт», «скрытое знание», «повседневное знание». Здоровый смысл рассматривается как способ организации порядка в повседневных практиках, характеризующих определенную профессию. Опыт рассматривается не только как повседневный опыт, но и с точки зрения способов передачи знания (причем с точки зрения социологии повседневности более интересны неформальные, чем формальные способы передачи профессионального знания). Это непосредственно связано со скрытым знанием, которое приходит именно в ходе работы в определенной профессии, вытекает из повседневного опыта.

Как измеряются особенности повседневного жизненного мира фрезеровщика? Прежде всего подчеркивается особая роль «здорового смысла» в организации процесса работы и связанного с этим порядка, здесь это высвечивается еще более ярко, чем при описании профессии водителя маршрутки; также можно заметить, что «здоровый смысл» для этих двух профессий является разным. Особенности интерпретации здорового смысла в рамках конкретной профессии связаны с третьим из рассмотренных выше определений жизненного мира, то есть выводят нас на интерсубъективность здорового смысла в рамках определенной профессии («повседневный жизненный мир как мир общий с другими людьми» [17]). Отдельное внимание в исследовании уделяется способам трансляции повседневных рабочих знаний фрезеровщиков, описывается «рутина» повседневных действий как повторяющиеся каждодневные практики (что созвучно первому из представленных выше определений жизненного мира): «Фрезеровщики каждый день сталкиваются с рутинными вопросами, определяющими структуру их повседневности. Рабочий день стандартно начинается с осматривания станка, налаживания фрезы (режущий инструмент для обработки металла), закрепления заготовки (будущей детали) и закладывания операции по модификации этой заготовки» [20, с. 373]. Далее подчеркивается, что работа может вестись с различной скоростью, что будет определять длительность процесса, наличие пауз и «перекуров». Если применительно к профессии фрезеровщика характеристики процесса труда и даже отчасти степень его сложности могут быть

зафиксированы с помощью наблюдения, то в профессии IT-специалиста значительная часть его деятельности является скрытой, поскольку содержательная часть труда практически не выражается вовне, ее невозможно зафиксировать с помощью наблюдения, можем увидеть лишь внешнюю сторону процесса. Хотя, конечно, даже при достаточной внешней «видимости» процесса скрытое знание, коды и варианты их прочтения ускользнут от нашего наблюдения (как в профессии фрезеровщика, так и в профессии IT-специалиста), но на них отчасти можно выйти в ходе проведения интервью.

Одним из центральных вопросов, которому уделяется особое внимание при описании жизненного мира фрезеровщиков, является организация рабочего места, которое рассматривается в контексте анализа особенностей организации пространства в соотношении «индивидуальное-коллективное», «общее-приватное» и т.д. Оформление рабочего пространства (плакаты на стенах, цветы на станках и пр.), отношение к инструментам и их упорядочиванию, варианты передачи знаний и возникающих в профессиональной деятельности проблем, неформальные практики общения, в том числе способы избавления от конкурентов, различные варианты приспособления к трудовой среде – все это фиксируется с помощью наблюдения, фотографии и интервью. Все это может быть адаптировано и к исследованию повседневного жизненного мира IT-специалистов: внешние особенности организации рабочего места (как индивидуального рабочего места, так и особенности пространства комнат, в которых находятся рабочие места, и комнат для отдыха), специфика коммуникации, передачи знания, анализ способов решения возникающих проблем. Однако необходимо учитывать специфику деятельностью IT-специалистов, связанную с виртуализацией деятельности и особой ролью технических средств в коммуникации, а также то, что в большей степени скрыт от внешнего наблюдателя процесс труда этих специалистов. Гораздо более скрытый процесс работы, а зачастую также скрытость результата от внешнего наблюдения затрудняет выявление специфики «скрытого знания» в профессии IT-специалистов и требует поиска дополнительных подходов к исследованию с учетом специфики профессии.

Таким образом, анализ публикаций в области «феноменологии профессий» показал, что ряд индикаторов, ключевые понятия, с помощью которых измеряются, особенности жизненного мира водителя маршрутки и жизненного мира фрезеровщика могут быть исполь-

зованы при исследовании жизненного мира IT-специалистов. В тоже время анализ показал необходимость разработки специальной модели исследования, учитывающей особенности данной профессии, указанные выше. Подводя итоги анализа имеющихся публикаций в соотношении с основными методологическими принципами социологии повседневности, необходимо также подчеркнуть, что анализ профессии в феноменологической социологии реализуется через обращение к различным смыслам, точнее, к субъектам с их уникальными смыслами, влияющими на процесс интерпретации одного и того же социального действия. Несмотря на различные биографические ситуации, обуславливающие различные интерпретации одной и той же ситуации, субъекты достигают определенного понимания благодаря интересубъективности, что приводит к определенному порядку.

Ключевым моментом поддержания социального порядка является здравый смысл. Эту идею ярко выражает Г. Гарфинкель, который, развивая положения феноменологической социологии А. Шютца, сформулировал основные принципы этнометодологического исследования. Благодаря своим известным кризисным экспериментам он доказал, что люди ищут социальный порядок даже там, где его нет и быть не может. Одна из ключевых идей: релевантный исследованию профессий с точки зрения повседневного жизненного мира социальный порядок на микроуровне основывается прежде всего на «здравом смысле» и «скрытом знании». Это заставляет при исследовании IT-специалистов поставить в центр внимания следующие вопросы. Какими смыслами наполняют свой повседневный жизненный мир IT-специалисты? Как соотносится их повседневный жизненный мир с профессией? С какими повседневными практиками и скрытым знанием это связано? В чем проявляется рутинность этой профессии? Тождествен ли повседневный жизненный мир повседневному миру конкретной профессии? Имеет ли это соотношение свою специфику применительно к IT-специалистам?

Представленные выше методологические принципы, а также ключевые вопросы, определяющие принципы анализа, легли в основу модели комплексного исследования жизненного мира IT-специалистов и нашли свое выражение в комплексе индикаторов и связанных с ними блоков вопросов. Эти блоки прошли апробацию в ходе авторских пилотажных исследований (2010/2015), а также в ходе написания под моим руководством магистерских работ, в которых исследовались особенности про-

фессиональной субкультуры программистов (2011/2012), особенности жизненного мира IT-специалистов (2013/2014). При этом был выявлен ряд проблем социологического измерения, отображающих специфику исследования IT-специалистов, среди которых прежде всего необходимо назвать достаточную закрытость профессионального сообщества для исследования; сложность расшифровки профессиональных кодов и недоступность их для наблюдения; недоступность наблюдению содержательной стороны труда и результатов труда и др. Еще одной важной проблемой является сложность проведения границ (даже условных) между жизненным миром профессии и повседневным жизненным миром в целом (процесс включения в профессию может быть не связан с «приходом на работу», а завершения – уходом, особенно яркое выражение это находит применительно к фрилансерам). Это показали ответы на ключевые вопросы: «Опишите, пожалуйста, свой типичный рабочий день максимально подробно: как начинается рабочий день, что Вы делаете в течение дня, что определяет каждодневную «рутину», повторяется изо дня в день»; «Какие каждодневно повторяющиеся, рутинные практики в Вашей профессиональной деятельности составляют ее сущность? Назовите и опишите». Предложено было также окончить предложение: «Деятельность IT-специалиста – это прежде всего...», «IT-специалист – это...»

Проведенная апробация различных вариантов инструментария, проведение исследований и обобщение полученных результатов с точки зрения возможностей и проблем измерения жизненного мира профессии IT-специалистов позволили предложить следующий вариант решения этих проблем: сочетание интервью, наблюдения и метода фотографии, дополненное элементами автоэтнографии с опорой на парсипаторные методы.

Учитывая достаточную закрытость профессиональной группы IT-специалистов, а также трудности измерения «скрытого знания», целесообразно давать более активную роль представителям исследуемой группы, применяя парсипаторные методы, в том числе в случае использования фотографии. IT-специалисту предлагалось, например, описать свое рабочее место, а затем сделать серию фотографий, отображающих его специфику. Предлагалось также сделать фотографию рабочего стола своего компьютера (desktop), чтобы посмотреть, как отображен в этом жизненный мир профессии. Без включения этих фотоматериалов в процесс интервью, довольно затруднительным оказался выход на специфику жизненного мира IT-специалиста. Фо-

тографии показали минимализм во внешнем представлении рабочего процесса и еще больше подчеркнули трудноуловимость «скрытого знания». Поэтому целесообразно использовать фотографии в сочетании с интервью, поскольку именно фотографии могут стать стимульным материалом, который позволит выйти на интересующую информацию. Например, во время индивидуального или группового интервью целесообразно представить фотографии, сделанные в ходе исследования, и попросить поразмышлять о том, что изображено на конкретной фотографии (или серии фотографий).

Некоторые фотографии отображают типичные случаи, некоторые – специфические. Например, на некоторых из фотографий изображены работающие за компьютером офисные работники, трудно даже в первый момент выявить, являются ли они IT-специалистами. Это может быть отправным пунктом к групповой дискуссии или к одному из вопросов интервью, связанных с описанием типичного рабочего места и повседневных практик IT-специалистов. Однако как материал для дискуссии могут быть использованы и уникальные случаи (кейсы) фотографий. В ходе исследования с применением парсипаторных методов была получена, например, одна фотография, на которой за компьютером сидит молодой мужчина, который приковал себя к стулу наручниками, что отображало специфику рабочего места IT-специалиста. Это, конечно, уникальный случай, но он может стать материалом для размышления в ходе индивидуального интервью и дискуссии в ходе группового интервью. Другой случай, связанный с применением парсипаторных методов: IT-специалист в ответ на вопрос об имеющихся традициях, ритуалах в IT-компании сделал и принес фотографию с различными бубнами, которые расположены на специальных полках в комнате системных администраторов, подтвердив один из распространенных мифов по поводу системных администраторов («сисадминов»). Это может быть использовано для дальнейшей дискуссии по поводу профессионального фольклора, ритуалов, традиций, мифов определенной профессии. Достаточно информативной оказалась также серия вопросов о специфике профессионального языка. Ряд языковых моментов проявился и без специальных вопросов, поскольку тексты интервью и эссе в большей мере отображали специфический дискурс профессиональной среды, чем ответы на открытые вопросы анкеты.

Следует заметить, что представители IT-профессии предпочитают интервью по скайпу или общение в чате персональной встрече с

интервьюером. Кроме того, они охотно идут на письменный вариант ответов на вопросы, порой сами предлагают вариант коммуникации с интервьюером по электронной почте, поэтому были предложены также анкеты с открытыми вопросами, которые оказались информативными с точки зрения анализа жизненного мира и дали возможность увидеть как повторяющиеся, так и уникальные варианты описания сущности профессии и каждодневной рутины IT-специалиста. Это было существенным дополнением к текстам интервью и результатам наблюдения. Еще более результативным представляется обращение с просьбой о написании небольших эссе. IT-специалисты охотно откликаются на творческие задания. Например, можно попросить написать небольшое эссе о типичном рабочем дне IT-специалиста, показав, что составляет рутину профессии, одновременно описав случаи нарушения привычного порядка. Можно попросить кратко описать рабочее место, предложив назвать три самых важных его атрибута и охарактеризовать их включенность в рабочий процесс, сопроводив это, по возможности, фотографиями. Можно даже предложить написать небольшое эссе на тему «В чем состоит «здравый смысл» в профессии IT-специалистов?» Представители исследуемой группы охотно выбирали одну из тем, творчески подходя к выполнению предложенного задания. Анализ таких эссе помогает сформировать коллекцию случаев, позволяющих найти на ответы на следующие вопросы. Что организует социальный порядок в профессии IT-специалиста? Что является типичным, а что уникальным применительно к данной профессии? Что составляет рутину? Как соотносится «повседневный жизненный мир» и «повседневный жизненный мир определенной профессии»? Кроме того, применение партиципаторных методов дает возможность социологу увидеть «скрытое знание», не будучи «встроенным» в данную профессиональную общность.

В ходе исследования были выявлены различные типы организации рабочего пространства и рабочего времени IT-специалиста, которые выступают как случаи: случай фрилансера; случай работы в аутсерсинговой компании в Украине; случай работы в IT-компании, разрабатывающей программные продукты для обслуживания украинского рынка; случай мигранта, переехавшего работать в IT-компанию из другой страны, и др. Выявление и описание того, какие особенности организации повседневного жизненного

мира профессии имеет каждый из этих случаев, представляется перспективной задачей.

Отдельной исследовательской проблемой, выявленной в ходе анализа полученных результатов и требующей дальнейшего изучения, является соотношение различных «повседневных жизненных миров» при работе в аутсорсинговых компаниях, когда «здесь моего тела» и «сейчас моего времени», составляющие, по А.Шютцу, основу повседневности, получает новое выражение, поскольку тело оказывается одновременно в различных временных координатах, что накладывает отпечаток на организацию повседневности. Сочетание интервью и эссе как вариант самонаблюдения (автоэтнографии) позволяет выйти на решение этой проблемы.

Приведенные результаты анализа и примеры, выделенные из множества вариантов случаев измерения, позволяют сделать вывод о необходимости синтеза различных методов при осуществлении социологического измерения с акцентом на активную роль исследуемого в процессе социологического изучения жизненного мира IT-специалиста.

Исследование показало, что жизненный мир IT-специалистов очень сложно измерить, но это возможно благодаря качественным методам социологического анализа, базирующимся на феноменологической социологии и этнометодологии в сочетании с методами визуальной социологии. Причем вариант исследования, интегрирующий различные методы в различных комбинациях, может дать наилучший результат при исследовании данной профессиональной общности. При этом целесообразно использовать две перспективы анализа жизненного мира – с позиций внешнего наблюдателя, в роли которого выступает социолог, и с позиций внутренней погруженности в мир профессии (раскрытие внутренних смыслов своей профессии теми, кто к ней принадлежит, в интервью, благодаря применению партиципаторных методов визуальной социологии, когда сами участники этой группы делают по просьбе социолога фотоколлекции, отражающие специфику рабочего места, повседневных практик и т.д., а также благодаря использованию коллекции фотографий как стимульного материала для проведения интервью). Сочетание именно этих двух перспектив в комбинации с качественными методами социологии, в том числе с методом фотографии, позволяет выйти на измерение жизненного мира профессии (в данном случае – профессии IT-специалиста).

Литература

1. Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. – 408 с.
2. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц. – М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
3. Schütz A. On Multiple Realities [Electronic resource] / A. Schütz // *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 5, No. 4 (June, 1945), pp. 533 – 576. – Way of access : <https://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/ge/schuetz.htm>
4. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. / А. Шюц. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с. – (Сер. «Книга света»)
5. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб. : Питер, 2007. – 335 с.
6. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с нем. Е. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
7. Даниленко О. А. Жизненный мир и социокультурные идентичности инженеров-мигрантов из постсоветских стран в Германию: постановка проблемы / О. А. Даниленко // *Вісник Київського національного університету імені Т.Шевченка : Соціологія*, N 4. – 2013. – Соціологія: теорія, методи, маркетинг, 2013. – N 4. – С. 87 – 91.
8. Шюц А. Чужак: Социально-психологический очерк / А. Шюц // *Избранное: мир, светящийся смыслом* / А. Шюц ; пер. с нем. и англ. В. Г. Николаева, С. В. Ромашко, Н. М. Мирновой. М. : РОССПЭН, 2004. – С.533 – 549.
9. Шюц А. Возвращающийся домой / А. Шюц // *Избранное: мир, светящийся смыслом* / А. Шюц ; пер. с нем. и англ. В. Г. Николаева, С. В. Ромашко, Н. М. Мирновой. М. : РОССПЭН, 2004. – С. 550 – 556.
10. Srubar I. Handeln, Denken, Sprechen. Der Zusammenhang ihrer Form als genetischer Mechanismus der Lebenswelt / Ilja Srubar // *Subjekte und Gesellschaft. Zur Konstitution von Sozialität. Für Günter Dux*. Hrsg. von Ulrich Wenzel, Bettina Bretzinger und Klaus Holz, Weilerswist: Velbrück Wissenschaft. – 2003.
11. Knoblauch H. Subjekt, Intersubjektivität und persönliche Identität. Zum Subjektverständnis der sozialkonstruktivistischen Wissenssoziologie / H. Knoblauch // Grundmann M. and R. Beer (eds.): *Subjekttheorien interdisziplinär. Diskussionsbeiträge aus Sozialwissenschaften, Philosophie und Neurowissenschaften*. – Muenster : Lit, 2004, pp. 37 – 58.
12. Bosch A. Ding und Symbol. Soziale Ungleichheit, Identität und persönliche Objekte. Habilitationsschrift, eingereicht an der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg / A. Bosch. – 2009.
13. Soeffner Auslegung des Alltags – Der Alltag der Auslegung: zur wissenssoziologischen Konzeption einer sozialwissenschaftlichen Hermeneutik UTB / H. G. Soeffner. – 2004.
14. Щепанская Т. Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX – начало XXI в.) / Т. Б. Щепанская. – СПб. : Наука, 2010. – 338 с.
15. Шумов К. Э. Профессиональный миф программистов / К. Э. Шумов // *Современный городской фольклор*. – М. : РГУ, 2003. – С. 128 – 164.
16. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб. : Алетейя, 2000. – 268 с.
17. Schütz A. *Strukturen der Lebenswelt*. Bd. П. / A. Schütz, T. Luckmann. – Frankfurt am Main, 1984.
18. Романов П. В. Антропологические исследования профессий / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // *Антропология профессий : сб. науч. ст. под ред. П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой*. – Саратов : Центр социальной политики и гендерных исследований : Научная книга, 2005. – С. 13 – 51.
19. Сорокина Н. «Мы летаем для Вас!»: жизненный мир водителя маршрутки / Н. Сорокина // *Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри* / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. – С. 313 – 337.
20. Абрамова О. «В работе главное – здравый смысл!» Повседневное знание в труде фрезеровщика / О. Абрамова // *Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри* / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М. : Вариант, ЦСПГИ, 2007. – С. 360 – 381.
21. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / П. Штомпка ; пер. с польск. Н. В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. – М. : Логос, 2007. – 168 с.

Соціологічна публіцистика

СОЦИОЛОГИЯ ОДНОГО ГОРОДА: ИНТЕРВЬЮ С ПОЛЬСКИМ СОЦИОЛОГОМ ПРОФЕССОРОМ ЯЦЕКОМ КУРЧЕВСКИМ

SOCIOLOGY OF ONE TOWN: AN INTERVIEW WITH POLISH SOCIOLOGIST PROFESSOR JACEK KURCZEWSKI

З професором Яцеком Курчевським спілкувалася та підготувала вступне слово доктор соціологічних наук, професор Світлана Щудло¹

Не раз задавалася питанням, наскільки добре ми знаємо, як розвивається соціологічна наука у наших західних сусідів. Чи, зокрема, є зацікавлення доробком сучасних соціологів Польщі – країни, з якою межує Україна? Відповідь напрошується досить очевидна – маємо обмаль інформації. Знаємо класичні праці З. Баумана, Л. Гумпловича Ф. Знанецького, Б. Маліновського, С. Осовського, М. Осовської та інших науковців, до яких часто апелюємо у своїх наукових розвідках. Однак захоплюючись працями соціологів-класиків, ми залишаємо поза увагою цікавий соціологічний доробок сучасних дослідників. Дзеркально виглядає ситуація і в польській соціологічній науці. Незважаючи на глобалізаційні процеси, наука значною мірою залишається досить герметичною. З-поміж низки причин, що стають на заваді науковому інформаційному обміну, є мовні бар'єри. Ще одним чинником, який робить наші науки замкнутими на себе, є невеликі тиражі, якими виходять з друку наукові праці, не потрапляючи до ширшого кола зацікавлених читачів.

А чи цікаві ми для наших колег-соціологів? Останніми роками, що приємно відзначити, непоодинокими стають намагання поль-

ських науковців пізнати і відкрити українську соціологічну науку, донести польському читачеві праці відомих українських соціологів. Насамперед тут слід віддати належне професору Ягеллонського університету Ярославу Мокляку, який з 2006 року є головним редактором польськомовного часопису «Нова Україна». Серед авторів праць, вміщених до цього авторитетного у Польщі наукового видання, є прізвища таких вітчизняних соціологів, як О. Демків, Н. Коваліско, І. Кононов, В. Середа, Н. Черниш, С. Щудло та ін. У часописі поряд з історико-політологічними працями широко представлені новітні дослідження українських соціологів.

Ще одним прикладом зацікавлення польських колег Україною є тривалі соціологічні дослідження на теренах Західної України одного з найвідоміших польських соціологів професора Яцека Курчевського. Наукові інтереси професора Варшавського університету, учня Зігмунта Баумана та Станіслава Осовського, зосереджені у царині соціології і антропології звичаїв та права. Перше моє знайомство з професором Курчевським, а також його учнем професором Даріушем Вояковським, відбулося ще у 2004 році у Дрогобичі під час проведення польового етапу дослідження національних меншин Дрогобича. Тішуся, що науковий інтерес польського соціолога до Дрогобича впродовж років не знижується, а соціологічні розвідки мого рідного міста залишаються у фокусі уваги науковця. Але часто собі задаю питання: а чому саме Дрогобич, чим цікавий Дрогобич соціологу? Для цього на розмову запросила професора Варшавського університету Яцека Курчевського.

¹ Світлана Щудло (Svitlana Shchudlo) – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри правознавства, соціології та політології Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка, schudlo@ua.fm

JACEK KURCZEWSKI – Polish sociologist born 1943 in Edinburgh (Great Britain), professor at Institute of Applied Social Sciences of Warsaw University, Chair of Sociology and Anthropology of Custom and Law Department. In 1970s President of Warsaw Chapter of Polish Sociological Association, in 1990s member of the Board of RC Sociology of Law, International Sociological Association. Member of the Board of Public Opinion Research Center (CBOS). Advisor to “Solidarność” in 1981, in 1988-90 member and deputy chairman of Civic Committee at Lech Wałęsa, participant of the Round Table in 1989, member of the Tribunal of the State (1989-1991), Deputy Speaker of the Polish Sejm of the first term (1991-1993). In

2007 awarded the Officer’s Cross of the Order of Polonia Restituta. Member of the Polish Helsinki Committee. Member of the committee in support of Bronisław Komorowski before the presidential elections in 2010 and 2015.

Main works in Polish: *Primitive Law: Legal Phenomena in Pre-State Societies, The Study of Law in the Social Sciences, Dispute and Courts, Conflict and “Solidarność”, Parliamentarians and the Public: the Study of Representation in the Third Republic, Counter-movements, Paths of Emancipation: Private Theory of Transformation in Poland*. In English: *Resurrection of Rights in Poland*, and recently edited collective volume *Reconciliation in the Bloodlands*.

Prof. S. Shchudlo: How did it happen that you begun to do the sociological research in Drohobych?

Prof. J. Kurczewski: As usual there is variety of reasons. One is biographical and dates back long ago into my socialization as sociologist. When I entered sociological department at University of Warsaw in 1960s, the intellectually active and politically independent students organization was the Scientific Circle of Students. Those circles belonged to the institutional structure of the universities but they were autonomous at the departmental level and subject to the academic monitoring of the department. Most of teachers at the department were non-communists but even the communist minority was independently minded as young doctor Zygmunt Bauman who was officially designated to watch us. Whatever he was doing in his other capacities, certainly he was helping young sociologists to develop their professional capacity. But otherwise we were organizing ourselves and looking for funds to spend holidays on something useful we were doing each year the monthly summer field research camp getting subsidized from the local authorities in small and medium size towns across the countries. First I was under the command of my elder colleagues, after three years I was in charge of the first research camp myself (where I get acquainted with my wife Joanna). Of course, there was always an academic staff member to monitor the research, the first such camp was visited for few days by Professor Stanisław Ossowski, the main authority in sociology at those days. When I got employed by Professor Adam Podgórecki in the chair led by Professor Maria Ossowska I continued the practice so whole my life I was in the summer at the field research camp with students. Times changed, the curriculum also

and such camps became mandatory part of the sociological education. The research was always “triangular” – though we did not know the word then –there were questionnaires, interviews and observation. Now this is the element of the elaborated methodology, as students we were following the good and basic American handbook *Research Methods in Social Relations* by Claire Selltitz; Marie Jahoda; Morton Deutsch; Stuart W. Cook (1964), before the Polish handbooks were developed by Stefan Nowak. The first research topic I designed in 1963 was the social life of intelligentsia in small town Miastko near Koszalin. Those annual research trips allowed me and my colleagues the direct and uncensored interaction with people from across whole Poland, immunized us against the idiocy of the official Communist description of Poland as constructing socialism and taught respect for social facts in contrast to the dogmatic and backward Marxist-Leninist theory. The side effect was the overgeneralized disdain for so-called sociological theory detached from the everyday life experience. So as you see even this single case study of Drohobych is in fact an element in permanent life-long sociological experience with case to case study of sociological reality.

Prof. S. Shchudlo: But is there any methodological reflection in all that or just jumping from case to case without any attempt at generalization?

Prof. J. Kurczewski: Nobody can study everything so whatever you do is just a part in the collective enterprise that in fact include not only sociologists of different methodological and theoretical persuasions but also anthropologists, folklorists, historians, economists, demographers etc. Any limits are here arbitrary so whatever we study are just

cases, concretizations *hic et nunc* of social life that in fact extends in space and time. With time one realizes that any initial reconnaissance opens the doubts that lead to the next study. One comes back to the studied local community because one does not know what happened after but this is at the same time desire to further study why something happened before. So in the permanent sociology of the type I am practicing one settles somewhere in order to combine “triangulation” of techniques with longitudinal study. And the results are to be shared with those under the study. This ideal is always imperfect, one cannot settle forever in the same locality to study it because one would not know what to ask, at least temporary distance is inevitable. This is why even at national level it is always good to have foreigner who is ALSO studying your country. In Upper Silesia there is a small town inhabited by ca 10,000 people of mixed origin, Silesian natives with German and Polish passports and newcomers, some from Western Ukraine, resettled here after the World War II. I came there by accident in late 1970s, brought students with me and since then four field research camps were arranged there, the last one in 2014. Always the representative sample of more than 200 people was surveyed and deep interviews conducted, and often with the same people over time. This is the longitudinal study which by no means settled all the questions. In fact, each time I read the new data collected I ask myself new questions. It took me more than 20 years to ask people finally what is their identity, national and regional, I repeated this question since and having the figures I still do not know what is behind them. Each locality has its mystery and this mystery is also dynamic. Drohobych in my academic life is another one of such anchor points. We came here with my colleague Professor Malgorzata Fuszara (now Minister-Government Plenipotentiary for Equal Treatment) first time in 2009 to study the Polish minority here and in the neighboring area. Then the two, or three years later I decided to make the survey sampling from the whole population to ask about the national feelings and attitudes to Poles, Jews and Russians who at different period lived here in significant numbers. Last year the new survey was made, this time relating the everyday disputes and the ways people in Drohobych are disputing between themselves. In the meantime I took part in some of the Bruno Schulz festivals organized by Professor Vera Meniok and that enabled me to observe the way the international band of guests feels among locals and how they react. And I visit, several times a year, Drohobych city market and the cities restaurants and bars as those two

natural sociological observatories always tell us holistically how the people feel and what they are concerned with. I asked native speakers to interview for me some local personalities, slowly I entered in conversation with members of local elite while being from the beginning in working contact with gifted youth from Drohobych students art co-op Alter without whom I would not have been able to do any extended research here. Now I am happy that one of my doctoral student Mr. Paweł Orzechowski who befriended the group speaks Ukrainian enough well to run his focus group doctoral research. If not my lack of command of Ukrainian my research would be much better, but for this one would need at least one month. Such short-term research grants for Ukrainians studying Poland and Poles and other European Union members studying Ukraine would be most opportune. I must not explain why being raised in the high tradition of Polish sociology I always hated the Western manner of nonchalant description of our societies without taking into account our perspective. The notable exception to this rule was the famous study of Solidarność headed by Alain Touraine. But Touraine was invited do research by Solidarność, personally by one of its advisors professor Bronisław Geremek, was helped by another Solidarność’s advisor, sociologist Jan Strzelecki and by Polish team of young collaborators. So this was non-colonialist research commissioned by independent trade union struggling with authorities in Poland. In my Drohobych research I was looking for Ukrainian partners, I was helped by expert in Polish-Jewish-Ukrainian relations such as Dr. Viera Meniok in charge of the Polish Studies Centre at State Pedagogical Ivan Franko University in Drohobych, by Dr. Sofia Dyak who defended her doctorate on L’viv and Wrocław under supervision of my wife Professor Joanna Kurczewska and when I have entered decisively sociological area of study such as in present research grant on patterns of disputes and dispute settlement I found the generous collegial help in Professor Svitlana Shchudlo in charge of the Chair in Law, Sociology and Political Science under development. We need the Rzecz Pospolita of researchers as well as Rzecz Pospolita of interests and sentiments. Similar pattern of cooperation I have developed earlier in another of my “single city” cases, Daugavpils in Eastern Latvia that offers obvious political and sociological interest due to its Russian speaking majority but embraces three major national groups – Russians, Latvians and Poles (about 14% of population). Again at the beginning was study of local Polish minority published with M. Fuszara as *Polacy nad Dźwin*

(Wydawnictwo UW, Warszawa 1999) and in situ developed reoperation with Professor Vladislavs Volkovs with whom I published in English the pamphlet on Inter-ethnic Relations in Today's Daugavpils.

Prof. S. Shchudlo: With all these efforts is there any intellectual common theme that emerges?

Prof. J. Kurczewski: Yes, but I stress that this is the dynamic process nothing like the old model of testing zero hypothesis I was taught in the 1960s. Step by step it occurred to me that triangulation Poland – Daugavpils – Drohobych allows me to understand that everywhere we are dealing with the phenomenon specific to Central-Eastern Europe and thus ignored by American sociology leading the field since World War I. I call it the “Transitive City”. I was as a child brought to the old German Stettin where there were still German schrift street signs, German-speaking young nannies and fishermen at Baltic Sea. We took it over with the pioneers enthusiasm, mostly people who were expelled or fled from the former Eastern Polish territories. You visit Szczecin today, it is purely Polish town but within the old German city plan modelled after Haussman's reconstruction of Paris. It is Polish in spirit but in the German form or Ur-Body. If you read recent Lviv literature and walk through the streets you see the discovery of the Galician and Polish past by the Ukrainian inhabitants. With Prof. Fuszara we studied Lviv Poles and I know how they feel, adjusted but cut off from the Old Lwów of their nostalgic past. And in Silesian town I am meeting the Poles who came from Lviv, Drohobych or more likely from Ternopol. In Daugavpils the ‘new Russians’ arrived from the USSR and took over the place of the massacred Jews. In Drohobych, city of proverbial “three quarters”, the largest Jewish was murdered, the Polish resettled to the West in 1946, but almost one third of citizens remained. So we have different types of the population “transit”, to sky above, to other areas. Warsaw was cleansed by German authorities first of its Jewish population exterminated until 1943, then after the 1944 failed insurrection of Polish population so the city West of Wisla was practically empty when “liberated” by Red Army in 1945. UPA insurrection against Germans, Poles and Soviets terrorized the remaining Polish population and psychologically helped the peaceful leaving of the places where like in Drohobych xenophobic massacre of Poles and Armenians did not occur. So in “transitive cities” sometimes the empty urban area with its history and memory hidden at extreme in the street, water supply or sewage

lines is taken by the totally new population with different memory, etc. that is culture, while in some the painful cohabitation is imposed by the external powers and circumstances. These processes are our common experience and they separate us from the West. West of Metz, I should say, as city of Metz, and Alsace-Lorraine in toto, is the Western-most place where I have seen such mutual re-settlement history witness in contrasting style of the French-designed and German-designed architecture. Cities are composed of material structure and human structure. Some cities have been not only fully resettled but also fully reconstructed like Kaliningrad, the Russian town focused on Immanuel Ivanovitch Kant and Baltic Sea Fleet. But the starting point for the old Koenigsberg, that is the Pregola river remains and makes for continuity of both cities, previous German and new Russian. In some the old infrastructure had been colonized by the totally new population like in Szczecin or Wroclaw, but as Polish urban sociologist Bohdan Jałowiecki remarked the criminal lumpenproletariat that arrived from Lviv settled in the same area where old Breslau thieves and lumpen lived while Polish university elite after arrival from L'viv was settled in the German villas district. In this context the study of Drohobych is the typological study of possibly one type of such urban transitivity, where the population was not fully renewed, but the one of “three quarters” won the whole space emptied by the others. How they construct the new society remembering the old one and how is human discontinuity somehow and at some moment repaired? Study of the one case like that is at the same time study of the type.

Prof. S. Shchudlo: But why Drohobych, was there any previous Polish sociological study? Do you have personal links with Drohobych?

Prof. J. Kurczewski: I would be very proud if that would be the case as Drohobych was the cradle city for many outstanding people of Polish or simply European culture such as Bruno Schulz, Kazimierz Wierzyński, Ivan Franko or Gottlieb brothers. But except for a distant cousin Mrs. Jundzi# who was sadly burned alive in her manor further east from Drohobych by the peasants I have neither good or bad personal memories related to the Red Ruthenia as I prefer personally to call this area. Still, as the Pole of my generation born during the WWII I would prefer to keep far from, say, Volhynia. I was meeting compulsory resettled Ukrainians in my summer field research trips from the youth, I had overheard mature men singing in low voice at night bivouac in the Mazurian forest Ukrainian songs and I felt sympathy towards

the defeated. But after meeting in official role Polish Ukrainians after 1989 this developed in the sociological interest in the reconciliation and its mechanisms which I consider basic task still to be accomplished in this 'transient' part of Europe or – as Timothy Snyder calls our living space – in the "Bloodlands". To do this not only I needed to study attitudes of Poles and Ukrainians living in Poland but also both groups as they are living in the Ukraine.

And here nestor of Polish sociology of Ukrainians Professor Grzegorz Babinski and his student, now Professor at University of Rzeszów Dariusz Wojakowski enter. Polish sociologists arrived for the first time in Drohobych in 1996 when under the direction of Professor Babinski local Poles and local university students were interviewed. This led to the M.A. in Sociology theses by Ireneusz Solarczyk who partly published it as "Odrodzenie instytucjonalne mniejszości narodowych na pograniczu polsko-ukraińskim w

okresie transformacji. Na przykładzie Polaków w Drohobycz i Ukraińców w Przemyślu" in: Malikowski M., Wojakowski D. (ed.). Między Polską a Ukrainą. Pogranicze – Mniejszości – Współpraca regionalna. Mana, Rzeszów 1999: 129-147. General findings were published in Grzegorz Babiński Pogranicze polsko-ukraińskie. Etniczność, zróżnicowanie religijne, tożsamość. Nomos, Kraków 1997 while some data on Drohobych Poles in Wojakowski, Dariusz. 1998. Pogranicze polsko-ukraińskie: lokalność jako czynnik warunkujący stosunki etniczne. w: „Studia Socjologiczne” nr 4, 1998: 67-86. In 2009 Wojakowski introduced me to Drohobych when I was selecting the feasible place to arrive with our students from University of Warsaw to study Polish minority south of Lviv. But since youth I was enamoured with novels and drawings by Bruno Schulz. He has gone, his Drohobych too but the mystery of the city with its towers, synagogues and church domes remains.

Prof. S. Shchudlo: Professor Kurczewski, thank you very much for an interesting conversation! Warsaw – Drohobych

Микола Чаплик

*кандидат історичних наук, старший викладач кафедри соціології управління
Донецького державного університету управління*

Mikola Chaplyk

Ph.D. in History, Senior Lecturer of Department of Sociology, Donetsk State University of Management

РУЙНУВАННЯ «КРИМІНАЛЬНОГО СУСПІЛЬСТВА» ЯК ЗАПОРУКА ЄДНОСТІ УКРАЇНИ

У статті аналізуються причини актуальної ситуації в Україні, зокрема війни на сході країни, з точки зору процесів криміналізації суспільства. Підкреслюється, що і мешканці Донбасу, і мешканці всієї України були та поки що залишаються заручниками «кримінального суспільства», яке фактично побудовано в нашій країні. Доводиться, що першопричину ситуації, що склалася, потрібно шукати не в регіональних відмінностях у світосприйнятті або зовнішньополітичних чи мовно-культурних уподобаннях, а у кримінальному підтексті, який тісно пов'язаний із соціально-економічними та суспільно-політичними чинниками. «Кримінальне суспільство» є суспільством, яке ментально живе за законами кримінального світу; кримінальні практики у такому суспільстві поширюються на весь соціум та забезпечують можливість виживання більшості населення. Робиться висновок, що руйнування «кримінального суспільства» є спільною метою для абсолютної більшості громадян України та запорукою її єдності.

Ключові слова: «кримінальне суспільство», кланово-олігархічна система, корупція, війна на сході України.

In this article the author provides an explanation of the current situation in Ukraine, namely the war in the east of the country, in terms of criminal processes in the Ukrainian society. The author tries to prove that residents of Donbas and the inhabitants of the whole country were and still are held hostage of the «criminal society», which was actually built in our state. That means that the root cause must be sought not in the regional differences in the perception of the world or in the linguistic and cultural preferences, but in the criminal subtext, that is closely related to the socio-economic and socio-political factors. «Criminal society» is a society that mentally lives according to the laws of criminal world. Criminal practices massively outspread to the whole society and make the survival of the majority of population possible. It is concluded that the destruction of «criminal society» is a common goal for the absolute majority of citizens of the country and guarantee of its unity.

Keywords: «criminal society», clan-oligarchic system, corruption, war in Eastern Ukraine.

В статье анализируются причины актуальной ситуации в Украине, в частности войны на востоке страны, с точки зрения процессов криминализации общества. Подчеркивается, что и жители Донбасса, и жители всей Украины были и всё ещё остаются заложниками «криминального общества», которое фактически построено в нашей стране. Доказывается, что первопричину сложившейся ситуации необходимо искать не в региональных отличиях в мировосприятии или во внешнеполитических либо культурно-языковых предпочтениях, а в криминальном подтексте, который тесно связан с социально-экономическими и общественно-политическими факторами. «Криминальное общество» – это общество, которое ментально живёт по законам преступного мира; криминальные практики в таком обществе распространяются на весь социум и обеспечивают возможность выживания большинству населения. Делается вывод о том, что разрушение «криминального общества» является общей целью для абсолютного большинства граждан Украины и залогом её единства.

Ключевые слова: «криминальное общество», кланово-олигархическая система, коррупция, война на востоке Украины.

Ще рік тому жителі сучасної України не могли собі уявити, що стануть сучасниками, а багато хто й учасниками подій, які згодом будуть описані на сторінках не лише вітчизняної, а й світової історії. Так склалася доля, що сьогодні Україна постала перед серйозними викликами. Ми є свідками подій, яких ще донедавна навіть не могли собі уявити. Чому так сталося? У цій статті ми спробуємо викласти власний погляд на те, що відбувається в Україні та запропонувати можливі шляхи виходу нашого суспільства із кризи.

Сьогоднішню ситуацію в Україні спричинила ціла низка факторів – цивілізаційних, геополітичних, ціннісних тощо. Ми не будемо детально їх аналізувати, а лише зазначимо, що роль цих чинників не можна ані заперечувати, ані перебільшувати. Сьогоднішні події в Україні ми будемо аналізувати крізь призму кримінальних процесів, які вважаємо каталізаторами ситуації, що склалася в нашій державі. Отже, актуальність даної статті полягає у презентації авторського погляду на ситуацію в Україні та можливі шляхи її подолання.

В якості теоретико-методологічної бази нашого дослідження ми обрали структурно-функціональну теорію Р. К. Мертона, зокрема його концепт дисфункції, який дозволяє розглядати будь-які соціальні структури як такі, що можуть як сприяти «збереженню інших частин соціальної системи», так і «мати для них негативні наслідки» [1, с. 133]. Крім того, ми виходимо з мертіновської інтерпретації поняття «аномія», запропонованого Е. Дюркгаймом. За допомоги зазначених концептів американський соціолог пояснював, яким чином соціальні структури тиснуть на членів суспільства, «спонукаючи їх вести себе, скоріше, врозріз із приписами, ніж у відповідності з ними» [2, с. 244].

Про кримінальні процеси в українському суспільстві написано чимало робіт, але вони у своїй переважній більшості є правознавчими. Соціологічних публікацій, присвячених обраній нами проблемі, поки що вкрай мало. Серед дослідників, які розглядають сучасні процеси в Україні у контексті криміналізації нашого суспільства, варто відзначити І. Рущенка, який фактично започаткував в Україні такий напрямок соціологічного знання, як соціологія злочинності [3], та запропонував такі поняття, як «кримінальна революція» та «кримінальне суспільство» [4, 5]. Серед вітчизняних кримінологів, які у своїх роботах активно використовують результати теоретичних та емпіричних соціологічних розвідок, треба назвати В. Дрьоміна [6], а також представників луганської кримінологічної школи на чолі із В. Покладом (див.: [7, с. 6]).

Ми цілком усвідомлюємо роль зовнішнього, точніше, російського фактору в сьогодні-

шніх подіях в Україні. Проте занурюватися у геополітичні, цивілізаційні чи світоглядні аспекти того, що сьогодні називають «українською кризою», яка фактично спричинила крах існуючої системи міжнародних відносин, ми не будемо.

Метою даної статті є викладення авторського бачення сучасного українського соціуму як «кримінального суспільства», руйнування якого може стати запорукою об'єднання країни.

Отже, перш за все звернемося до аналізу вимог людей сходу країни, зокрема тих, які нам довелося частіше за все чути від мешканців Донецчини та Луганщини та які були причиною сепаратистських настроїв останніх років. По-перше, відзначимо мовне питання, про яке так люблять говорити на сході України та у сусідній Росії.

Доконаним фактом є те, що на Донбасі абсолютна більшість населення як розмовляла, так і розмовляє російською мовою і йому ніхто не заважає це робити. Коли запитуєш про українську мову дорослих людей, то у відповідь чуєш, наприклад, про те, як важко заповнювати бланки в державних установах або зрозуміти, що на них надруковано. Від матусь та бабусь нерідко чуєш, як важко їхнім дітям та внукам вчитися українською мовою, яка у них виникає плутанина у голові та якими вони внаслідок цього стають безграмотними. При цьому складається враження, що насправді складніше тим самим обуреним матусям та бабусям, а не дітям та підліткам, які завдяки вивченню ще однієї мови лише підвищують власний рівень освіченості.

Проте подібні мовні «незручності» не настільки серйозні, щоб через них розпочинати війну із застосуванням важкої зброї, яка знищує все: і людей, і їхнє житло, і всю інфраструктуру регіону, позбавляючи місцевих жителів засобів існування та доступу до продовольства, газу, води, світла. Хоча зазначимо, що спроба парламенту відмінити «мовний закон» Колесніченка-Ківалова сильно обурило людей на Донбасі. Вони запитували: невже перед країною не стоять більш нагальні проблеми в економічній, політичній чи соціальній сферах, які потребують першочергового вирішення, ніж мовна проблема. Тобто такий крок народних депутатів лише підлив масла у вогонь конфлікту між центром та регіоном, посіявши ще більшу недовіру між ними.

Інше питання, яке піднімали лідери сепаратистів, – це федералізація. Але що розумілося під федералізацією та хто б за подібного устрою представляв місцеву владу на Донбасі? Адже та федералізація, про яку раніше говорили у Партії регіонів, навряд чи принесла б пересічним мешканцям Донбасу підви-

щення матеріального добробуту, бо вони не були б здатні контролювати своїх земляків-«сеньйорів», як вони не могли це робити протягом всіх двадцяти трьох років незалежності України. Федералізація за моделлю Р. Ахметова і К^о – це, якщо хочете, побудова держави у державі або щось на зразок мафіозної Сицилії у складі Італії. За такої федералізації звичайному жителю Донбасу не стало б жити краще. Скоріше, стали б жити краще ті, хто панують на Донбасі, пересівши з автомобілів марки «Mercedes» на автомобілі марки «Bentley».

Звернімо увагу ще на одну деталь. Із початком проросійських виступів на сході та частково на півдні країни, причиною яких стала зміна влади в державі, гасла стали більш радикальними, а питання федералізації еволюціонувало у вимогу автономії, а згодом і відокремлення деяких регіонів від України та приєднання їх до Росії. Щоправда, тепер, коли кримський сценарій на сході країни не повторився, так звані «ДНР» та «ЛНР» зупинилися на ідеї незалежності у рамках «Новоросії».

Цілком очевидно, що війна на сході не є міжетнічним протистоянням. За етнічною ознакою у Донецькій та Луганській областях зосереджена найбільша частка російського етнічного населення (не враховуючи Криму), однак українці у цих регіонах все ж таки переважають. Так, за даними першого всеукраїнського перепису 2001 року у Донецькій області проживало 56,9% українців (росіян – 38,2%), а у Луганській – 58% українців (росіян – 39%) [8].

Це також і не протистояння на мовному ґрунті. Серед прихильників України є як україномовні, так і російськомовні, серед прихильників відокремлення переважають російськомовні жителі країни. Російськомовними патріотами України є близько половини бійців АТО (ми посилаємося на слова Президента України П. Порошенка, який заявив, що «серед тих, хто захищає Україну на Донбасі, 47% російськомовних» [9]).

Не можливо також провести чіткого розмежування між сторонами конфлікту за конфесійною ознакою. Хоча є певні спроби надати збройному конфлікту на сході України характеру релігійної війни. Однак, на нашу думку, подібне трактування подій на сході країни розходиться з реальністю як, наприклад, православна віра із «політичним православ'ям». Фактично ж відбувається розмежування між прихильниками та супротивниками проекту «російського світу», яке зачіпає і духовну сферу.

Тепер звернемося до аналізу того, що об'єднує і Донбас, і всю Україну. Якщо поглянути на проблеми, які стояли перед українським суспільством у всі роки незалежності і зачіпали життя абсолютної більшості його населення,

то на перший план вийдуть соціально-економічні питання. Ці проблеми можна об'єднати в одну – бідність. Звичайно, що бідність є відносним поняттям, тим паче, що людині іноді важко визначити, чи є вона бідною, чи ні. За національним критерієм, частка бідного населення в Україні у 2000-2011 рр. коливалася у межах 25-28% [10], тобто, як мінімум, кожен четвертий громадянин нашої країни офіційно вважався бідним. Саме бідність є головним ворогом українців як на заході, так і на сході країни. Ця проблема є комплексною і містить у собі і питання низьких зарплат та пенсій або загрози їхньої невиплати, і питання високих цін на харчові продукти та комунальні послуги, і питання безробіття або загрози втрати роботи, і питання відсутності реального соціального захисту людей похилого віку, малозабезпечених, багатодітних сімей [11-14], і питання прірви між прошарком багатих та надбагатих і масою незаможних та бідних, і т. ін.

Ще один ворог, який об'єднує схід і захід країни, – це тотальна корупція. Цю причину наших негараздів також постійно фіксують соціологи. Говорячи про корупцію, ми маємо на увазі і переважання у керівництва держави особистих інтересів над суспільними, і ігнорування представниками влади Конституції та законів України [15], і байдужість влади до думки громадян, і її нездатність забезпечити виконання законів [16].

Якщо говорити про фактори, які б забезпечили єдність українського суспільства, то, за даними дослідження Центру Разумкова, це рівні права та істотне підвищення добробуту всіх громадян України [17].

Виникає питання: що ж стоїть на заваді вирішення проблем, від яких десятиліттями потерпають жителі всіх без винятку регіонів країни? Ми вважаємо, що головною перешкодою на шляху до їхнього вирішення постає «кримінальне суспільство», яке, на нашу думку, є фактично синонімом сучасного українського соціуму.

Вітчизняний дослідник І. Руценко аргументовано доводить, що «...сучасне українське суспільство набуло рис «кримінального суспільства» як видової відмінності капіталістичної системи, яке зустрічається в країнах третього світу... та включає численні елементи кримінального як форми соціального» [5].

У «кримінальному суспільстві» по-українськи кримінальні практики стають звичайною повсякденністю в усіх сферах суспільного життя, і вже важко відрізнити, чи діє людина за законом, чи за його межами. При цьому до таких дій залучається абсолютна більшість населення, бо інакше неможливо вижити. Порушення закону стають повсюдним та масовим явищем, де-факто соціальною нормою. Люди

поступово зневіряються у тому, що українське суспільство може позбутися суцільної корупції та злочинності. Питання ж, чи може пересічний громадянин у «кримінальному суспільстві» жити одночасно і чесно, і безбідно, взагалі є суто риторичним.

З огляду на це, ми пропонуємо власну версію онтогенези українського суспільства як суспільства кримінального. Абсолютна більшість пересічних громадян і науковців визнає, що незалежність дісталася Україні без серйозних потрясінь та кривавої боротьби. Багато хто з представників національно-демократичних сил розцінював це як Божий дар або щасливий випадок після століть невдач та поразок. Щоправда, були й такі, хто вважав, що вона впала нам, як сніг на голову, ми не відчували з цього приводу ніякої радості. При цьому більшість населення чекала від незалежності України саме матеріального благополуччя, покращення власного добробуту.

Після здобуття незалежності наша країна продовжила у своєму розвитку поступ Української РСР, яка фактично була генетичною «матір'ю» сучасної України. Тодішнім керівникам держави та й значній частині суспільства, яка підтримала незалежність, здавалося, що достатньо прибрати монополію КПРС у політичному житті та планову економіку замінити на ринкову і країна заживе заможним життям та приєднається до числа найбагатших та розвинутих країн світу. На наш погляд, саме сподівання на матеріальне процвітання забезпечило такий високий показник «за» на референдумі за незалежність України у 1991 році.

Дев'яності роки минулого століття відіграли вирішальну роль у становленні незалежної української держави. Водночас у суспільній пам'яті вони залишилися уособленням гіперінфляції та зубожіння більшості населення, стрімкого майнового розшарування, появи класу дрібних і середніх власників, потужної організованої злочинності та врешті-решт появи головного атрибуту капіталізму – великого бізнесу, при чому у такі стислі терміни, які не мали аналогів у світовій історії. На наших очах постала нова українська економічна та політична еліта, кістяк якої є своєрідним сплавом бізнесменів-натуралів, представників криміналу, чиновництва та, звичайно ж, колишньої республіканської номенклатури. Ні для кого не є секретом, що більшість вчорашньої комуністичної еліти очолила свої підприємства та установи вже у статусі генеральних директорів.

Внаслідок первинного накопичення капіталу, яке, особливо у великих розмірах, апріорі не могло бути законним, а потім і грабіжницької приватизації, в Україні за короткий час постали могутні фінансово-промислові

групи з сильним кримінальним присмаком. Недарма в українському політикумі та у журналістиці подібні групи на кримінальний манер ще називають кланами. Найбільш потужним та агресивним українським кланом став донецький. Фраза О. де Бальзака «За кожними великими статками криється злочин» влучно вказує на те, як заробляли свої перші мільйони майбутні господарі Донбасу, а згодом і всієї України. Саме Донбас у нашій країні став епіцентром кривавих подій, які називають «лихими дев'яностими».

Важко критикувати тих, хто стояв у витоків української державності, однак державу, яку було побудовано і яка існує на даний момент, не можна назвати ані соціальною, ані правовою, ані, врешті решт, справедливою. На нашу думку, саме цей факт і є тією причиною, яка живить ностальгію за радянськими часами. Водночас саме ностальгія за радянським суспільством збирає людей на псевдореферендуми. Саме через неї люди потрапляють у полон ілюзій, схвалюючи приєднання їхнього регіону до Росії та підтримуючи самопроголошені «республіки». У даному випадку ностальгія переростає у форму протесту проти того суспільства, яке було побудовано в Україні.

Під кінець десятирічного правління Л. Кучми, якого можна вважати головним архітектором сучасної України, й постала сьогоднішня модель країни. В. Ющенко, який прийшов йому на зміну внаслідок «помаранчевої революції», практично зберіг без змін існуючу модель.

Правління В. Януковича було за своєю суттю добою найвищого розквіту «кримінального суспільства». Чому саме після приходу «донецьких» на владний олімп «кримінальне суспільство» досягло свого апогею? На нашу думку, це сталося тому, що ані Л. Кравчук, ані Л. Кучма, ані В. Ющенко не були носіями ідеології злочинного світу, ідеології життя по «поняттях», а «донецькі» були. Зазначимо, що кримінал був представлений у політичних силах різного ідеологічного спрямування. Але лише у донецькому клані ідеологія злочинного світу була тим фундаментом, на якому, власне, він і будувався. Саме ця ідеологія, а не комуністична чи російська імперська ідея, об'єднувала вчорашніх партійних працівників та навіть генералів міліції із криміналом.

Внаслідок лютевих подій 2014 року разом із В. Януковичем була відсторонена від влади в країні й так звана «сім'я», яка була типовим олігархічним кланом, побудованим, як і сицилійські мафіозні «сім'ї», на родинно-земляцькій основі. Однак сама кланово-олігархічна модель на даний момент зберігається практично у неушкодженому стані. І якщо не демонтувати основи «кримінального

суспільства» у вигляді кланово-олігархічної системи, то з часом до влади в країні прийде новий Янукович.

Звичайно, еліта «кримінального суспільства» не зацікавлена у його знищенні зовнішніми чи внутрішніми силами. Але й вмирати за нього вона теж не буде. Її мета – максимальне збереження існуючого статус-кво. За своєю суттю еліта «кримінального суспільства» є компрадорською елітою. Тому вона більш небезпечна, ніж зовнішній ворог. Адже вона є ворогом латентним, який навіть може видавати себе за союзника, а насправді бути гіршим за ворога явного, бо через її дії або бездіяльність активні та здорові сили суспільства почувають себе зрадженими, а зuboжілому населенню, доведеному до рівня плебсу, може бути байдуже до того, чия рука його буде кормити.

Отже, знаходять боки українського протистояння знаходяться громадяни України, які вже не хочуть жити по-старому. Відмінність між ними лише в тому, що одні бажають навести порядок у своїй країні, а інші бажають змінити країну проживання або на Російську Федерацію, або на «ДНР-ЛНР» (як варіант «Новоросію»). При цьому спільним ворогом і «майданівців», і «ополченців» є кланово-олігархічна система, яка залишається в Україні.

Інше питання, чи можливе об'єднання людей із різними поглядами, наприклад Д. Яроша та П. Губарева, в межах однієї країни? На перший погляд, це видається практично неможливим, оскільки йдеться про ідеологічні полюси. Таких людей, як Ярош чи Губарев, у нашому суспільстві не так вже й багато. Про це, зокрема, свідчать результати президентських виборів 2014 року, коли Д. Ярош та О. Тягнибок набрали мізерну кількість голосів виборців (відповідно, 0,70% та 1,16%) [18].

За результатами парламентських виборів 2014 року, до українського парламенту не потрапило жодної націоналістичної сили: Всеукраїнське об'єднання «Свобода» набрало 4,71%, а «Правий сектор» – 1,8% [19]. Щоправда, від націоналістичних партій за мажоритарними округами до Верховної Ради пройшло сім народних депутатів – шість від ВО «Свобода» та Д. Ярош від «Правого Сектору» [20], але у такій кількості вони не здатні впливати на роботу вищого законодавчого органу країни. Таким чином, націоналісти як політична сила навіть за умов фактичної війни із Росією не мають серйозної підтримки в українському суспільстві.

Окремо варто сказати і про людей, які ментально та психологічно вже порвали з Україною. Ці люди звинувачують Україну в численних жертвах та руйнуваннях на Донбасі і т. ін. Однак чи була для цих людей українська державність цінністю? Напевне, ні. Україну як державу вони розглядали виключно в орбі-

ті Росії: чи то у складі реінкарнованого СРСР або Російської імперії, чи то у складі новітніх наддержавних проєктів, наприклад Митного союзу. Тобто для них єдина, незалежна та заможна Україна ніколи не була самоціллю, а сама українська держава була якоюсь неповноцінною та несправжньою.

Варто також зазначити, що зволікання із реформами як еволюційним шляхом демонтажу «кримінального суспільства» призводить до ще більшого дистанціювання жителів Донбасу від України, а, з іншого боку, провокує третій Майдан. Так, генеральний директор КМІС, професор НаУКМА В. Паніотто зазначає, що «... ціла низка якісних показників свідчить про те, що на сьогодні в Донецькій області побільшало людей, які хочуть відокремлення від України або, як мінімум, максимальної автономії» [21]. Мова йде про загальнонаціональне дослідження громадської думки населення країни, яке 12-21 вересня 2014 року було проведене Фондом «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва» та КМІС. За його результатами, 42,4% жителів Донецької області висловилися за те, «щоб Донбас залишався частиною України, але отримав більше незалежності від Києва», 25,9% – за те, «щоб Донбас (ДНР та ЛНР) став незалежною державою», 16,2% виступили за те, «щоб Донбас став частиною Російської Федерації» [22]. Нагадаємо, що у квітні 2014 року, за результатами опитування, проведеного КМІС на південному сході країни, за відокремлення Донецької області від України та приєднання її до Росії висловилися 27,5% опитаних (за відділення Луганщини – 30,3%), не підтримали таку ідею 52,2% респондентів Донеччини (на Луганщині – 51,9%) [23].

З огляду на зазначене вище, нашій державі та суспільству вкрай небезпечно гаяти час у боротьбі з криміналізацією соціуму. Важливо якнайскоріше покінчити з війною, не допустити подальших людських жертв, в першу чергу, серед мирного населення сходу країни. Не на користь України постає й той інформаційний вакуум, в якому знаходяться жителі підконтрольних сепаратистам територій, точніше, його заповнення виключно російською пропагандою.

Отже, на нашу думку, на перешкоді визнання цінності єдності суспільства стоять не стільки культурні чи ідеологічні відмінності між регіонами, скільки «кримінальне суспільство», яке будувалося в Україні протягом останніх двадцяти трьох років. Розуміння того, що ті, хто стояв на барикадах Майдану, та ті, хто вийшов на барикади Донбасу, у своїй масі хочуть фактично одного й того ж, і є шансом на порозуміння в державі.

Таким чином, передумовою об'єднання українського суспільства, на нашу думку, здатна стати спільна мета, а саме: руйнування «кримінального суспільства» та його атри-

бутів у вигляді тотальної корупції, інституту олігархії, тіншової економіки, схем із розкрадання держави її елітою, правоохоронної та судової системи, які загрузли у криміналі та корупції, тощо. І все це на фоні маси безправних і злиднених людей, залежних від тих, хто має владу та гроші.

Якщо ж навіть після задоволення економічних, правових, соціальних потреб окремого громадянина культурні, мовні, регіональні, світоглядні чи інші відмінності з якихось причин стануть непереборною перешкодою для того, щоб спільно жити в одній державі, то (у крайньому випадку) можлива цивілізована форма розлучення – шляхом прозорого,

легітимного та визнаного світом плебісциту. Але у такому плебісциті повинні брати участь всі мешканці конкретного регіону, і, головне, цей плебісцит повинен виходити з внутрішніх потреб українського суспільства, здійснюватися в межах Конституції та законодавства країни, а не бути інспірованим ззовні.

Отже, в Україні потрібно, в першу чергу, зруйнувати «кримінальне суспільство», тобто потрібні реформи, спрямовані на подолання тотальної корупції та всесилля олігархії. Нашій країні конче необхідно реформуватися ще й тому, щоб показати всім незадоволеним українською державою, що український проект – це проект майбутнього.

Література

1. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – [5-е изд.] – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 873, [7] с.
3. Рущенко І. П. Соціологія злочинності: монографія / І. П. Рущенко. – Харків: Вид-во Націон. ун-ту внутр. справ, 2001. – 370 с.
4. Рущенко І. П. «Кримінальна революція» як соціетальний фактор / І. П. Рущенко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2008. – №3. – С. 194 – 210.
5. Рущенко І. П. От «криминальной революции» к «криминальному обществу» / І. П. Рущенко / Санкт-Петербургский центр девиантологии [Електронний ресурс] – Режим доступа : <http://deviantology.spb.ru/news/ot-kriminalnoy-revolutsii-k-kriminalnomu-obschestvu/>
6. Дрёмин В. Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества: монография / В. Н. Дрёмин. – Одесса: Юрид. лит., 2009. – 550 с.
7. Рущенко І. Наука про злочинність: українські реалії / І. Рущенко, В. Поклад // Український соціологічний журнал. – 2011. – №1-2. – С. 3 – 8.
8. Про кількість та склад населення України за підсумками Всеукраїнського перепису населення 2001 року / Державний комітет статистики України [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/>
9. Порошенко заявил, что 47% участников АТО на Востоке – русскоязычные // Независимое бюро новостей [Електронний ресурс] – Режим доступа : <http://nbnews.com.ua/ru/news/130094/>
10. Подолання бідності / Програма розвитку ООН в Україні [Електронний ресурс] Режим доступу : <http://www.ua.undp.org/content/ukraine/uk/home/mdgoverview/overview/mdg1/>
11. Думки та погляди населення України, січень 2001 року / Київський міжнародний інститут соціології [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=252&page=35>
12. Побоювання і проблеми населення України. Всеукраїнське опитування громадської думки Київського міжнародного інституту соціології 8-13 лютого 2008 р. / Київський міжнародний інститут соціології [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=361&page=34>
13. Соціологічне опитування: «Назвіть найбільш серйозні соціально-економічні проблеми країни, що потребують першочергового вирішення». Дослідження соціологічної служби Центру Разумкова 07.10-19.10. 2008 р. / Центр Разумкова [Електронний ресурс] – Режим доступу : http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=151
14. Соціологічне опитування «Які проблеми найбільше турбують населення України?». Всеукраїнське опитування громадської думки Київського міжнародного інституту соціології 09-19 лютого 2012 р. / Київський міжнародний інститут соціології [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=88&page=20>
15. Соціологічне опитування: «Якою є найголовніша причина складної соціально-економічної та політичної ситуації в Україні?». Дослідження соціологічної служби Центру Разумкова 31.05-06.06. 2012 р. / Центр Разумкова [Електронний ресурс] – Режим доступу : http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=615
16. Соціологічне опитування: «Назвіть найбільш серйозні суспільно-політичні проблеми країни, що потребують першочергового вирішення». Дослідження соціологічної служби Центру Разумкова 07.10-19.10. 2008 р. / Центр Разумкова [Електронний ресурс] – Режим доступу : http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=152
17. Соціологічне опитування: «Який із п'ятих зазначених чинників найбільше об'єднує або може згуртувати народ України в єдину спільноту?». Дослідження соціологічної служби Центру Разумкова 20-27.12.2005 р. / Центр Разумкова [Електронний ресурс] – Режим доступу : http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=284
18. Выборы-2014. Результаты голосования / Інформаційне агентство УНІАН [Електронний ресурс] – Режим доступа : <http://www.unian.net/elections/>
19. Результаты выборов народных депутатов Украины 26 октября 2014. По состоянию на: 09.11.2014 8:40 [Електронний ресурс] – Режим доступа : <http://vibori.in.ua/vibori-2010/rezultaty-vyborov/2290-rezultaty-por-mazhoritarnym-okrugam-vybry-2014.html>
20. Список народних депутатів України, обраних на позачергових виборах народних депутатів України 26 жовтня 2014 року // Голос України. – 2014. – 12 листопада. – С. 4 – 9.
21. Кириченко І. Україна – Росія: нервна любов, нерівна ненависть / І. Кириченко // Зеркало недели. – 2014. – №35. – 3 октября – 10 октября [Електронний ресурс] – Режим доступа : <http://gazeta.zn.ua/internal/ukraina-rossiya-nervnaya-lyubov-neravnaya-nenavist-.html>
22. Ставлення населення до подій на Донбасі: ціна миру. Загальнонаціональне дослідження громадської думки населення України, проведене Фондом «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва» спільно з Київським міжнародним інститутом соціології 12-21 вересня 2014 року. / Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва» [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://www.dif.org.ua/publications/press-relizy/vkbpfbpdk.htm>
23. Мнения и взгляды жителей Юго-востока Украины: Апрель 2014 года // Зеркало недели [Електронний ресурс] – Режим доступа : http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598_.html

Наукове життя

УКРАЇНСЬКИЙ ВИКЛИК: СОЦІОЛОГІЧНІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ

(«круглий стіл», проведений в рамках XVIII Міжнародної наукової конференції «Харківські соціологічні читання»)

«Круглий стіл» «Український виклик: соціологічні інтерпретації» відбувся 6 листопада 2014 року в рамках XVIII Міжнародної наукової конференції «Харківські соціологічні читання». «Круглий стіл» був організований та проведений Соціологічною асоціацією України та соціологічним факультетом Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Учасниками «круглого столу» стали провідні соціологи України, Росії та Європи. Під час роботи «круглого столу» обговорювалися питання, пов'язані з ситуацією, що склалася в Україні, зокрема на Донбасі, можливостями її наукової, у тому числі соціологічної, інтерпретації, з перспективами розв'язання складних політичних та соціально-економічних проблем нашого суспільства.

A roundtable discussion «The Ukrainian challenge: sociological interpretations» was held on 6 November 2014 within the framework of the XVIII International scientific conference «The Kharkiv Sociological Readings». The roundtable discussion was organized and held by the Sociology Association of Ukraine and the school of sociology of V.N. Karazin Kharkiv National University. The participants of the «roundtable discussion» were leading sociologists from Ukraine, Russia and Europe. During the discussion were handled issues related to the current situation in Ukraine, in particular in Donbas region, to possibilities if it's scientific as well as sociological interpretation, to prospects of the complicated political and socio-economic problems solution.

«Круглый стол» «Украинский вызов: социологические интерпретации» состоялся 6 ноября 2014 года в рамках XVIII Международной научной конференции «Харьковские социологические чтения». «Круглый стол» был организован и проведен Социологической ассоциацией Украины и социологическим факультетом Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Участниками «круглого стола» стали ведущие социологи Украины, России и Европы. Во время работы «круглого стола» обсуждались вопросы, связанные с ситуацией, сложившейся в Украине, в частности на Донбассе, возможностями ее научной, в том числе социологической, интерпретации, с перспективами решения сложных политических и социально-экономических проблем нашего общества.

Модератор: Бакіров Віль Савбанович – академік НАН України, ректор Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, доктор соціологічних наук, професор, Президент Соціологічної асоціації України.

Диспутант:

Арбєніна Віра Леонідівна – кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Балакірева Ольга Миколаївна – кандидат соціологічних наук, завідувач відділу моніторингових досліджень соціально-економічних трансформацій ДУ «Інститут економіки та прогнозування» НАН України, голова Правління Українського інституту соціальних досліджень імені О. О. Яременка;

Головаха Євген Іванович – доктор філософських наук, професор, заступник директора з наукової роботи Інституту соціології НАН України;

Даниленко Оксана Якимівна – доктор соціологічних наук, доцент, професор кафедри політичної соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Здравомислова Олена Андріївна – кандидат соціологічних наук, професор факультету політичних наук та соціології Європейського університету в Санкт-Петербурзі;

Катаєв Станіслав Львович – доктор соціологічних наук, професор, професор кафедри соціології і соціальної роботи Класичного приватного університету (м. Запоріжжя);

Кізілов Олександр Іванович – кандидат соціологічних наук, завідувач кафедри методів соціологічних досліджень Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Кононов Ілля Федорович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри філософії та соціології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка;

Котуков Олександр Анатолійович – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри політології та філософії Харківського регіонального інституту державного управління Національної академії державного управління при Президентові України;

Крисенко Олексій Володимирович – кандидат філософських наук, доцент кафедри політології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Кисла Ганна Олександрівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри теорії та методології соціології Інституту соціології, психології та управління Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова;

Лисиця Надія Михайлівна – доктор соціологічних наук, професор, професор кафедри міжнародної економіки та менеджменту зовнішньоекономічної діяльності Харківського державного економічного університету;

Мауріціо Монтіно – монітор Спеціальної наглядової місії в Україні, ОБСЄ;

Мурадян Олена Сергіївна – кандидат соціологічних наук, доцент, заступник декана соціологічного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Мусієздов Олексій Олександрович – кандидат соціологічних наук, доцент, доцент кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Нагорний Борис Григорович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри соціології Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (м. Луганськ); професор кафедри прикладної соціології та соціальних комунікацій Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Онищук Віталій Михайлович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри соціології Інституту соціальних наук Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;

Панченко Тетяна Василівна – доктор політичних наук, доцент, доцент кафедри політичної соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Погрібна Вікторія Леонідівна - доктор соціологічних наук, професор, професор кафедри політології та соціології Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого;

Поступний Олександр Миколайович – кандидат філософських наук, професор, завідувач кафедри соціології та політології Національного політехнічного університету «Харківський політехнічний інститут» ;

Рущенко Ігор Петрович – доктор соціологічних наук, професор кафедри соціології та психології факультету права та масових комунікацій Харківського національного університету внутрішніх справ;

Сокурянська Людмила Георгіївна – доктор соціологічних наук, професор, завідувачка кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Філіппова Ольга Аркадіївна – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Шатохін Анатолій Миколайович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри соціально-гуманітарних і правових дисциплін Уманського національного університету садівництва;

Яковенко Андрій В'ячеславович – доктор соціологічних наук, доцент, професор кафедри соціології Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля, м. Луганськ.

Відкрив дискусію В. Бакіров.

Бакіров В.С.: Благодаря событиям последнего года новейшей украинской истории наша страна стала известной всему миру. Майдан, аннексия Крыма, военные действия на востоке Украины вызвали неподдельный интерес мирового сообщества. Политики, ученые, представители общественности многих стран пытаются понять, что и почему с нами происходит? Сегодня на эти вопросы попытаемся ответить и мы – украинские социологи и наши зарубежные коллеги. Нам с вами предстоит ответить на чрезвычайно важные, с точки зрения организаторов «Харьковских социологических чтений» и, в частности, этого «круглого стола», вопросы: что происходит сегодня в нашем обществе, в Европе и в целом мире; какой вектор развития выбирает современная Украина; какой проект нации реализуется в нашей стране и, наконец, есть ли у социологии понятийный аппарат, пригодный для анализа событий, происходящих в Украине.

Итак, начнем с вопроса о том, что же у нас происходит.

Пожалуйста, Евгений Иванович, Вам слово¹.

Головаха Е.И.: Я долго думал, что же произошло в нашей стране. Я понял, что я был не прав, когда критически оценивал известного, иногда скандального историка Николая Гумилева, который много говорил о пассионарности, о степи и многом другом, о чем вы знаете. На самом

¹ Виступи учасників «круглого столу» надаються мовою оригіналу.

деле, то, что происходит у нас - это третье нашествие дикой степи на Европу. Первое было, когда пришли гунны. Украины тогда такой не было, были остатки сарматов, которые доедали остатки скифов, поэтому их смели незаметно для истории. Европу очень хорошо потрепали, она надолго ушла в глухие века. Второе известное нашествие было через 800 лет, это нашествие Батыя на Европу. Украину уже заметили, она называлась Киевская Русь. Ее заметили, отчасти уничтожили, отчасти оставили какие-то ошметки на Галичине и в Новгороде - то, что, собственно, и осталось каким-то, так сказать, прообразом славянской демократии. А потом дошли до Европы, но случилось у степи несчастье - умер хан Угэдэй, и хан Батый решил вернуться, чтобы решить свои внутренние проблемы, иначе, конечно, Европы б не было. Но прошло еще 800 лет, и степь возродилась, степь идет, степь дошла уже до Украины и будет идти дальше, и пойдет в Европу. С этой точки зрения, перспектива, конечно, достаточно сложная. Это такие глобальные тренды, но, с моей точки зрения, есть и гораздо более для нас важные, я считаю, что у Украины сейчас третий шанс.

Первый шанс - смели Украину, как будто ее и не было, второй шанс - сопротивлялась, но сдохла, третий шанс - вот сейчас все от нас зависит. И с этой точки зрения, отвечая на вопрос о перспективах, скажу так: у нас рентоориентированное общество. Была такая тема, участвовало 28 стран со всего мира, я был социолог, а все были экономисты. И мы пришли к выводу, что это рентоориентированное общество. Всё, что до сих пор делалось, - это просто проедался государственный пирог.

Первый пирог доели Л. Кравчук с командой бывших секретарей ЦК. Второй пирог доел красный директорат вместе с Л. Кучмой. Они тоже ушли, когда почувствовали, что им ничего уже не остается. Третий пирог доедали комсомольцы: В. Ющенко, Ю. Тимошенко и все прочие. Четвертый пирог достается очень сложной комбинации: и АТО, и олигархи, и патриоты, и казаки. Это абсолютно аморфный конгломерат людей. И наша задача, я считаю, наша задача - создать гражданское общество, которое все-таки сегодня уже зарождается. Если этого не случится, опять начнут сейчас жрать пятый пирог - от нас, извините, ничего не останется.

Это, так сказать, я начал. А дальше, кто, что думает по этому поводу?

Бакиров В.С.: Спасибо огромное, Евгений Иванович. Я думаю, в ближайшие 800 лет нам ничего не грозит.

Головаха Е.И.: 800 лет не будет ничего грозить, если мы сейчас устоим.

Бакиров В.С.: Я бы хотел, уважаемые коллеги, вот о чем сказать, вернуться к теме. Я вижу три перспективы для Украины.

Одна перспектива - это, действительно, через 10-20 лет стать членом Европейского союза, стать европейским государством по ментальности, по культуре, по стандартам, по уровню жизни и т.д. Насколько эта перспектива вероятна, я не знаю.

Вторая перспектива - это реинкарнация в то, что раньше называлось Советским Союзом. Сейчас это называется Россией, Российской Федерацией. Стать ее частью де-факто, будучи полностью подчиненными влиянию политическому, экономическому, культурному, даже оставаясь де-юре независимым государством.

А третья перспектива - это состояние неопределенности. Вот такой кризисной стагнации, где все время будет происходить социальное гниение и т.д., и т.д.

Давайте рассмотрим первую перспективу. Есть ли у нас шанс стать Европой? Как говорил, не вспомню сейчас, кто, «Украина - это не Европа, но это интенция быть Европой, это стремление быть Европой». Эта интенция существует. Она существует даже на Донбассе, может, в меньшей степени, чем в Галичине, о чем сегодня мы услышали на пленарном заседании нашей конференции.

У меня такой вопрос, товарищи выступающие, есть ли у нас какие-то основания претендовать на реализацию этой перспективы? Есть ли у нас какие-то «плюсы», есть ли у нас какие-то ресурсы: человеческие, интеллектуальные, какие-то еще? Если они есть, значит, перспектива является более-менее реалистичной. Если нет, то переходим ко второй перспективе.

Итак, может быть, я зря вот так направляю в это русло нашу дискуссию, но мне интересно, есть ли у нас шанс стать европейским государством. Если есть, то на чем эти шансы базируются? Давайте вместе подумаем над этим в ходе нашего «круглого стола».

Прошу, Анна Александровна.

Кислая А.А.: У меня только эмпирические данные, полученные в мае этого года центром «Демократические инициативы». У них был такой вопрос «Считаете ли Вы себя европейцем?» Опрос проводился по всем регионам, в том числе на Донбассе. Так вот, на востоке считают себя европейцами 28% опрошенных, на Донбассе - 11%, на западе - 59%.

Бакиров В.С.: Спасибо, очень интересные данные. Ольга Аркадьевна, пожалуйста. Тем более, что Вы только что из Европы.

Филлипова О.А.: Спасибо, данные, действительно, интересные, но я хочу обратить наше внимание на очень важный момент - что понимается под европейцем. Например, наши исследования, еще начиная с 2002 года, показали, что, в контексте понимания сути европейскости наш народ прежде всего апеллирует к европейским стандартам жизни, а не к ценностям свободы, равенства и т.д. Мне кажется, что в ходе социологических исследований очень важно прояснить, что наши респонденты понимают под европейскостью. И тогда эти 28% и 11%, полученные в Восточной Украине, станут более понятными. Если европейскость понимается как стандарты жизни, если отбрасываются ценности и т.д., тогда это одно (замечу, что в восточной Украине, по данным многочисленных исследований, 5% считают себя европейцами с точки зрения стандартов жизни). Поэтому, мне кажется, что в этих опросах очень важно заклады-

вать такие индикаторы, которые помогали бы нам понять восприятие европейскости населением. Однако надо помнить, что мы задаем какие-то исследовательские схемы, схемы восприятия, а как они прочитываются респондентами – это уже совершенно другой вопрос.

Бакиров В.С.: Спасибо, Ольга Аркадиевна. Я вспоминаю статью, довольно свежую, Евгения Гришковца, где он пишет, что всегда считал себя европейцем: и одевался, как европеец, и старался выглядеть, как европеец. А потом вдруг осознал, что он абсолютно не европеец, и объясняет, почему, но это долго, я не буду сейчас это излагать. Думаю, что если бы спросили присутствующих в этом зале, мы бы тоже дали только 10–15% утвердительных ответов на вопрос о том, считаем ли мы себя европейцами. Ведь нам до европейцев очень далеко. Но не в этом проблема. Когда я посоветовал эту статью Е. Гришковца своей коллеге, которая намного меня моложе, она была возмущена. Она сказала: «Конечно, вы, старшее поколение, – уже отработанный материал, какие вы европейцы, а вот мы уже будем в Европе». И на самом деле, подрастающее поколение европейцев, которое уже бывало в Европе, больше знает о ней, в отличие от людей старшего возраста, которые Европу знают только по телевидению, по фильмам (большой частью по советским фильмам), то есть, что такое Европа они не представляют. Даже мы, уважаемые коллеги, просвещенные социологи, бывавшие в Европе, мы тоже не знаем ее, не понимаем, не чувствуем. Там надо жить, чтобы понимать, ощущать, а мы, что мы видим за 5–10 дней. Провести 5 дней в Париже – это одно, а жить там годами на социальное пособие или жить в бедном квартале – это ведь совсем другое. Поэтому, что такое Европа мы слабо представляем.

Так, пожалуйста, слово предоставляется профессору Катаеву Станиславу Львовичу.

Катаев С.Л.: Я хочу обратить внимание еще на один аспект, на эффект принуждения к идентичности. Это большое искушение элиты, которая в своем развитии, может быть, дальше продвинулась по отношению к основной массе. Прибегать к механизмам принуждения к идентичности: украинцев к европейской идентичности, жителей Донбасса к украинской идентичности. Вот данные последних исследований, которые были озвучены: на оккупированных территориях около 50% не идентифицируют себя как украинцев. Тамашние, так называемые, государственные деятели, утверждают, что в Донецкой республике нет украинских граждан. Со стороны Украины осуществляются усилия не только военного, но и социокультурного характера, во многом это как раз принуждение к украинской идентичности. Изучение механизмов нейтрализации этого принуждения поможет нам выработать дальнейшие шаги в политике по формированию этнической идентификации, в политике памяти, которая также связана с принуждением к идентичности.

Бакиров В.С.: Спасибо огромное, это серьезная проблема. И все-таки я хочу еще раз спро-

сить, есть ли у кого-то аргументы в пользу реалистичности, возможности и вероятности проевропейской перспективы для Украины. Слово предоставляется профессору Кононову Илье Федоровичу.

Кононов И.Ф.: Спасибо, Виль Савбанович. Вначале я хочу остановиться на категориях анализа. Когда мы говорим о Европе, Азии, степи, лесе и т.д., мы используем сетку категорий цивилизационного анализа. Причем, когда мы говорим о Европе вот так генерализированно, то это определенная мифологизация, потому что Европа разная. Посмотрите на Венгрию. Это несчастная страна, которая не нашла своего места в Европейском союзе. Да и Европейский союз сам расслаивается на центр, полупериферию, периферию. Поэтому, говоря о Европе, надо всегда понимать, о какой именно Европе идет речь. В какой Европе мы хотим занять место, среди каких стран? Исследования, которые проводит Институт социологии, показывают, что мы попадаем в один разряд с Болгарией. И развиваться мы будем соответствующим образом, даже если будем в Евросоюзе. Тут ведь дело не только в Европе, но и в нас самих.

Теперь обратим внимание на альтернативу этому цивилизационному подходу. Таковой будет мир-системный анализ. В этом случае трагедия Украины состоит в том, что она, получив независимость и будучи среднеразвитой страной, начала скатываться на периферию мировой капиталистической системы. И у нас сформировался капитализм периферийного типа, где главными социально-экономическими процессами являются процессы обмена власти и собственности. Причем, такая конвертация – это циклический процесс, который обуславливает все остальные процессы. Причем, обмен властью и собственностью включает в себя еще один момент. Это момент снятия со страны административной или бюрократической ренты. Административная рента – это самый прибыльный вид бизнеса. У нас это называют эвфемизмом «коррупция». На самом деле, это не коррупция, а значительно худшее явление. Потому что эта рента фактически превращает государство в хищника или паразита, который высасывает все соки из экономики. И сейчас мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда в условиях кризиса значительно более сильным оказалось гражданское общество, которое постоянно костерили и говорили, что у нас только зачатки гражданского общества и т.д. А на самом же деле, кто снабжает бойцов на передовой? Волонтеры. Кто воевал вначале с российскими агрессорами? Волонтеры, то есть гражданское общество. Возникает вопрос, а почему началось это скатывание на периферию мировой капиталистической системы? Это же не просто так, надо найти аттрактор, который обусловил движение процесса именно в этом направлении. Его обусловила элита, формирующаяся на тот момент элита и те процессы, которые вели к ее формированию и консолидации. Но фактически собственная элита и затолкала Украину на это

место. А почему элита заняла такое положение, она ведь не только снимает с Украины административную ренту. Она является инструментом для снятия геоэкономической ренты в рамках мировой капиталистической системы. В конечном итоге, куда выводятся деньги? Они выводятся в центр мировой капиталистической системы. И возникает такой автокаталитический процесс, который подталкивает к углублению этого состояния. И задача Украины – разорвать этот процесс. Я вижу проблему в этом.

Бакиров В.С.: Спасибо, Илья Федорович. Пожалуйста, Анатолий Николаевич Шатохин.

Шатохин А.М.: Дякую. Дійсно, сьогодні були озвучені цікаві думки відносно впливу Європейського союзу і Росії на Україну. Ну, здавалося б, очевидно, що абсолютно вплив полягає в тому, що події на Галичині і на Донбасі сприймаються ментально зовсім по-різному. Я ставлю запитання, а як цей вплив відбувається? У мене таке враження, що зараз не можна навіть знайти якісь індикатори цього. Але і Росія, і Європейський союз впливають, на моє переконання, як глобалізовані системи. І на певному етапі їхні зближення і тотожність більші, ніж розбіжності. Як вже було неодноразово в нашій українській історії, на жаль, Україна залишається поза цим процесом. Тобто те, що може об'єднати або зробити ситуацію протистояння між Європейським союзом і Росією ще більш значним, що може виключити Україну (як гірший сценарій) з історичного процесу. Ми теж проводили опитування по центральній Україні відносно європейської інтеграції спочатку в листопаді 2013 року (на початку Майдану), а потім у березні 2014 року (по його закінченні). Зараз знов проводимо дослідження (рік після Майдану). Які тенденції виявилися? А тенденції дещо несподівані. Полягають вони у тому, що, безумовно, «європейська інтеграція» за рейтингом посідає перше місце, але кількість тих, хто її підтримував, у листопаді 2013 року і в березні 2014 року різна. Йде зниження, причому дуже суттєве. І друга тенденція: за цей період ставлення до Росії практично і є в цілому позитивним. Зазначу, що в центральній Україні ми маємо тенденції як західного, так і східного менталітету, тобто є певне віддзеркалення ситуації в Україні. Мені здається, що варто подумати над тим, чи зможе Україна бути реальним суб'єктом європейської політики. Якщо така ситуація не зміниться (ми саме зараз і досліджуємо, чи зберігаються ці тенденції протягом останнього року), якщо ці тенденції будуть й надалі такі ж самі, тобто доля України буде за межами дії глобалізованих систем, тоді перспектив, мені здається, немає.

Бакиров В.С.: Дякую, Анатолію Миколайовичу, за висвітлення цієї проблеми у контексті настроїв мешканців Центральної України. Будь ласка, Олександр Миколайович Поступний.

Поступной А.Н.: К сожалению, я пессимист, когда гляжу на будущее Украины. И считаю, что значительная доля вины за невозможность реализации этой перспективы лежит на нас с вами. Ибо

мы ответственны за то, что наше население с конца 1980-х годов живет в мире иллюзий. Советский Союз развалился легко и быстро потому, что значительную часть общества убедили в том, что, переходя на рыночную экономику, мы чуть ли не сразу становимся европейски развитой страной. Выбор ориентира понятен: сегодня это, действительно, наиболее привлекательные страны. Другое дело, каким путем надеялись достичь этой цели. Население убедили, что ему-то и делать ничего не надо, поскольку рынок с его «невидимой рукой» самостоятельно сделает все необходимое. Главное – не мешать ему. И все получим «на халяву». Увы, не получилось. Пресловутые «ручки» оказались то ли неумелыми, то ли шаловливыми. Однако большая часть населения до сих пор верит, что европейское благосостояние Украины возможно достичь в самые короткие сроки. Так вот, в этой ситуации большая часть населения до сих пор верит, что европейское будущее – это светлое, либеральное, демократическое общество, и это – светлое будущее всего человечества. В конце прошлого года очень многие были уверены, что для этого достаточно было всего лишь подписать Соглашение об ассоциации. И сразу получить от Европы все блага. Украина все еще живет девизом великого комбинатора Остапа Бендера (включая тех, кто уже не знает, кто это такой) – «Заграница нам поможет». Не поможет. Украина почти банкрот, но Запад не только не списал нам прошлые долги, что делал для многих, но и тянет с новыми займами.

Утверждение о том, что богатое демократическое либеральное общество – это светлое будущее всего человечества, а главное, будто бы развитые страны Запада будут в этом всячески помогать всем желающим – это или шутка, или глупость, или сознательная ложь. Мир циничен и жесток. Сегодня это целостная мировая система в виде пирамиды, на вершине которой находятся страны Запада, ниже – менее развитые и так далее до самых убогих, лежащих в ее основании. А главное – процветание процветающих – это не только результат их собственного труда, но и созданной ими глобальной системы безвозмездного изъятия прибавочной стоимости, создаваемой менее развитыми странами. Кстати, в переведенном американском учебнике «Социология» Дж. Массиониса на 30 странице есть чудные слова: «Хотя мы склонны считать благополучие нашим достоинством, социологический подход показывает, что эти достижения связаны, в основном, с привилегированным положением, которое занимают США в глобальной социальной системе». О механизме ее функционирования Дж. Массионис не говорит, но спасибо ему уже за признание такой системы, за счет которой в основном и создается благополучие США. Бенефициарами этой системы являются и другие развитые страны. И все это за счет остальных менее развитых стран, Украины в том числе. Данная система базируется на существующем неравенстве в развитии стран, и Запад всеми доступными ему средствами пытается воспроизводить его. Что, кстати, и составляет суть мировой поли-

тики. Обострение последней как раз и объясняется тем, что данная система вступает в кризис.

Высокоразвитой Украина может стать не благодаря, а наперекор усилиям развитых государств, поскольку мы с ними конкуренты. Конкуренты за право пользоваться плодами НАШЕГО труда. И такой вариант возможен, как показал опыт десятка государств Юго-Восточной Азии, совершивших во второй половине прошлого века цивилизационный рывок. Но для этого существует лишь один путь – мобилизационный вариант развития. Но поскольку он предполагает, как минимум, пару десятилетий упорнейшего труда всей страны, о нем не хотят и слышать. Не случайно о нас придумали анекдот, в котором украинцы спрашивают мудреца: «Есть ли у нас вариант стать процветающей страной?». Тот отвечает: «Есть, и их даже два: реальный и фантастический. Реальный простой: прилетают инопланетяне и все за вас делают. А фантастический – вы все это делаете сами». За все годы независимости Украины ни один ее руководитель, ни одно правительство не сделали даже попытки пойти по этому пути. И времени для принятия решения все меньше. Мы или приступим в ближайшее время к реализации такого варианта или уже не успеем никогда. И второе более реально.

Бакиров В.С.: Спасибо. Мрачноватый прогноз.

Головаха Е.И.: А почему мы вообще должны быть нужны Европе? Вы задавали себе этот вопрос? Мы разве нужны кому-то? Каждый нужен сам себе. Более того, Европа, наступая на свои интересы, сейчас содержит Украину. Если бы не было помощи Европы и США, то мы бы рухнули уже год назад. Учитывая, в каком состоянии был бюджет, мы бы рухнули уже год назад. Вообще-то Европа прекрасно к нам относится, гораздо лучше, чем могло бы быть. Поэтому я не вижу проблемы в отношении Европы к Украине. Проблема в качестве элит. Кстати, о населении, оно очень проевропейское, перспектива прекрасная. Мы увидели – абсолютно изменилось сознание: две трети украинцев хотят в Европу. Все прекрасно. Кроме качества элит. Я же говорю, пришла новая, неопределенная элита. Мы знаем, кто нами руководил: партийные работники, красный директорат, комсомольцы. А сейчас абсолютно неясно, кто руководит Украиной. Ее перспектива зависит не от Европы. Европа будет держать нас до конца. В Европе осознали, что идет степь. Мы только начали думать, а они уже поняли. Все зависит сейчас только от нас. Если мы сумеем это руководство сделать, так сказать, вменяемым, то, я думаю, все будет хорошо.

Поступной А.Н.: У меня только два коротких ответа. Первый: каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает. Второй: если бы мы были не нужны Европе – это было бы великое счастье.

Бакиров В.С.: Спасибо, Евгений Иванович, спасибо, Александр Николаевич. Ольга Николаевна, прошу Вас.

Балакирева О.Н.: Спасибо. Я просто хочу немножко продолжить мысли, которые уже прозвучали. Вот, Вы, Виль Савбанович, задали вопрос о путях развития, Вы спросили о перспективах для Украины. Но сегодня к путям развития можно добавить, на мой взгляд, другой вопрос: «Украина как единое государство или все-таки будут изменения в политической системе, может быть, изменение количества государств на территории Украины как определенный вариант (два государства или три государства)?». Это тоже, с моей точки зрения, размышления о путях развития. В феврале месяце 2014 года я была в Харькове на «круглом столе» (Виль Савбанович знает об этом), который был проведен по инициативе М. Добкина и который имел очень красивое название «Перспективы дальнейшего социально-экономического развития Украины». Собственно говоря, поэтому туда меня и направили. Это был фасад. Содержательный разговор был о том, что Украина неоднородна, что нужна в определенной степени... (слова «федерализация» там не было, поскольку это запрещено у нас). Но, тем не менее, шла речь об усилении автономии, децентрализации и построении Харьковско-Одесской дуги. Для меня некоторые фразы звучали впервые, и я пыталась понять, что они значат. Я достаточно резко выступала и говорила, действительно, о необходимости децентрализации. Потому что сегодня вопрос путей и перспектив Украины настолько многогранен, потому что нам надо решить проблему войны и мира, решить проблему экономического развития, решить проблему политического и административного устройства.

Если говорить о том, готовы ли мы быть в Европе и готовы ли мы идти в Европу. Евгений Иванович скромно умалчивает, он сделал интересные разработки о том, что нужно сегодня формировать у населения проевропейские ценности путем формирования ценностей-медиаторов, которые позволят перейти от постсоветских ценностей к европейским ценностям. И сегодня, с моей точки зрения, это нужно популяризировать и использовать. И давайте думать о том, что мы как преподаватели, учителя школ, гражданское общество, можем повлиять на содержание образования и воспитания в системе образования. Если мы этого не сделаем, мы никогда не изменим систему норм прав и обязанностей, которые сегодня разрушены. Мы проводили небольшие фокус-группы с молодыми людьми, которых мы отбирали как креативных, активных личностей. И спрашивали у них об их поездке в Европу, что они оттуда вынесли. Вы знаете, часть из них сказала: «Нам там не понравилось, потому что машину парковать, где угодно, нельзя. Потому что нужно жить по правилам. Потому что нельзя вести себя так, как ты хочешь, иначе тебя задержат, ведь ты неправильно себя ведешь». То есть то, на что здесь общество не обращает внимание, то, что стало нормой, точнее, искажением нормы, там, в Европе, этого делать нельзя. И если мы не изменим свое мировоззрение, не поймем, что нужно жить по

правилам, что есть то, что можно, и то, что нельзя, и это относится ко всем в одинаковой мере. Поэтому и вопрос формирования элит я пыталась поднимать на разных «круглых столах» еще где-то в 2002-2003 гг., когда независимости было не более 10 лет и та управленческая элита, которая воспитывалась старой идеологической системой коммунистической партии, которая воспитывалась как элита, которая понимает механизмы взаимодействия, она была напрочь разрушена. И посмотрите, сколько непрофессиональных людей мы имеем сегодня в министерствах, в парламенте, в районных администрациях, в областных администрациях и т.д., которые не готовились и не готовятся как управленцы. Это еще одна большая проблема, с моей точки зрения, для Украины.

Я бы хотела отреагировать на некоторые другие вопросы нашего «круглого стола».

В частности, по поводу третьего пункта, есть ли у социологии адекватный язык и понимание сложившейся ситуации. С моей точки зрения, есть. Особенно если учитывать опыт не только отечественной социологии, но и мировой социологии. Вопрос в том, насколько мы им владеем. А владеем мы им неравномерно, не все хотят учиться, не все понимают, зачем это нужно.

С точки зрения этики профессиональной деятельности, мне кажется, что сегодня у социологов должна быть очень активная, инициативная позиция. Не ждать, пока дадут заказ, или кто-то сверху скажет, что что-то нужно делать, нужно пропагандировать, навязывать, предвидеть. Функция предвидения, гражданская активность, мне кажется, что это должно сегодня стать доминантой профессиональной деятельности социологов. Спасибо.

Бакиров В.С.: Большое спасибо, Ольга Николаевна. Мне очень понравилось выступление Ольги Николаевны. Если мы хотим еще что-то хорошее увидеть в нашей жизни, чтобы увидели наши дети и наши внуки, то возникает вопрос, кто за это отвечает, кто является движущей силой этого процесса. Мы сегодня уже услышали, что полагаются на нашу управляющую систему, на нашу элиту невозможно. А рассчитывать, что все само произойдет, что рынок все сам сделает, и все «на халяву» мы получим, – это все утопичные и тщетные иллюзии. Значит, надо искать субъектов позитивных перемен, субъектов позитивного развития, субъектов позитивных социальных изменений. Ольга Николаевна говорит, что таким коллективным субъектом может быть только просвещенная часть общества, только интеллектуальная элита, если у нее есть достаточно моральных, интеллектуальных, человеческих и прочих пассивных ресурсов этот мир постепенно изменять. Сегодня таких ресурсов нет, но через 10-20 лет в ходе напряженного, длительного, самоотверженного, просвещенческого труда мы сможем что-то заложить в сознание людей. Сегодня мы живем (может, я скажу вещи оскорбительные) в среде нравственно извращенных людей, мо-

рально деформированных, морально дефектных и сами такими же в какой-то степени являемся. Вот этот морально извращенный социум хочет стать цивилизованным, просвещенным, активным, гуманным и т.д., но никогда он таким не станет. Кто-то должен взять на себя функцию просвещения. Простите, пожалуйста, может, я несколько жестко сказал.

Пожалуйста, Виктория Леонидовна, Вам слово.

Погребная В.Л.: Я бы очень хотела поддержать выступление, которое сейчас прозвучало, озвучив буквально несколько тезисов. Тезис № 1. Мы все живем в мире ассоциаций, поэтому, определяя свою перспективу (Европа – не Европа, Восток – Запад), в первую очередь, ориентируемся на собственное восприятие выбранных ориентиров. Это в одинаковой мере относится и к нам – социологам, и к нашим респондентам. Так сложилось, что сегодня сформировались и активно действуют стереотипы: Европа – это движение вперед, а Россия – назад, то есть прогресс ассоциируется с Западом, а возвращение в Советский Союз – с Россией. Поэтому, когда мы проводили исследование среди студентов Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, то не спрашивали у них, хотят ли они в Европу или в Россию, даже не интересовались, считают ли они себя европейцами, потому что ассоциации с Европой и Россией у всех разные. Мы поставили вопросы: «Видите ли Вы в ближайшей перспективе Украину в Европейском союзе?» и «Видите ли Вы в ближайшей перспективе Украину в союзе с Россией?», сопровождая их открытым вопросом: «Почему». Так вот, каждый 5-6 респондент (18 %) сказал, что нам вообще никуда сейчас нельзя идти, что мы не можем «ползти на коленях», что нужно сначала стать на ноги, чтобы не чувствовать себя бедными родственниками, ожидающими, что Европа (или Россия) будет нас поддерживать, помогать, «тянуть». Заметьте, это говорят молодые люди, за которыми будущее Украины. Значит, сформировалось поколение, не боящееся много работать, брать на себя ответственность, не желающее, чтобы за них все решали. Стало быть, их ассоциации выбора связаны не с традиционными для постсоциалистических стран культурными ценностями, а с возможностями самореализации. Отсюда тезис № 2: нельзя не учитывать возрастной фактор. Мы все видели кадры голосования во время референдума в «ДНР» и «ЛНР». Даже, если сделать поправку на фрагментарность получаемой нами картинки, то все равно видно, что основной контингент голосовавших составляли люди зрелого возраста, ассоциации которых по-прежнему ориентированы на СССР с его классической схемой: «споткнешься – поддержи, упадешь – поднимем, сядешь – на поруки возьмем». В этом, на мой взгляд, и лежит корень сегодняшнего украинского вызова: если для молодых людей перспектива Украины ассоциируется с возможностью изменения своей жизни, то

для старшего поколения – сохранения того, что их устраивало в прошлом.

Бакиров В.С.: Спасибо, Виктория Леонидовна. Елена Андреевна, Вам слово.

Здравомыслова Е.А.: Я все-таки хочу сказать что-то как социолог и, может, повторить, то, что я говорила сегодня на пленарном заседании конференции. Потому что очень опасно то, что мы сегодня в неустойчивой, быстро меняющейся ситуации проводим массовые опросы, которые применяются для спокойных, устойчивых, стабильных систем, для работающих структур и правил, для устойчивых, сформировавшихся мнений, которые не меняются конъюнктурно и очень быстро. И мы это все меряем, с помощью жестких методик, при этом смысл вопросов, которые мы формулируем в своем инструментарии, может быть непонятен информантам. Эти вопросы – очень высокого уровня абстракции. Я просто помню вопросы раннего постсоветского времени, когда спрашивали «Как Вы относитесь к демократии?» и после этого делали вывод. Или еще спрашивали «Как вы относитесь к мигрантам?», а потом делали вывод: ах, они фашисты. Я считаю, что в этом случае нужно говорить о нашей профессиональной сензитивности как критических социологов (пользуясь терминологией Бурового). Вы знаете, что он различает четыре типа производства социологического знания: профессиональное, прикладное, критическое и публичное. Не буду все сейчас пересказывать, но по каждой из этих моделей социологического знания есть специфика в условиях ломки структур и кризисных ситуаций. Главное, что наш инструмент непригоден, я могу сказать, что даже очень добросовестные исследования с соблюдением всех правил репрезентативной выборки на самом деле дают ответ на совсем другое. На то, что вывели сами люди. Мало того, результаты начинают использоваться в манипулятивных целях, и мы, социологи, не в состоянии контролировать, кто будет использовать результат, кто, какая партия, и как проинтерпретируют. Потому что дело не в цифрах, а дело в том, как проинтерпретируют. И в этом смысле дело становится очень опасным для самих наших информантов. А у нас есть принцип – не навредить, да, потому что мы манипулируем ними. Я хочу просто обратить ваше внимание (я качественный методолог, поэтому еще раз повторюсь): прогностическая функция социологии в этой ситуации, в которой оказалась сегодня Украина (и не только она), мне кажется, реализуется довольно слабо. Я бы призвала всех вспомнить о понимающей социологии, обратиться к стратегиям людей, к их обоснованиям, а не только к исследованию ценностей, которые мы сейчас проводим с помощью стандартных методик, и меряем непонятно что. Мы должны обращаться к изучению повседневности людей в кризисной ситуации: как они решают свои проблемы, какие ресурсы для этого используют. Мы уже знаем, что гражданское общество помогает. А где исследования? Где исследования о том, как гражданское обще-

ство формируется, как оно помогает выживать беженцам и решать проблемы нехватки еды, жилья и многого другого.

Бакиров В.С.: Спасибо, Елена Андреевна. Прошу, Оксана Акимовна, Вам слово.

Даниленко О.А.: Мне кажется очень важно, действительно, обратиться к качественным исследованиям. Особое значение приобретает биографический метод, потому что особенности проживания человеком биографии помогают лучше понять, какие он смыслы вкладывает.

Бакиров В.С.: Оксана Акимовна, это не по вопросу, который мы сейчас обсуждаем.

Даниленко О.А.: Да, я понимаю. Но я о том, что те смыслы, которые вкладываются в слова «Европа» и другие, они биографически детерминированы, поэтому мне кажется очень важным развивать эту сторону качественных исследований, для того чтобы погружаться в глубинный смысл.

Бакиров В.С.: Спасибо. Но, друзья мои, пока мы абсолютно ничего не прояснили. Мы много говорили, но ничего не прояснили. У Украины есть несколько перспектив. Есть краткосрочные перспективы – это, как мы пройдем зиму, это мы не трогаем. А есть перспективы долгосрочные, и я не услышал ни одного аргумента в пользу того, что у нас есть какие-то шансы на лучшее, что нашим внукам захочется жить в Украине. Пожалуйста, Евгений Иванович.

Головаха Е.И.: Через два года в США будет президент-республиканец и все это безобразие устраним.

Бакиров В.С.: Я все-таки хочу вернуть дискуссию к первому вопросу, который абсолютно не прояснен. Абсолютно. Я хочу вот что сказать: представьте себе, что не случился бы Майдан, как бы люди к нему не относились. В принципе хорошо, что случился Майдан, потому что представить себе десятилетия правления Виктора Федоровича, который из года в год круче и круче становился, представить себе десятилетия прокурорского, правоохранительного, судейского произвола, террора и рэкета просто страшно. Я вообще не представляю, что от нас осталось бы через десять лет. Это трудно представить. Сейчас у нас «революция достоинства», и это все как-то приостановилось, прекратилось. Мне многое не нравится из того, что сейчас происходит, меня многое совершенно не устраивает. Меня пугает и не устраивает демагогия, популизм, нетерпимость, истеричность, я много могу на эту тему говорить. Но мы сейчас получили шанс, и я убежден, что он последний. Сколько Украина будет существовать тысячу лет или две тысячи лет, но второго такого шанса не будет. Это наш последний шанс, может, даже и первый, и последний. И мы должны стать пусть не Европой, пусть не Северной Америкой, а стать мало-мальски нормальным государством, с нормальным правом, с железным законом, с уважением к людям, с какой-то хотя бы минимально эффективной экономикой. Мы должны пожить нормальной жизнью, ведь все мы хотим пожить нормальной жизнью. А перспективы для этого

у нас абсолютно туманні. Никто ничего не говорит, как это все реализовать, есть ли у нас ресурсы, есть ли у нас какие-то люди и силы, которые могут это сделать, потому что уповать на власть имущих можно, но это бесполезно. Они ничего не сделают. Уповать на массы, но массы тоже у нас оставляют желать много лучшего. Уповать на интеллектуалов, но и они у нас тоже оставляют желать много лучшего. На кого уповать?

Бакиров В.С.: Пожалуйста, Алексей Александрович, вам слово.

Мусиездов А.А.: значит, где-то в году 2011-2012 меня, и я думаю, многих из нас не покидало ощущение какой-то безысходности. Угнетала мысль о том, что мы живем в обществе, где все движется к чему-то плохому, и я пытался выяснить, что происходит, каковы перспективы и есть ли они. Знаю, что многие из нас об этом думали. И абсолютно не основываясь ни на каких исследованиях, у меня появилась такая гипотеза, что элитой тога были те, кто привык делить ресурсы, забирать ресурсы, перераспределять их, но, с другой стороны, появлялись те, кто привык ресурсы производить. И при тотальном контроле первых само по себе общество вряд ли что-то могло этому противопоставить. То есть, по сути, речь шла о том, что нужна какая-то контр-элита, те, кто производит, те, кто заинтересован в таком порядке, при каком их деятельность защищалась бы. Контр-элита – это производители. И единственный вариант изменения той ситуации виделся в каких-то катаклизмах, катастрофах, связанных со сменой элит. И в результате произошел Майдан, который я назвал бы буржуазной революцией, не претендуя на оригинальность. В январе мне повезло участвовать в исследовании харьковского Евромайдана. Я интервьюировал организаторов и обычных участников. И эти интервью дают возможность ответить на вопрос, что понимается под «Европой». Под Европой люди, которые участвовали в Евромайдане, понимали одну единственную вещь – торжество закона как основу для уважения человека. Это не был уровень материальный, это не была возможность безвизового посещения Европы.

Бакиров В.С.: А они понимают, что при торжестве закона они не смогут парковать, где захотят, свои машины?

Мусиездов А.А.: Люди, которые отвечали мне, говорили следующее: «Я прекрасно понимаю, что от интеграции в Европу, учитывая европейский рынок, лично я, скорее всего, потеряю. Это невыгодно с экономической точки зрения. Но с точки зрения торжества закона, а, значит, самоуважения – это мне выгодно. И я хочу именно этого».

Бакиров В.С.: Алексей Александрович, какое отношение имеет сказанное Вами к первому вопросу?

Мусиездов А.А.: Оно имеет прямое отношение, поскольку люди, которые имеют подобные стремления, имеют и производственные ресурсы, экономические и интеллектуальные. Опять же, если мы посмотрим на активистов Майдана, то это очевидно. И в этой связи мне видятся пер-

спективы в позитивном ключе. Это люди, которые рассчитывают не на то, чтобы идти в Европу, а на то, чтобы сделать ее здесь.

Бакиров В.С.: Что это за люди? Откуда они взялись? Откуда они появились? Что это за слои? Кто они такие?

Мусиездов А.А.: Я бы сказал, что это новая буржуазия, то есть люди, связанные с производством, а не с перераспределением. Это то, что можно назвать креативным классом. Это если в 2-х словах.

Бакиров В.С.: В Харькове производство развито?

Мусиездов А.А.: В Харькове – да.

Бакиров В.С.: Так, креативный офисный класс.

Мусиездов А.А.: Не офисный. Это люди, не связанные с офисом. Офисный класс обычно связан с корпоративными ограничениями, а эти – скорее, фрилансеры, могущие иметь преимущественно от глобальной экономики, профессионалы, не связанные с организационными иерархиями. Вот этот самый класс профессионалов плюс новая настоящая «производственная» буржуазия и являются двигателями нынешних перемен. То есть прогрессивные слои, и потому я вижу положительные перспективы.

Бакиров В.С.: Ну, хорошо. Я понял. Есть такая социальная группа. Пожалуйста, Кононов Илья Федорович.

Кононов И.Ф.: Когда мы говорим о будущем страны, надо принимать во внимание не только процессы, которые разворачиваются в самой стране, и не только наше личное желание. Мы должны принимать во внимание состояние мировой системы политической и должны анализировать хотя бы своих ближайших соседей и главных политических игроков в мире, с которыми мы связаны.

Не буду претендовать на всю полноту анализа. Вот, скажем, Россия. Мы сейчас фактически в состоянии войны. Правда, эта война весьма странная и своеобразная. Так вот, фактически развитие процессов в самой России, которые связаны с ее внутренними противоречиями и с ее позиционированием в мировой системе, привели к тому, что для Украины вариант евроазиатской интеграции закрыт на настоящий момент. В настоящее время внутреннее развитие России закрыло перед нами это окно возможностей как таковое. И тут уже не имеет значения мнение населения и так далее, и тому подобное. Поэтому Европа как вектор движения становится тем окном возможностей, которое сейчас открылось (но мы не должны мифологизировать ситуацию: окна возможностей открываются и закрываются), становится единственной перспективной.

Но нам надо попытаться понять и Россию. Нам жить с ней все равно рядом. Или помирать с ней рядом. Почему в России произошло такое перерождение правящей элиты? Первоначальный толчок исходил, на мой взгляд, из следующего: Россия с 1991 года тоже начала с полуперифе-

рийного положения скатываются на периферийное. Хищнические инстинкты первоначального перераспределения общественного богатства, фактический распад социальной ткани вызвали реакцию и у общества, и у правящего класса – этот тренд «сползания» необходимо прекратить. Но в конкретных российских условиях эта в целом здоровая реакция привела к злокачественному перерождению государственного аппарата. Под лозунгами порядка властью овладела группировка, сформировавшаяся в недрах КГБ и других силовых структур. Сформировалась определенная группа людей в элите России, которая фактически в результате спецоперации привела к власти Путина. Какую технологию они предложили обществу? Только одну – силовое решение всех проблем. И вся Россия попала под влияние того, что сами русские историки называют сейчас «Лубянской народной республикой». Это Ирина Галкина придумала такое название. Вот фактически позиция этой «Лубянской народной республики» многие окна возможностей перед Россией закрыло. Перед страной замаячила перспектива превратиться в мирового изгоя с ядерным оружием.

Решила Россия таким путем свои проблемы? Нет. Более того, российский правящий класс показал еще и не способность провести долговременный стратегический анализ, фактически втянув страну в авантюру, к которой ее, возможно, и подталкивали, авантюру, которая, возможно, будет стоить ей чрезвычайно дорого.

Теперь относительно Европы. Я тоже не вижу сейчас другого варианта развития страны. Но вопрос в том, каким образом нам взаимодействовать с Европой? На кого ориентироваться? Европейские структуры крайне аморфны. Европа сама расслаивается, и Украине здесь необходимо кроме Польши, иметь еще лоббистов. Иметь тех, с кем мы будем взаимодействовать.

И последний момент, внутренний – это вопрос об изменениях. Кто будет субъектом изменений у нас? Дело в том, что у нас элитные группы, особенно политический класс, он фактически самовоспроизводится и он главный виновник того, что произошло. Я не знаю, это, конечно, банальность, но зародыши противоположных тенденций, действительно, можно видеть только в гражданском обществе. Но оно тоже не однородно. Там тоже есть злокозненные начала, его тоже не надо идеализировать. Но, по-видимому, это единственный источник, откуда мы можем ожидать импульсы для внутренних изменений.

Бакиров В.С.: Спасибо, Илья Федорович. Уважаемые коллеги, подводя итоги первой темы, скажу следующее: нам очень бы хотелось повторить результат Южной Кореи или Сингапура и, конечно, нам нужно к этому стремиться. Можем мы это сделать, или нет, мы этого не знаем. Мне очень понравилось выступление Алексея Александровича Мусиездова. Я подталкивал сегодня всех (вы, наверное, ощущали) к тому, чтобы определить, кто может быть субъектом изменений. Кто может эту

жизнь изменить к лучшему? В своем выступлении Алексей Александрович Мусиездов сказал очень важное: он видел людей, которые не хотят жить так, как сейчас, понимая, что могут потерять и экономически, и статусно, но хотели бы жить нормальной человеческой жизнью. В сущности, в человека заложена эта потребность нормальной жизни, которая часто подавлялась, но иногда она просыпается. Абсолютно не претендуя на правоту, я скажу, что субъектами изменений могут быть люди, которым сейчас до 33-35 лет, которым было 8-10 лет в 1991 году, которые выросли в другой среде, имеют другой опыт, имеют другое образование и имеют другое сознание. Не считите за подхалимаж, я просто имел возможность общаться несколько раз с нашим замминистра, которому 30 с чем-то лет, и это абсолютно другой тип человека, другой тип руководителя и т.д. Это люди с другой антропологией. У них другое сознание, у них другой опыт. Эти люди вышли на нашу историческую сцену, и, наверное, они хотят другого. Они хотят жить другой жизнью. Они хотят жить по правилам. По правилам, по которым живет большая часть мира. Мы должны им помогать. Мы должны их исследовать. Мы должны как социологи понять, например, с помощью качественных методов, что это за нарождающаяся социальная сила.

Второе, что я хочу сказать. Конечно, нам надо как социологам обращать внимание на процессы культурной трансформации, трансформации идентичности. Европейской, не европейской. Это все происходит в головах людей, и это тоже нужно понимать.

Еще одна вещь очень важная – это геополитический императив, который нам что-то позволяет, что-то не позволяет. Наивно полагать, что мы делаем то, что хотим. Есть силы, есть страны, есть транснациональные всякие структуры, у которых свои взгляды и свои соображения по поводу Украины: какой ей быть, как ей развиваться, куда развиваться, и у них колоссальные рычаги воздействия, финансовые и прочие. И у них свое видение Украины, которое может не совпадать с нашим с вами. И очень сильно не совпадает, наверное. У нас очень много работы. Но самая главная проблема украинского общества – это отсутствие трудовой этики. Мы хотим получать высокие зарплаты, мы хотим сидеть в кафе, мы хотим танцевать, мы хотим ездить по всей Европе без визы, но мы не хотим при этом работать. Нам очень не хочется работать, хочется, чтобы кто-то нас кормил, одевал, обувал, давал деньги. Это тоже проблема. Нет ни одной процветающей страны в мире, где бы не было сильной трудовой этики. Даже в Италии. Север Италии – это одна экономика, одна трудовая этика, в южной Италии – другая. Наша трудовая этика абсолютно не совпадает с нашими желаниями, амбициями. Это тоже серьезная проблема. Но не все безнадежно. Я видел много молодых людей, которые хотят работать.

Давайте подведем черту под первым вопросом и зададимся вопросом номер два. Это про-

блема, о которой говорил в своем докладе Илья Федорович. Этноориентированный проект и проект со-гражданства. Проект согражданства – это по сути, то же, что политическая нация.

Когда был Майдан, когда горели шины, когда раздавались выстрелы и лилась кровь, один мой знакомый сказал: «Так выковывается, формируется нация, через кровь, через бои... это очень мощный импульс формирования нации». Но какой нации? Этнической? Политической?

Пожалуйста, Виталий Михайлович.

Онищук В.М.: Хочу сказати декілька слів про українську політичну націю. Треба починати з 1991 року, з референдуму 1 грудня. В Україні 92% громадян проголосували за незалежність України. Це була не етнонація. Східна частина України, точніше, Донбас (Луганська область і Донецька область) проголосував так: Донецька область – 87% за незалежність, Луганська – 83%. От тут можна було говорити не про етно-, а про українську політичну націю. Але сталося так, як сталося. Прийшла до влади еліта, яка «відкусила» пиріг, розвалила країну. Правильно сказав професор Бакіров, що це шанс, який нам дала історія. Хочу повторити слова Олеса Гончара, який напередодні референдуму звернувся до нації. Не партійний діяч, не державний діяч. До нації звернувся моральний авторитет, письменник, який сказав: «Цей шанс не треба упускати». Мені здається, що все ж таки у нас більше є політичного спів громадянства, аніж етнічного. Десь проявляються елементи етнічності, не тільки в Галичині, але й у нас, на Одещині, серед болгар, українців, молдован та інших. Це ті фактори, які ведуть нас до спільної нашої єдиної держави.

Головаха Е.И.: Единственное, что я бы сказал, это, то, что в 2014 году точно такой же вопрос, как на референдуме, задавал Институт политических и социальных технологий. Так вот, сейчас за независимость отдали голоса 92% (если не брать оккупированные территории). Сегодня это реальные 92% взрослого населения. Я думаю, что это показатель того, что отчасти нация создана.

Бакиров В.С.: Это на фоне конфликта.

Головаха Е.И.: На фоне войны.

Бакиров В.С.: Я дякую Віталію Михайловичу за те, що відкрив шлях до дискусії і показав можливі варіанти розмови. Прошу, Віра Леонідівна Арбеніна.

Арбенина В.Л.: Я бы ответила на вопрос о нации так. Безусловно, формирование политической нации в Украине возможно, и есть уже достаточно много свидетельств того, что она формируется, но при условии, если мы четко откажемся в наших политических лозунгах, в нашей реальной политике от ориентации на этническую модель нации. Потому что у нас вся идеология, если можно так сказать, деятельность всех социальных институтов ориентирована на то, чтобы способствовать формированию украинской нации как этнически ориентированной нации. И в этом, мне кажется, основная причи-

на того, почему у нас не идет процесс консолидации страны. Если мы вспомним, что явилось очевидным толчком (одним из толчков) того, что поднялся Донбасс. Собрался Верховный Совет и первое выступление, которое прозвучало на его заседании, это предложение изменить закон о языке Кивалова-Колесниченко. Это было первое, что сделал Верховный Совет, собравшись после Майдана. И вот такие вещи, мне кажется, выталкивают не только Донбасс, частично Харьков, Одессу и другие русскоязычные города. Я уже много раз выступала и говорила о том, что русские в Украине – это украинские русские. Это русские, которые ориентированы на Украину, которые хотят жить в Украине, но хотят, чтобы их признавали полноценными гражданами Украины. Можно изменить элиту, но нельзя изменить народ. Нельзя изменить его историю, его географию. Нужно считаться с тем, какова реальная ситуация. Поэтому мне кажется, что однозначная и очень жесткая нацеленность на построение политической модели нации – это то, что может в перспективе консолидировать население Украины.

Бакиров В.С.: Вера Леонидовна, у нас нация политическая сформирована?

Арбенина В.Л.: Нет.

Бакиров В.С.: А этническая?

Арбенина В.Л.: Нет.

Бакиров В.С.: А какая есть?

Арбенина В.Л.: Никакая. У нас нет национальной консолидации.

Бакиров В.С.: Пожалуйста, Ольга Аркадиевна.

Филиппова О.А.: Я хочу обратить внимание на несколько моментов. Когда мы говорим о формировании украинской нации, с моей точки зрения, очень важно посмотреть на теоретические концепты, которые мы используем, и на социальные практики. И в этом плане я обращаю внимание на концепт политики идентичности. Очень кратко. Что такое политика идентичности? Фактически, политика идентичности – это кто предлагает и контролирует смыслы идентичности в обществе. Кто предлагает нам смысл, кто такие украинцы? И кто контролирует эти смыслы? Вера Леонидовна сказала, что не сформирована ни политическая, ни этническая нация. Что касается моей позиции, я бы очень не хотела, чтобы сформировалась этническая нация, нация по этническому принципу. То, что мы видим сейчас на Донбассе – это тоже участие в политиках идентичности. Кто предлагает смыслы? Те смыслы идентичности, которые предлагались сверху, не учитывают те смыслы идентичности, которые предлагаются снизу (в данном случае, на Донбассе).

Сегодня профессор Катаев говорил о принуждении к идентичности, так вот, политика идентичности может проходить как признание идентичности и как принуждение к ней. С моей точки зрения, в Украине в формировании политической нации очень плохо используется механизм признания идентичности. К сожалению,

целостный проект украинской политической нации никто не предложил. Отдельные политические партии в тех или иных документах что-то нам предлагали. Но на повседневном уровне, не в сфере политики мы видим формирование политической нации, когда гибридность (с точки зрения позитивной коннотации) становится нормой. Для нас норма – говорить и по-русски, и по-украински и не акцентировать внимание на этом. Если мы возьмем другие этнические языки, то к украинскому и русскому языкам добавляется еще много других. Так вот, гибридность становится нормой (с позитивной точки зрения) для населения, но гибридность не становится нормой для политики идентичности, то есть смысла идентичности, который предлагается нам сверху (политическими партиями, институционализированными социальными акторами, различными институтами и т.д.).

Кононов И.Ф.: Одна реплика: не политической нации быть не может. Другое дело, какие модели формирования политической нации. То ли это этническая консолидация с лояльностями, когда сливаются этническая, культурная и политическая, или же это тоже политическая нация, но это проект согражданства. Тут просто терминологические наложения возникли. А они крайне нежелательны.

Бакиров В.С.: У нас в Конституции четко и ясно записано, что Украина базируется на понятии политической нации. Это конституционная норма. И все призывы строить этническую нацию – антиконституционны.

Головаха Е.И.: Но реально есть региональная идентичность. Вот на Донбассе... Не случайно там все началось. Все очень просто. Там региональная идентичность существенно преобладала над национальной. Вот и все. В Харькове, кстати, было 50 на 50. Это очень интересно. В Харькове шла борьба двух Майданов. И когда подсобило государство или Коломойский, мне трудно судить, это безобразие закончилось. А на Донбассе четко региональная идентичность. И вся идеология Донбасса сегодня, посмотрите, мы не русские, мы жители Донбасса и считайтесь с нашим мнением.

Бакиров В.С.: Я понимаю, что для запада Украины выгоднее открывать дорогу туда, для восточной – туда. Но не только это определяет отношение. А традиции, а язык? А религия? А многое другое? Другие привычки, традиции, другая историческая память.

Головаха Е.И.: Украину покрасили в «жовто-блакитний колір», и я считаю, что это колоссальный позитивный результат, все равно интеграция произошла. Нужен был внешний враг – Россия, но у нас повысилась с 49% до 60% преимущественно украинская государственная идентификация. Юг Украины принципиально изменил свою ориентацию, поверьте мне. На юге Украины произошел перелом, и там не будет того, что было на Донбассе. Идет процесс формирования национальной государственной интеграции, гражданской идентичности. К сожалению,

для этого нужен был внешний враг, которым оказался самый братский народ. А теперь посмотрите, как к нему относятся по последним данным. В 2 раза сдвинулась социальная дистанция. Россияне были самыми близкими, теперь они отодвинуты туда, где все остальные народы. Большинство теперь к России относится отрицательно. Вот вам и результат. А нация формируется на враге.

Бакиров В.С.: Мы уже практически подходим к концу заседания нашего «круглого стола». А теперь обратимся к проблеме наличия/отсутствия языка, адекватного понятийного аппарата для того, чтобы анализировать то, что происходит сейчас в Украине. Проблема профессиональной этики. Это вечная проблема, она всегда актуализируется в таких ситуациях. Была высказана точка зрения, что такой язык у нас есть. Ольга Николаевна на этом настаивает. Возможно, есть другие точки зрения или позиции и аргументы в подтверждение этой позиции. Прошу высказываться.

Обращаюсь к Александру Ивановичу Кизилу. Пожалуйста, Александр Иванович.

Кизилев А.И.: Что касается, тезиса Елены Андреевны о том, что нужно отказаться от массовых опросов и обратиться к качественной социологии и ее методам. У меня есть некоторые сомнения.

Здравомыслова Е. А.: Я не так сказала.

Кизилев А.И.: Ну, я несколько утрировал. Мы живем в сложное время. Сложное и интересное. Сложное, потому что многие вещи становятся предметом нашего исследования. Мы затронули тему «что поменялось у нас в Украине». Прогнозы были в основном пессимистические. Социологи должны изучать новые социальные процессы, гражданские движения, которые возникли. Например, речь шла о волонтерстве. На самом деле, на проблему надо смотреть шире. Такая самодеятельность пошла в массы. Институциональная, неинституциональная, но как ее расценивать? Как оценить народную люстрацию, когда наших политиков погружают в мусорный бак? На это можно смотреть по-разному. Но власть, элита, как мы ее называем, начала осторожно оглядываться на эти массы, а вдруг в мусорный ящик погрузят. Ну, как-то неприлично в костюме дорогим туда погружаться. Наверное, это плохо с европейской точки зрения. Но у нас массы пока не нашли других методов воздействия на власть и элиту. И самодеятельность в другом. Волонтеры снабжают армию, пошли воевать... Майдан как был организован? Я вот столкнулся с таким суждением, и, наверное, с ним соглашусь. Принципиальное отличие двух майданов (2004 и 2013 гг.), состоит в том, что первый был, в основном, спроектирован политически, а второй – результат самодеятельности.

Головаха Е.И.: Абсолютно. Я могу подтвердить. Был на самом первом, даже на предтече. Могу сказать: это было абсолютно внутреннее чувство ненависти к режиму. Видел, говорил с людьми.

Кизилев А.И.: Это – тот предмет исследования, которым должны заниматься социологи.

Меняется общество принципиально. Конечно, это связано прежде всего с молодыми людьми. Именно молодые люди выходят на первый план. Они делают ошибки, они радикальны, они другие какие-то, непонятные нам. Виль Савбанович возмущался по поводу того, что снесли памятник Ленину. Молодежь к этому относится спокойно.

Бакиров В.С.: Скажем так: я доволен, что снесли, но возмущался.

Головаха Е.И.: Виль Савбанович, я очень доволен, что первым депутата Журавского в мусорник отправили. Знаете, есть анекдот: «До этого мусорник не знал такого грязного содержимого».

Кизилов А.И.: Происходит то, что нам еще недоступно для понимания. Мы можем обозвать это привычными для нас терминами или понятиями и на этом успокоиться, но, мне кажется, что происходят такие качественные трансформации, которые еще не столь очевидны, они где-то, как-то... Вот что нужно изучать. Я согласен, конечно, с помощью массовых опросов этого не изучить. Потому что это грубый метод: и массовая статистика, и генерализация иногда нас уводят от сути. Но вместе с тем, я не соглашусь в полной мере с этим тезисом, во многих случаях генерализации показывают центральные тенденции в нашем обществе. Поэтому мы применяем и то, и другое. Все зависит от задач, которые ставит исследователь, от предмета и объекта, которые будет исследовать. В нашем обществе много и плохого, и хорошего происходит. Я оптимист, в отличие от коллег, которые себя идентифицируют как пессимистов. Я считаю, что у Украины есть будущее. Самое главное, что украинский народ, что бы мы тут не говорили, сам решает многие вещи. Мы не планировали Майдан, но он получился, правда, получился несколько жесткий. По поводу политической нации тоже могу сказать, что происходит. Мы в терминологии путаемся, в теории, выясняем, есть ли политическая нация, а она формируется. Никто не выяснял на Майдане, на каком ты языке говоришь. Они общались на любом языке. Пример – известное интервью «Эха Москвы», которое потом запретили. Журналисты говорят: «На каком языке они там разговаривают?» У них рабочий язык – язык этих вояк, которые защищают донецкий аэропорт, – русский! И когда меня спрашивают из МГУ, «как у вас русский там?», я говорю: проблемы не на этой линии: русский – украинец. Совершенно другая, так сказать, область противоречий. Сейчас обсуждается русскоязычный украинский патриотизм. Явление как бы противоречивое, с одной стороны. Люди говорят на русском языке, но считают себя украинцами. И это все социологии нужно изучать сегодня.

Головаха Е.И.: Поставить язык в основу формирования идентичности (национальной, государственной). Я надеюсь, до нас дошло, что этого нельзя делать.

Бакиров В.С.: Спасибо, Александр Иванович. Я вспоминаю Ирину Марковну Попову, которая еще на заре всех наших перестроек говорила:

«Почему нужно связывать патриотизм с языком? Я русскоязычная, но я гражданка Украины, патриот Украины». Но это тогда было как исключение. Потому что очень многие годы у нас было так, что если ты патриот, то ты должен говорить на украинском языке. И вот Майдан этот, пост-майдан изменил эту парадигму. И оказалось, что можно быть патриотом и даже украинским националистом, разговаривая на русском языке. У нас появились русскоязычные украинские националисты. Вдумайтесь: русскоязычный украинский националист. Это «работает» на создание украинской политической нации.

Уважаемые коллеги, возвращаемся к третьему вопросу. Мне кажется, что мы преувеличиваем сложности, которые возникли. Что, социология за 200 лет не выработала адекватного языка для таких процессов? Это первая революция в мире? А что, Питирим Сорокин не переживал что-то подобное и не писал об этом в своих работах? А что, никто не исследовал социальные движения? А что, никто не изучал конфликты? Мне кажется, что если посмотреть, покопаться в мировом арсенале социологической мысли, все это есть. Нам не хватает искусства все это адаптировать к нашим реалиям. Мы что-то новое в мир принесли, извините, чего не было раньше? У нас все было хорошо, и вдруг раз – украинский Майдан. И оказывается это абсолютно новый феномен, который мы теперь хотим изучить. А, может, это так и есть, я не знаю. Может, он особенный, уникальный. И так, может, еще кто-то хотел бы включиться в дискуссию перед тем, как мы будем подводить итоги? Пожалуйста, Людмила Георгиевна.

Сокурская Л.Г.: Когда мы планировали этот «круглый стол» и формулировали вопросы, которые будем обсуждать, мы говорили о языке социологии: есть ли у нас такой аппарат, с помощью которого мы можем изучать то, что происходит сегодня. Как назвать то, что происходит сегодня на Донбассе? Мы говорим о терроризме, о сепаратизме и т.д. Но как правильно это назвать? Однако, наверное, главное все-таки не в этом. Последний вопрос, который мы сформулировали, – это вопрос нашего профессионализма. Тут Вы, Виль Савбанович, совершенно правы. Социология уже, действительно, давно выработала категориальный аппарат для того, чтобы изучать, в том числе, кризисные явления. Вопрос в нашем с вами профессионализме. Мы, 20 лет проводя «Харьковские социологические чтения», к сожалению, можем констатировать: профессионализм некоторых наших коллег, в частности некоторых из тех, кто присылает нам свои статьи, к сожалению, падает. Мне попалась на рецензирование статья, по поводу которой мне пришлось позвонить автору и спросить: «Заказчиком вашей статьи, вашего исследования был случайно не В. В. Путин?». В ответ посмеялись, но дело в том, что это количественное исследование и варианты ответов практически повторяют требования России к Украине в рамках разгоревшегося конфликта. Что должны были делать наши ре-

спонденты? Они, естественно, отвечали на этот вопрос, поскольку так было предложено. И мы с вами прекрасно знаем, каков вопрос, таков ответ. Это было бы еще ладно. Но мы прекрасно знаем, что есть очень сильное идеологическое воздействие наших опросов. И если мы уже говорим, что «вот так должен сделать президент», вот это он должен расформировать, что должна быть федерализация и т.д., человек думает, «ну, наверное, ко мне же пришли не самые глупые люди, пришли социологи. Они предлагают нам такие варианты ответов, наверное, так и нужно делать. Мы прекрасно знаем, как можно манипулировать результатами этих исследований. Вот в этом сегодня, как мне кажется, самая главная проблема: в нашем с вами профессионализме и в корректности тех исследований, которые мы с вами проводим. Мы слушали сегодня выступления, там разные были варианты: и такая нация, и такая, и такой вариант; и такой. К сожалению, мы все чаще и чаще сталкиваемся вот с такими, не вполне профессиональными исследованиями.

Бакиров В.С.: Спасибо, Людмила Георгиевна. Мы задели тему профессиональной этики социолога, которую обычно связываем с проблемами электоральных исследований, когда те, кто проводит опросы (не будем называть их социологами, назовем полстерами), не утруждают себя выходом в поле и в целом проведением исследования, пишут заказчику то, что ему нужно, но это еще раз повторю, относится не к социологам, а к конторам типа «Рога и копыта», которые дискредитируют нашу науку. С этим пытаются бороться Социологическая ассоциация Украины (САУ), вывешивая на своем сайте перечень социологических организаций, центров, вузов и т.д., аккредитованных при САУ как исследовательские службы, данным которых можно доверять.

Яковенко А.В.: Я долго думал – выступать, не выступать. Наверное, никогда в этой аудитории не звучало так часто слово Донбасс. Это и хорошо, и плохо одновременно. Я не знаю, как можно оценить эту ситуацию. Хотя Евгений Иванович всегда достаточно жестко рубит, я думаю, что сложно не согласиться с тем, что все, что там сейчас происходит, в категориях социологии охарактеризовать сложно, если это не назвать трагедией. И если мы ставим вопрос этики то, с моей точки зрения, этот же вопрос нужно поставить во главу угла в наших оценках людей, которые находятся по разные стороны баррикады. В этом тоже будет наш профессионализм. Мы сегодня много спорили, и спасибо Людмиле Георгиевне, что она затронула эту тему. Нам нельзя уподобляться некоторым политикам и уходить в

систему клеймения. Потому что она уже превратилась в систему самоклеймения. Я думаю, что ни Илья Федорович Кононов, ни Валерий Владимирович Бурега не дадут сказать, что мы пребываем в разных пространствах. Мы пришли оттуда, куда не дай Бог вам когда-либо попасть в плане человеческих трагедий и переживаний. Поэтому я хотел бы, может, немного драматизировав ситуацию, но, поверьте, это наша общая реальная судьба, это наши реальные судьбы, мы все ваши товарищи и ваши друзья, и верим, что вы относитесь к нам так же. Поэтому сегодня, все, что говорится с методической, методологической, теоретической точки зрения, – это очень хорошо. Но вопрос, который задавала в частном разговоре Ольга Николаевна, остается: что может социология сегодня реально сделать для гуманизации той катастрофической ситуации, которая сложилась в обществе. У нас появились социальные группы, которые мы воспринимаем достаточно, ну, скажем так, негативно. Но все-таки не все так плохо, как кажется. Мы забыли про солдат, которые воюют за Украину. Волонтерское движение – это замечательно, но оно ни в коей мере не решает всех проблем. Мы забыли о людях, простых людях, которые живут на той территории. И это тоже наши люди. Поэтому я думаю, что в этом отношении сегодня хорошо сказал Виль Савбанович: мы должны быть выше собственных эмоций, намного более чуткими, должны быть нравственными по отношению ко всем простым людям и в то же время больше требовать от политической элиты в плане урегулирования возникшего конфликта.

Бакиров В.С.: Спасибо, Андрей Вячеславович. Уважаемые коллеги, после этих слов можно спокойно подводить итоги работы нашего «круглого стола». Мы можем спорить, и не раз, по поводу концепций, понятий, подходов и чего-то еще, но, наверное, мы все едины в том, что социология, в меру своих скромных, а, может, и не очень скромных возможностей, сегодня должна служить людям. Не разделяя и не противопоставляя их. Служить не политическим играм и каким-то финансовым воротилам, а помогать преодолевать сложившуюся ситуацию, выходить из кризиса. Проводить исследовательскую и просветительскую работу, помогать обществу прозревать, не озлоблять людей, а делать их более толерантными, чтобы в стране преобладала не ненависть, не злоба, не разделение на «свой – чужой», а терпимость, понимание, сочувствие, милосердие и многое, многое другое. В этом есть наша профессиональная задача, наша миссия, наша профессиональная нравственность.

Рецензії, реферати, відгуки

Игорь Мартынюк,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины

Igor Martyniuk

Doctor of Social Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine

Наталья Соболева,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины

Natalia Soboleva

Doctor of Social Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine

РЕЦЕНЗИЯ на книгу Л. В. Сохань ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО КАК ИСКУССТВО Предназначение. Жизнетворчество. Судьба

Подготовленное монографическое исследование Л. В. Сохань «Жизнетворчество как искусство. Предназначение. Жизнетворчество. Судьба» является необычным по жанру и оригинальным по форме изложения, вполне соответствующим духу заявленного в названии подхода. Оно направлено на осмысление одной из острых проблем современного мира – поиск алгоритма самореализации человека в стремительно меняющемся мире. Автор развивает созданную им вместе с коллегами и учениками концепцию жизнетворчества, которое рассматривается как способ решения текущих, среднесрочных и перспективных жизненных задач, процесс упорядочивания личностью событийной картины жизни, процесс ее самоусовершенствования. Знакомство с книгой можно уподобить вдумчивой, неспешной беседе с мудрым собеседником, чье творческое становление проходило под знаком неустанного поиска истины и бескорыстного и преданного служения науке. Речь идет о человеке с живым и пытливым умом, горячим сердцем, колоссальным энтузиазмом и искренней верой в необходимость осуществления задуманного научного проекта – о создателе оригинальной социологической научной школы «Искусство жизнетворчества», занимающейся проблемами духовного развития личности в процессе построения и осуществления своей жизни и обретения счастья личностного бытия как воплощения полноты и гармонии творческого самоосуществления. Размышляя об этих сложнейших проблемах бытия, автор одновременно демонстрирует как прозорливость талантливого ученого, так и активную гражданскую позицию неравнодушного человека, который разделил со страной все сложности ее исторического развития, совпавшие по времени с жизнью самого автора.

Одно из несомненных достоинств книги состоит в том, что ее автор рассказывает не только о своих исследованиях, теоретических поисках, становлении социологической науки в нашей стране, но и о том, как и почему она пришла в науку, что с нею проис-

ходило, о развитии своих взглядов и судьбе. Именно Л. Сохань задумала и реализовала первое в Украине уникальное комплексное исследование в рамках социологии жизни. Научная школа Л. Сохань в отечественной психологии и социологии сформировалась в 80-х гг. XX века и по сегодняшний день специализируется на изучении закономерностей и способов творческой организации личностью своей жизнедеятельности в социуме. Социально-психологическая концепция жизни личности, построенная на парадигме жизнетворчества, реализовалась не только в рамках академических исследовательских проектов, но и получила свое практическое воплощение в педагогической практике, в частности в организации учебно-педагогического процесса в украинских школах нового типа, формируя новую стратегию образования, при которой педагогический процесс рассматривается как процесс овладения обучающимися искусством сознательного и творческого осуществления своей жизни. Л. Сохань со своими учениками и последователями, которые спланировались вокруг возглавляемого ею долгое время отдела социальной психологии Института философии АН УССР, а позднее Института социологии НАН Украины, заложила основы и обосновала самостоятельный статус креатологии – науки о творческом построении и осуществлении личностью своей жизни.

Жизнетворчество как особый, гуманистически ориентированный способ решения жизненных задач предстает одновременно и средством, и целью жизнеосуществления, предполагая высвобождение существенных сил индивида в процессе жизнедеятельности, в ходе которого формируется индивидуально-неповторимый стиль жизни и в конечном счете судьба данного субъекта. По мнению автора, диалектически соединя сознательные устремления и бессознательные порывы, жизнетворчество предполагает осмысленное, подчиненное жизненной программе конструирование собственной судьбы, опирающееся на глубокую само-

рефлексию внутреннего мира личности как отражение событийной картины бытия. При этом сущность жизнотворчества состоит не в умозрительном, а практическом освоении социального мира, построении системы практик, в которых воплощается жизненный замысел. Жизненный путь личности, культивирующей и реализующей принципы жизнотворчества, предполагает примат сознательного начала в регулировании нею событий индивидуальной жизни.

Креатология формируется на основе понимания личности как индивидуальности, теории творческой самоактуализации, содержательно интегрируясь в теорию жизнотворчества путем познания закономерностей и механизмов индивидуального жизнеосуществления. Личность в этом смысле выступает как субъект своей индивидуальной жизни, ответственный перед обществом и перед собой за выбор и реализацию модели (направленности, значения, стиля и т.п.) своей жизни, за свои жизненные выборы, определяющие в конечном счете судьбу человека. Предметом креатологии являются процессы и технология жизнотворчества личности как способ творческого проектирования и осуществления своей жизни. Психологическая технология жизнотворчества базируется на совокупности психологических знаний, способов и методов раскрытия, развития и реализации творческого потенциала личности, становления ее как социально и психологически зрелой индивидуальности, способной творчески программировать свою жизнь, реализовать свое предназначение. Основная задача социологии жизнотворчества – помочь личности полноценно включиться в динамическую социальную структуру с учетом реальных социальных возможностей и особенностей своей индивидуальной психологической структуры, жизненных приоритетов и ожиданий. Креатология с ее системой хорошо разработанных понятий и категорий уже в достаточной степени выкристаллизовалась в самостоятельное научное направление в социологии и занимается дальнейшей разработкой технологических процедур диагностики проектирования и коррекции жизненного пути личности.

Особую ценность книге придает то, что излагаемые теоретические постулаты не остаются некими схоластическими построениями, они вплетены в живую ткань современной жизни, сценарии развития человека рассмотрены в контексте императивов XXI века, взятых во всей их сложности, многогранности и противоречивости. Жизненные ценности, критерии успеха, жизненное пространство личности, ее жизненный ареал анализируются в разных ракурсах: от цивилизационно-глобализационных вызовов до социально-психологической ауры социальной микросреды индивида. Не остаются вне поля внимания и преграды, препятствующие достойному жизнеосуществлению: современные риски и опасности, тенденция маргинализации личности в условиях глобализации и т.д.

И все же центром концепции остается человек, система его мироотношений, миропонимания, определяющая жизненную стратегию; стратегические ресурсы личности, в частности воля к жизни как ресурс жизнотворчества, общественное служение как моральный исток жизненного кредо, позволяющего черпать дополнительные силы в сложных жизненных коллизиях, жизненная компетентность как залог взвешенности осуществляемых жизненных вы-

боров. Вместе с тем автор не скатывается в плоскость пафосного оптимизма, делая предметом анализа не только жизненный успех и комфорт, но и драму жизненной нереализованности, пути выхода из личностных кризисов, неизбежно возникающих в жизни каждого человека.

Разумеется, можно было бы пожелать автору более строгой упорядоченности тезауруса используемых категорий, которые иногда содержательно «наползают» друг на друга. Однако по зрелому размышлению приходится признать, что избранный стиль эссе наиболее соответствует замыслу синтезировать в концепте жизнотворчества законы искусства и науки, представить их синкретно, подобно тому, как едина и неделима в своих проявлениях сама жизнь.

Книга удивительно современна, актуальна по содержанию, поднимает серьезные вопросы теории и методологии науки, оснащена соответствующим научным аппаратом, но вместе с тем читается как хорошая художественная литература, поскольку написана поэтом от науки, содержит большое количество литературных примеров и отсылки и требует от читателя достаточной эрудиции. Ее выход приурочен к замечательному событию – 90-летнему юбилею автора. Издание этой книги само по себе станет событием в мире украинской социологической науки. Практически это замечательная история жизни в науке, которая оформилась в науку жизни, учение, не навязывающее некую систему представлений о недавнем, памятном еще многим прошлом, и не являющиеся дидактическим пособием по преодолению разнообразных жизненных проблем. Это приглашение к творческой, предполагающей самостоятельность и воображение работе ума над представленными многообразными и неоднозначными материалами, отражающими всю сложность и богатство жизненных перипетий.

В монографию вошли как опубликованные ранее работы, так и новые материалы, в том числе данные социологических мониторинговых исследований украинского общества последних лет. Материалы этого издания разделены на две книги. Жанр первой можно отнести к монографическому исследованию, посвященному разработке концепции жизнотворчества, вторая книга состоит из авторских публикаций разных лет – социологических очерков, социально-психологических эссе, интервью, объединенных центральной темой.

Автор поднимает актуальнейшие проблемы современности, рассматривая их сквозь призму социологии и социальной психологии, что позволяет не только должным образом оценить возможности собственно социологии как науки, но и вызывает глубокое уважение к маститому ученому, обладающему оригинальным видением современной ситуации, глубиной мысли и способностью остро реагировать на самые проблемные зоны, существующие в современном обществе, что, в свою очередь, открывает возможности для конструктивного диалога, выходящего за пределы книжного пространства.

Данный труд Лидии Васильевны Сохань в определенном смысле венчает ее не только научное, но и жизнотворчество; остается только сожалеть, что изрядное количество ее наработок осталось за пределами данной книги. Но даже та часть научного творчества, которая вошла в настоящее издание, дает представление о богатстве научного и человеческого потенциала автора.